

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ОШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Б.Н.Ельцина**

На правах рукописи
УДК 81-25:811.111+811.512.154 (043.3)

Жумакеева Эльмира Бердалиевна

**Функционально-семантическое исследование одобрения-похвалы и
неодобрения-недовольства в английской и кыргызской разговорной речи**

10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Козуев Дурус Исакбаевич,
доктор филологических наук, доцент

Бишкек – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	7
1.1. Понятие функционально-семантического поля и германо-тюркские исследования	7
1.2. Лексико-грамматическое выражение одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства	15
1.3. Лексико-грамматическое выражение одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства в разговорной речи в английском и кыргызском языках	39
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	51
ГЛАВА II МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	55
2.1. Основные методы исследования	55
2.2. Основные материалы и источники исследования	55
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	57
ГЛАВА III ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ РЕЧЕВОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ ФУНКЦИИ «ОДОБРЕНИЕ И ПОХВАЛА» В ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКОЙ И КЫРГЫЗСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ	58
3.1. Методология и методы сопоставительного анализа функционально-семантической экспликации одобрения и похвалы в английской и кыргызской разговорной речи	58
3.2. Функционально-семантическая экспликация одобрения и похвалы в английской разговорной речи	72
3.3. Функционально-семантическая экспликация одобрения и похвалы в кыргызской разговорной речи	86
3.4. Функционально-семантическое сопоставление экспликаций одобрения и похвалы в английской и кыргызской разговорной речи	101
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	116
ГЛАВА IV ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ РЕЧЕВОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ ФУНКЦИИ «НЕОДОБРЕНИЕ И НЕДОВОЛЬСТВО» В АНГЛИЙСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ	122
4.1. Методология и методы сопоставительного анализа функционально-семантической экспликации неодобрения и недовольства в английской и кыргызской разговорной речи	122
4.2. Функционально-семантическая экспликация неодобрения и недовольства в английской разговорной речи	130
4.3. Функционально-семантическая экспликация неодобрения и недовольства в кыргызской разговорной речи	140
4.4. Функционально-семантическое сопоставление экспликаций неодобрения и недовольства в английской и кыргызской разговорной речи	148

ВВЕДЕНИЕ

Сравнительно-историческое языкознание - одно из ведущих направлений современной лингвистики. Анализ лингвистических данных и использование сравнительных методик позволяют лингвистам выявить сложные закономерности в эволюции и контактах языков, что дает неоценимое представление о взаимодействии и развитии человеческого общества, углубляя наше понимание языкового наследия и динамичного взаимодействия языка, культуры и истории.

Расширение межкультурной коммуникации между Кыргызстаном и странами Запада требует глубоких лингвистических исследований. Понимание динамики этого языкового взаимодействия крайне важно в современном глобализированном мире. Выражение "одобрения - похвалы" и "неодобрения - недовольства" играет важнейшую роль в межкультурной коммуникации, на которую в значительной степени влияют культурные нормы. Анализ того, как эти функции передаются в разных культурах, помогает выявить коммуникативные сложности. Наиболее продуктивный подход к этим вопросам лежит в рамках функциональной семантики и аксиологической парадигмы. Функциональная семантика изучает значения и функции языковых выражений, а аксиологическая парадигма - то, как культура формирует употребление языка. Такой комбинированный подход позволяет получить полное представление о значении данной темы в межкультурной коммуникации.

Актуальность данной темы обусловлена следующими обстоятельствами:

- 1) усилением процессов межкультурной коммуникации между Кыргызстаном и странами Запада, где взаимодействуют английский и кыргызский языки в языковом пространстве Кыргызстана, которая является проблемой, требующей научного лингвистического исследования;
- 2) функциям «одобрение – похвала» и «неодобрение – недовольство» принадлежит особое место в организации дискурса и межкультурной коммуникации между представителями разных культур;

3) данные проблемы возможно рассматривать в рамках разных теоретических направлений языкознания, однако, наиболее продуктивно их исследование в терминах функциональной семантики и аксиологической парадигмы.

Связь работы с научно-исследовательскими программами и проектами. Тема диссертационной работы входит в тематику научно-исследовательских работ кафедры английского языка Бишкекского государственного университета им. К.Карасаева.

Основная цель нашей работы – выявление функциональных и культурно-языковых особенностей способов выражения категории «одобрение-похвала и неодобрение-недовольство» в дискурсе английской и кыргызской разговорной речи. Для достижения вышеозначенной цели намечается последовательно решить **три задачи**:

1) общий обзорно-теоретический анализ литературы, посвященной функционально-полевому исследованию функций «одобрение-похвала и неодобрение-недовольство»;

2) определить методологические принципы и методику сопоставительного анализа функционально-семантической экспликации одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства в английской и кыргызской разговорной речи;

3) на основе установленной методологии и методики провести сопоставительный анализ способов функционально-семантической экспликации одобрения и похвалы и неодобрения, и недовольства в английской и кыргызской разговорной речи.

Научная новизна исследования заключается в том, что 1) описаны способы и лексико-грамматические средства, используемые для выражения одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства средствами английского и кыргызского языков; 2) впервые в рамках одной работы собраны, систематизированы и проанализированы многоуровневые (цельнооформленная лексема, цельное словосочетание, законченное высказывание и интонационно-фонетические средства) единицы выражения одобрения-похвалы и

неодобрения-недовольства; 3) выявлены особенности культурной семантики языковых единиц в разговорной речи английского и кыргызского языков и 4) выявлены лексико-грамматические и лингвокультурологические совпадения и несовпадения в выражении одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства в английской и кыргызской разговорной речи.

Теоретическая ценность диссертации заключается в том, что она вносит определенный вклад в теорию и практику английской и кыргызской разговорной речи, в теорию и практику речевой деятельности в раздел изучения речевых действий, в теорию функциональной грамматики в раздел изучения функционально-семантических полей, а также в сопоставительное языкознание в область германо-тюркского сопоставления.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее положения и выводы могут быть использованы при составлении нормативного учебника по английскому языку для школ и вузов с кыргызским языком обучения. Языковой материал может быть полезен при составлении словарей и справочных изданий по английскому языку для кыргызскоязычной аудитории, а также при написании дипломных и магистерских диссертаций студентами факультетов иностранных языков и кыргызской филологии при разработке ими соответствующих сопоставительных работ по данной проблематике.

Основные теоретические положения, выносимые на защиту, можно сформулировать следующим образом:

1. Функционально-семантические категории «одобрение-похвала и неодобрение-недовольство» являются одним из важных элементов организации дискурса в процессах межкультурной коммуникации.
2. Указанные категории относятся к универсальным категориям человеческого общения, поскольку присутствуют в дискурсе каждого языка.
3. Способы выражения и культурная семантика данных категорий в английском и кыргызском языках имеет существенные национально-культурные различия, что обусловлено природной средой, особенностей культурно-исторического

развития этноса, мировидения, традиций, культурных и религиозных ценностей и др.

Личный вклад исследователя состоит в сборе фактического языкового материала в каждом из сравниваемых языков, в обзорно-теоретическом анализе научной литературы по данной теме, в адекватной систематизации и расклассифицировании как фактического языкового, так и теоретического лингвистического материалов, в получении теоретически ценных и практически значимых результатов, а также во всестороннем опубликовании основного содержания работы.

Апробация результатов исследования. Содержание работы отражено в докладах автора на научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава БГУ им.К. Карасаева (2015-2016 гг.), на LXXXI международной научной конференции “Актуальные научные исследования в современном мире” (Украина, 2022 г.), а также на международной научно-практической конференции КГУСТА им. Н. Исанова (2022 г.).

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Содержание и основные положения диссертации отражены в 9 публикациях: зарубежный РИНЦ - 1 статья (Украина); входящих в перечень рецензируемых научных периодических изданий НАК КР - 8 статей.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы на русском, кыргызском и иностранных языках; каждая глава завершается выводами. Общий объем работы составляет 187 страниц.

ГЛАВА I ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Понятие функционально-семантического поля и германо-тюркские исследования

Термин «поле» введен в лингвистику Г. Ипсеном в 1924 г. В практике лингвистических исследований наиболее применительными оказались идеи поля, изложенные немецким ученым Й. Триром [Васильев, 1971:106]. Й. Трир применяет данное понятие к лексическому полю, которое в трактовке ученых получило название поле Трира [Лекомцев, 1979:207].

Понятие ФСП является частью системы грамматических понятий и терминологии, которая рассматривает языковые единицы как с точки зрения формы и значения, так и от значения к форме. С 1960-1970-х годов советские лингвисты (В.Г. Адмони, М.М. Гухман, Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс, А.В. Бондарко и др.) разработали понятие поля в грамматике. Оно в значительной степени опирается на теорию понятийных категорий И.И. Мещанинова и на учение В.В. Виноградова о модальности как семантической категории, имеющей смешанный лексико-грамматический характер в языках различных систем.

Теория функциональной грамматики, разработанная академиком АН СССР А.В. Бондарко в 1971 году, оказала значительное влияние на развитие научного подхода к изучению ФСП. Изучение правил и закономерностей использования комплекса грамматических единиц и языковых средств в конкретном высказывании для реализации единой семантической цели называется функциональной грамматикой [Бондарко, 2001].

Функционально-семантическое поле (далее ФСП) — это область, которая представляет собой полевую структуру мироздания и реализует содержательный аспект языка [Улазаева, 2016]. Эта область создается различными языковыми средствами, которые используются одновременно в одной и той же семантической системе. Эти средства выполняют общие семантические задачи, выражая различные варианты семантики той или иной семантической категории. Говоря иначе, функционально-семантическое поле

— это слияние различных вариантов интерпретации данной семантической категории в языке и всех средств выражения.

ФСП — это система разноуровневых языковых средств (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, комбинированных лексико-синтаксических и т.д.), которые взаимодействуют в соответствии с общностью их соответствующих функций в данной семантической категории. ФСП аспектуальности, темпоральности, залоговости, локативности и т.п. представляют собой разновидности языковых категорий. ФСП включают в себя аспекты своего окружения, которые относятся к той же семантической категории, в дополнение к грамматическим единицам, классам и категориям как исходным системам.

В основе каждого ФСП лежит определенная семантическая категория - тот семантический инвариант, который связывает воедино разрозненные языковые средства и регулирует их взаимодействие. Так, система вариантов содержания, включающая такие признаки, как отношение действия к пределу, фазовость (обозначающая начало, продолжение и завершение действия), перфектность, т.е. обозначение актуальности последствий действия (пересекающая поля аспектуальности и темпа), раскрывает семантический инвариант аспектуальности, который заключается в передаче характера протекания и распределения действий (и других разновидностей предикатов) во времени. Каждая семантическая вариация в рамках конкретного ФСП связана с определенным способом выражения. ФСП представляет собой двустороннее (содержательно-формальное) единство, охватывающее конкретные языковые средства со всеми их особенностями.

В зависимости от своего назначения средства выражения далее делятся на основные и периферийные. Граница между центральным и периферийным использованием языковых средств также определяется экспрессивностью. ФСП структурно разделяются на две группы: моноцентрические и полицентрические, по мнению А.В. Бондарко. Последние, обладая слабо центрированной структурой, основаны на сочетании различных языковых средств - отдельных,

но родственных категорий - в отличие от первых, которые представляют собой строго центрированные поля и основаны на какой-либо грамматической категории (темпоральности, аспектуальности и т.д.) [Бондарко, 2001:45].

Одной из лингвистических координат, разрабатываемых в настоящей работе, является сопоставительная конфронтация языков, при котором сравниваются языки генетически неродственные и типологически разноструктурные, при котором самые разнообразные системы лексико-грамматических средств из сравниваемых языков анализируются в их синхронизации, а именно, с позиции сегодняшнего дня.

Сравниваемые нами английский язык и кыргызский имеют определенную лингвистико-методологическую традицию своего изучения. В русском советском языкознании была создана школа германо-тюркского языкознания. Она имела предтечей сравнительные типологии русского и иностранных европейских языков, когда русский язык сравнивался тем же германским английским языком [Аракин, 1989; Гуревич, 2008], или когда русский язык сравнивался с германским флективным немецким [Абрамов, 2001], или же когда русский язык сравнивался с романским флективным французским языком [Гак, 1976].

В качестве основополагающих сопоставительных германо-тюркских работ можно выделить исследования ученых-типологов: Гатиатуллина, 1979; Буранов, 1983; Сыдыков, 1984; Бекбалаев, 1991; Найманова, 2004; Исаев, 2009.

Поскольку вышеназванные работы имеют методолого-основополагающее значение для нашего сопоставительного англо-кыргызского исследования, постольку выделим некоторые места из них, которые являются актуальными для конкретного лингвистического анализа речевых действий одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства.

Исследователь-типолог З.З.Гатиатуллина рассматривает в сравнительно-типологическом плане татарский и английский языки. Сравнивая с позицией языковой типологии фонологические, морфологические и лексические системы татарского и английского языков, автор выделяет их сходные, так и несходные моменты в означенных языковых системах [Гатиатуллина, 1979:40-41].

Узбекский типолог и англист Дж. Буранов предпринимает сравнительно-типологический анализ германского английского языка в его сопоставлении с пятью тюркскими языками Центральной Азии: узбекским, казахским, каракалпакским, кыргызским и туркменским [Буранов, 1983:186-187].

Кыргызский типолог, ученый-англист Ж.К. Сыдыков одним из первых в сопоставительном германо-тюркском языкознании ввел в сравнительный анализ фонетико-фонологических систем английского и кыргызского языков инструментальный анализ, используя возможности тогдашней фонетической лаборатории АН Киргизской ССР [Сыдыков, 1984:102-103].

Кыргызский германист и типолог А.А. Бекбалаев одним из первых в сопоставительном германо-тюркском языкознании сравнил на материале немецкого и кыргызского языков релевантности синтаксической номинации, а именно того, как во флективном немецком и агглютинативном кыргызском происходит обозначение фактов и событий действительности посредством синтаксических конструкций. Интерес для нашего сопоставительного исследования представляют толкования ученого трехуровневой сравнительной парадигмы грамматических категорий [Бекбалаев, 1991:110-113].

Кыргызский германист и типолог А. Жолдошбек уулу предпринимает сравнительно-типологический анализ всей системы немецкого и кыргызского языков, конфронтативно сопоставляя подсистемы: фонетическую, морфологическую, словообразовательную, синтаксическую, лексическую и фразеологическую. Представляет интерес заключение ученого при сравнении фонетических подсистем, что в обоих сопоставляемых языках имеются различия не только в собственно фонетико-акустической стороне, но и в физиолого-фонетическом отношении [Жолдошбек, 1996:63].

Кыргызский англист и типолог Ч.К.Найманова сравнивает грамматические категории валентности и сочетаемости частей речи в английском и кыргызском языках. Рассматривая валентность как потенциальное состояние слов той или иной части речи, а сочетаемость как реализацию валентности в конкретном предложении, ученый отмечает роль

сочетаемостной реализации валентности грамматического типа аналитического английского и агглютинативного кыргызского языков [Найманова, 2004:157].

Мы уже отмечали во введении к нашей работе, в сопоставительное исследование речевых действий одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства мы внесли функционально-семантический подход. Как мы покажем далее, функционально-семантические интерпретации материала флективного немецкого и аналитического английского в сравнении с таковым агглютинативного кыргызского, а также казахского языков, приобрели сегодня свойства лингвистической традиции [Абдыкаимова, 1992; Камбаралиева, 1999; Уева, 1999; Борчиева, 2005; Джаркинбаева, 2008; Жумабекова, 2009; Джумалиева, 2011].

Наше введение функционально-семантического подхода в изучение речевых действий одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства обусловлено тем фактом, что означенные речевые действия выражаются в обоих сопоставляемых языках: английском и кыргызском – самыми разнообразными языковыми средствами, которые, в сущности, можно свести к четырем проявлениям: к фонетическому, к структуре предложения-высказывания, к структуре словосочетания и к отдельной лексеме. Например, в английском языке:

(1) “It’s a room everyone *likes*! If you don’t take it, someone else will take it soon.” [O. Henry, 2017].

(2) It was only when they were on the train that Percy became, for the first time, rather communicative. One day while they were eating lunch in the dining-car and discussing the imperfect characters of several of the boys at school, Percy suddenly changed his tone and made an abrupt remark. My father, he said, “is by far the richest man in the world” [Fitzgerald, 2011].

(3) “Talk sense”, said Doctor Keene sharply. He appeared somewhat irritated [Fitzgerald, 2011].

(4) “Nonsense!” said the Widow Wycherly, with a peevish toss of her head. “You might as well ask whether an old woman’s wrinkled face could ever bloom again” [Hawthorne, 2013].

В английских примерах (1) и (2) содержится позитивная оценка обозначаемого предмета речи и выражаются речевые действия одобрения и похвалы: в первом из них превалирует при таком выражении фонетическая сторона высказывания, эксплицированная положительной эмоциональностью, которая отражена на письме восклицательным знаком /...likes! – ... нравится! /, а во втором манифестируется структура законченного предложения / My father is by far the richest man in the world. – Мой отец немного богаче всех в мире /.

В английских примерах (3) и (4), в которых содержатся речевые действия неодобрения-недовольства и выражена негативная оценка предмета речи, употреблены: в 3/-ом примере незаконченная словосочетательная конструкция / Talk sense. – Говорите вразумительно /, а в 4/-ом только одна лексема / Nonsense! – Вздор! /, которые и выражают означенные речевые действия. Аналогичное наблюдается и в кыргызском языке:

(5) Күлө: - И-йа! «Өтпөйбүз» дейт ко мынаву чал?! – деп салды тилмер, маселени жалгыз өзү чечип отургансып, «эми кандай этсем» дегенчилик манчыркап, көкүрөк кере бир дагдайып алды. – «Арак ичишип отургандан кырылып кете берген артык!» дейт ко бу?! [Касым-Бек, 2000].

(6) Тайлак атынан түштү. Осмонбектин бет маңдайына тура калды:

- Алик алган жоксуңар, датка аба. Атасын өлтүрсө да салам бергенге алик айтыш салт [Жоошбаев, 2002].

(7) – Болду! Ишенич акталды! Купулга толдуңар! Жашай бергиле. Жа-ша-гы-ла-а! – Заматта көздөн кайым болуп кетсе да үнү ошол жерде кыйлага жаңырып, эрмек болуп, алаксытып кала бергенсиди [Медетов, 1991].

(8) – Туура! – деди Курманбек. – Сизге тең келе албайбыз. Бирок, ордого кечээ-жакында эле келген жаш саяпкер баланын –Төрөкулдун бизден эмнеси өйдө экенин биле электигибиз чын! Анын эмнеси бар экен? [Медетов, 1991].

В кыргызских примерах (5) и (6) содержится негативная оценка обозначаемого предмета речи, речевые действия неодобрения-недовольства выражена в 5/-ом примере фонетическими средствами / И-йа?!- , а в 6/-ом – структурой законченного предложения / Алик алган жоксуңар, датка аба.

В двух последних кыргызских примерах (7) и (8), в которых содержится позитивная оценка предмета речи и выражены речевые действия одобрения и похвалы, 7/-е предложение эксплицирует означенные действия незаконченным словосочетанием / Ишенич акталды! Купулга толдунар!, а 8/-е предложение эксплицирует данные действия только одной лексемой / Туура!

Таким образом, речевые действия как положительной оценкой (одобрение и похвала), так и отрицательной (неодобрение и недовольство), могут быть выражены в обоих сопоставляемых языках: английском языке и кыргызском – самыми разнообразными языковыми средствами и структурами. Именно такая разнородность и разнопорядковость выражения явлений одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства побудила нас к методологическому подходу к нему с позицией функциональной грамматики.

В этой связи акцентируем еще раз два момента, особо важные для релевантных характеристик функциональной грамматики. Первое: «Особенность функциональной грамматики заключается в комплексном и интегрирующем подходе, при котором за основу берутся семантические категории грамматики и семантические функции, объединяющие разноуровневые языковые средства» [Теория функциональной грамматики, 1987:7. – Подчеркнуто нами. Э.Ж. – также: Бондарко, 1971:19; Geckeler, 1971:82-83]. Второе: основой теории функциональной грамматики является «функционально-семантическое поле – система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т.п.), взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определенной семантической категории» [ЛЭС, 1990:566-567. – Подчеркнуто нами. Э.Ж. – также: Лазариди, 2000:29-30].

Таким образом, обе стороны нашего сопоставительного исследования: конкретная языковая практическая и абстрагированная лингвистико-теоретическая – демонстрируют нашу правоту того, что мы избрали для сравнительного анализа речевых действий одобрения-похвалы и неодобрения-

недовольства методологию научно-практического функционально-семантического подхода. Именно два вышеуказанных момента в той или иной связи выделялись в функционально-грамматических сопоставительных исследованиях шести кыргызских и одного казахского языковедов, имена которых мы уже указывали в данном параграфе нашей работы [Абдыкаимова, 1992; Камбаралиева, 1999; Ууева, 1999; Борчиева, 2005; Джаркинбаева, 2008; Жумабекова, 2009; Джумалиева, 2011].

Работы означенных выше ученых можно распределить в зависимости от объекта изучения по трем группам. К первой группе можно отнести две работы кыргызских языковедов [Абдыкаимова, 1992; Камбаралиева, 1999;] и одну работу казахского языковеда [Жумабекова, 2009], в которых объектом сопоставительного изучения выступает системно организованная лексика, выражающая: соматические фразеологизмы в кыргызском и немецком языках [Абдыкаимова, 1992], наименование человека по его внутренним и внешним признакам в кыргызском и русском языках [Камбаралиева, 1999], повелительную лексику в казахском и немецком языках [Жумабекова, 2009]. Основным отличительным свойством с позиции теории функциональной грамматики в обозначенных выше работах является то, что они обосновывают полевой подход в лексико-семантической группе (группах) на основании понятийно-семантического анализа. Именно семантический анализ позволяет объединять в одно лексическое поле разнопорядковые лексические средства, которые могут в общей системе языка относиться к самым различным классификациям; так, например, в наименованиях человека это могут быть классификации по индивидуальным, личностным, индивидуально-личностным, групповым, общим социальным признакам [Камбаралиева, 1999].

Ко второй группе сопоставительных работ в кыргызском языкознании, в которых в качестве объекта исследования выделена лексика и лексико-грамматические конструкции со значением пространственных отношений, можно отнести три исследования [Ууева, 1999; Борчиева, 2005; Джаркинбаева, 2008]. Основным отличительным свойством данных работ является факт того,

что они все однозначно относят к языковым средствам с пространственным значением не только самостоятельную лексику, но также и различные синтаксические конструкции. Уева М.Х. сопоставляет немецкий и кыргызский языки, Борчиева Б.Т. – русский и кыргызский языки, а Джаркинбаева Н.Б. – английский и кыргызский языки.

Особо выделяется в качестве основополагающей работы в составе одной третьей группы фундаментальное сопоставительное исследование кыргызского ученого Г.К. Джумалиевой, которая сравнивает функционально-семантические поля интеррогативности в английском и кыргызском языках, актуализируя при этом контрастивный и переводческий аспекты. При этом, функционально-семантическое поле интеррогативности определяется «... как система разноуровневых языковых средств, объединенных общей лексико-семантической категорией вопросительности» [Джумалиева, 2011:156].

1.2. Лексико-грамматическое выражение одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства

Речевые акты как единица научных явлений изучаются в рамках учения об элементарных единицах языковой коммуникации – теории речевых актов, которая "выросла" из теории дискурса. «Дискурс (от франц. *discourse* – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания < ... > Одной стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выявления его импликаций и пресуппозиции, для его интерпретации < ... > Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим, социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи» [ЛЭС, 1990:136-137].

Идея речевых актов утверждает, что простейшей единицей человеческого общения является не предложение или выражение, а «осуществление определенного вида актов таких, как констатация, вопрос, приказание, описание, объяснение, извинение, благодарность, поздравление и т.д.» [Searle, 1980].

Дж. Л. Остин, оксфордский аналитик, представил теорию речевых актов в конце 1940-х годов. Его идеи, изложенные в курсе лекций, были позже опубликованы под названием "Слово как действие" в 1986 году. Это ознаменовало появление теории речевых актов как отдельной отрасли лингвистики во второй половине 20-го века. Дж. Остин утверждал, что, когда человек говорит в условиях реального речевого взаимодействия, он действительно совершает какое-то действие посредством произнесения этого высказывания. Это может быть вопрос, требование, указание, оправдание, извинение и т.д. Таким образом, "речевой акт" — это преднамеренное речевое действие, осуществляемое в соответствии с нормами и правилами соответствующего речевого поведения, установленными в конкретном обществе [Остин, 1986:122-129].

Существует целый ряд определений речевых актов:

- Речевой акт — «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе. В отличие от высказывания как единицы речи он является специфической единицей речевого поведения общества и может рассматриваться в ракурсе прагматических ситуаций» [БЭС, 1998:412].
- Речевой акт — «минимальная единица речевой деятельности, выделяемая и изучаемая в теории речевых актов — учении, являющемся важнейшей составной частью лингвистической прагматики» [Серль, 1986а:151].
- Речевой акт — «отдельный акт речи, в нормальных случаях представляет собой двусторонний процесс порождения текста, охватывающий говорение и протекающие параллельно и одновременно слуховое восприятие и понимание услышанного» [Маслов, 1987:11].

Согласно теории речевых актов, в процессе высказывания говорящий выполняет некое действие. Г.Г. Матвеева считает, что в рамках данного учения «языковое высказывание трактуется как действие» [Матвеева, 2013:56], и это есть основополагающая особенность этого учения. За минимальную единицу коммуникации берется речевой акт, который Н.Д. Арутюнова определяет как «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе» [Арутюнова, 1999:412].

Согласно З.К. Темиргазиной, речевой акт – это способ реализации коммуникативной цели: «минимальная основная единица речевого общения, в которой реализуется одна коммуникативная цель говорящего и оказывается воздействие на адресата» [Темиргазина, 2017]. Если рассмотрим мысль и ее путь от говорящего до слушающего в линейной плоскости, то получается, что говорение и есть то действие, которое осуществляет коммуникативную связь. Не всегда мысль адресанта доходит до адресата в целостности, так как между сказанным и услышанным существует ряд факторов, отвечающих за качество понятого. Это такие факторы, как коллективная и индивидуальная интерпретация, которые, в свою очередь, опираются на временной, исторический, индивидуальный опыт участников речевого действия.

В.З. Демьянков в своем труде «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (Обзор направлений)» высказал мысль о том, что акты речевого действия позволяют ученым «выйти за пределы предложения, раздвинуть рамки лингвистического анализа» [Демьянков, 1986:223]. Исследователи по-разному подходят к анализу и методам классификации, но существует некая константа категорий, необходимая для характеристики и оценки действий – это субъект, цель, способ, инструмент, средство, условия, успешность.

В теории речевых актов существует незыблемая база, наработанная основателем этой теории Дж.Л. Остином, на нее опираются все современные исследователи. Суть заключается в трехуровневости акта речи (локутивный,

иллокутивный и перлокутивный акты) при подходе с позиции акта проецирования намерения [Остин, 1986:92-93].

Речевые акты – «это целенаправленные акты речи, высказывания, несущие в себе коммуникативное значение и служащие процессу общения в рамках определенных социальных групп. Поскольку речь представляет собой действие, имеющее устную и письменную форму, то и речевые акты могут протекать как в формате употребления звуковых обозначений, так и в формате изложения мысли путем использования системы букв. При устной речи происходят процесс говорения и параллельное восприятие, и понимание услышанного. При письменной форме общение осуществляется через письмо и последующее прочтение, понимание прочитанного текста» [Йылмаз, 2018:20].

Для классификации всего спектра РА Дж. Серль выделил пять видов:

- 1) репрезентативы имеют цель отразить положение дел в мире: это информирование, утверждение, прогнозирование, признание, описание и т.п.;
- 2) директивы направлены на побуждение адресата к действию или не действию: это просьбы, запреты, советы, инструкции, призывы и пр.;
- 3) комиссивы имеют цель связать себя необходимостью совершать / не совершать что-либо: это обещание, клятва, гарантирование;
- 4) экспрессивы отражают определенное психологическое состояние говорящего (чувство благодарности, сожаления, радости, одобрение, недовольство и т.п.);
- 5) декларации имеют цель официально заявить о некотором положении дел, например, присвоение звания человеку, назначение на пост, объявление войны или перемирия и т.п. [Серль, 1986:195-222].

Попытки создания единой универсальной классификации, отвечающей всем требованиям, были предприняты такими видными лингвистами, как К. Бах, В. Богданов, К. Бюлер, Д. Вундерлих, Дж. Лич, Дж.Л. Остин, Дж. Оуэр, Г. Почепцов, Дж. Серль, Б. Фрейзер, Р.Харниш, Р. Якобсон и т.д.

В рамках рассмотрения вопроса о соотношении речевых актов и речевых жанров Ф.С. Бацевич рассматривает три категории прагмалингвистических идей [Бацевич, 2005]. Ф. Бацевич делит теории на три группы: а) англо-

американские речевые акты, в которых игнорируются речевые жанры; б) речевые жанры, в которых игнорируется теория речевых актов; и в) теории, в которых релевантными являются как теория речевых актов, так и речевые жанры. К общим чертам можно отнести учет ситуативного контекста и функциональной направленности речевого высказывания. М.М. Бахтин считает, что речевые жанры — это тематические, композиционные и стилистические типы высказываний, в которых на первый план выходит текст стилистическое содержание [Бахтин, 1979]. Текстовый уровень в данном случае не учитывается, а сторонники идеи речевых актов делают акцент на синтаксическом аспекте речевых актов и определяют их как высказывание с заданной целью [Авраменко, 2007:9]. Речевые жанры, по мнению М.М. Бахтина, — это средства социального взаимодействия, тогда как речевые акты — это в значительной степени индивидуальные репродукции, оказывающие определенное воздействие на адресата [Бахтин, 1979].

Ф.С. Бацевич утверждает, что теория речевых актов и речевых жанров иерархична, причем речевые жанры состоят из совокупности речевых актов. Эту идею поддерживают Дементьев, Шмелева, Вежбицкая. Понятия речевых актов и жанров являются сложными, а типы Дж. Остина и Дж. Серла недостаточны с точки зрения коммуникативной природы. Бацевич предполагает, что нет прямого перехода от речевого акта к дискурсу, который включает коммуникативные стратегии, тактики, моделирование ситуативного содержания. Для понимания природы и организации дискурса необходима категория, учитывающая не только общие интенции участников, но и другие составляющие факторы коммуникативной деятельности людей. Такой категорией может стать речевой жанр [Авраменко, 2007:12].

Таким образом, согласно теории Ф.С. Бацевича, речевой жанр можно охарактеризовать как тематически, композиционно и стилистически сложившиеся типы сообщений — носителей речевых актов, которые связаны между собой целью сообщения, интенцией отправителя, а также учитывают личность адресата, контекст и ситуацию общения.

Экспрессивными речевыми актами считаются акты, выражающие психологическое состояние и оказывающие эмоциональное воздействие на адресата. Они могут сочетаться с другими интенциями или вытекать из них. Коммуникация не затруднена, так как основные, ведущие интенции считаются адресатом, поскольку прагматическое понимание опирается на лингвистическую и экстралингвистическую информацию, включая грамматическую структуру, паралингвистические характеристики, коммуникативную ситуацию и адресата [Трофимова, 2008].

В рамках нашей работы мы рассматриваем речевые акты «одобрение / похвала» и «неодобрение / недовольство», которые относятся к экспрессивам. Широкое определение класса экспрессивов, оценочные высказывания включаются в него, поскольку они обладают перлокутивным воздействием экспрессивов Сёрла, вызывая эмоциональную реакцию слушающего. Таким образом, в класс экспрессивов входят выражения одобрения и неодобрения (как оценочные речевые акты), а также оскорбления, комплименты и похвалы (как речевые акты, несущие оценочный аспект) [Вольф, 1985:166-167].

Вопрос о границах классов лингвисты решают, изучая состав экспрессивов. В перечень речевых актов, относимых к экспрессивам, входят благодарность, вокатив, гнев, жалоба, извинение, комплимент, возмущение, неодобрение, одобрение, оскорбление, пожелание (благословение, проклятие, тост), поздравление, посвящение, похвала, передача приветствия, представление, приветствие, приглашение, принятие благодарности и извинения, сетование, прощание, выражение радости, разочарования, ругань, соболезнование, сожаление, упрек. Эти акты показывают неоднородность речевых актов, относимых к экспрессивным. Близкие по иллокутивным отношениям акты часто имеют разные названия, а многие из них могут быть сгруппированы в подклассы по иллокутивным целям. Например, благословения, проклятия, тосты можно отнести к пожеланиям, а одобрение, похвалу, комплименты, неодобрение, упреки, недовольство, ругань, оскорбления - к общему подклассу, основанному на

выражении положительной или негативной оценке говорящим адресата или ситуации [Гловинская 1993:196].

В.Н. Телия в связи с анализом эмотивно-оценочных лексем впервые отметил, что в работах Дж.Р. Серла и Дж.Л. Остина не рассматриваются речевые акты, указывающие на эмотивно-оценочное отношение говорящего к явлениям окружающего мира: «Мы полагаем, что для того, чтобы выразить неодобрение, презрение, пренебрежение или одобрение как иллокутивную силу, можно прибегнуть к прямому вердиктиву типа: Я презираю тебя, Я одобряю тебя или же к эмотиву: Ты – Иуда <христопродавец <...> И поскольку презрение, пренебрежение и т. п. – не вердикты суда, а «приговоры души», то эксплицируемые в речи чувства-отношения можно назвать эмотивами (не порывая традиции с их семантическим статусом, определяя их как эмоциональные перформативы: Я презираю тебя / унижаю / одобряю и т.п.)» [Телия, 1996:210].

Речевые акты эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, как их понимает Телия В.Н. – это речевые акты эмоционального самовыражения, поводом для которого является ощущение говорящим несоответствие адресата и его поведения норме или представлениям говорящего о ней. По мнению В.Н. Телия, речевые акты, обозначаемые нами как акты эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, также выражают чувства-отношения, неразрывно связанные с рациональной оценкой воспринимаемого и проходящие через эмоциональную сферу психики [Графова, 1987]. Это всегда внешние воздействия, связанные с социальными нормами (которые помогают человеку вписаться в общество) и ролями (которые определяют права и обязанности человека по отношению к другим людям и создают рамки социального взаимодействия). Неформальная позитивная санкция – это одобрение или похвала. Неформальная негативная санкция – это порицание, выговор, замечание, насмешка, издевательство, неодобрение, недовольство или пренебрежение [Кравченко, 1996:103-104].

Тот факт, что в результате социализации членам общества присуще нравственное сознание, господствующее в данной национальной духовной культуре, т.е. индивиды принимают поведенческие нормы, характерные для этой культуры, является предпосылкой целесообразности и успешности речевых актов эмоциональной оценки и эмоционального воздействия. Существуют социальные нормы, определяющие, какое поведение считается приемлемым или неприемлемым, в том числе и неписанные правила, которые люди порой не осознают в полной мере [Трофимова, 2008:130].

Речевые акты «одобрение / похвала» представлены в английском языке существительными *approval, praise, approbation, appreciation, recognition* и адъективными лексемами *applaudable, commendable, creditable, exemplary, good, laudable, deserving, meritorious, praiseworthy*.

Обратимся к словарным дефинициям имен существительных, репрезентирующих данное понятие в толковых словарях Macmillan и Longman:

Approval – a positive feeling that you have towards someone or smth. that you think is good or suitable («Одобрение – положительное чувство, которое вы испытываете по отношению к кому-либо или чему-либо, что вы считаете хорошим или подходящим» – [перевод наш. Э.Ж.]; **Recognition** – public respect and thanks; praise, respect or admiration (Macmillan) («Признание – публичное уважение и благодарность»; «похвала, уважение или восхищение»; **Approbation** – official recognition or approval [«Утверждение – официальное признание или одобрение»]; **Appreciation** – recognition of the quality, value, significance, or magnitude of people and things; a favorable judgment; «a small token in admiration of your works» [«Признание – признание качества, ценности, значимости или величины людей и вещей; благоприятное суждение; "небольшой жетон в знак восхищения вашими работами"»]; **Praise** – an expression of strong approval or admiration; a verbal expression of admiration, approval, or respect; commendation («Похвала – выражение сильного одобрения или восхищения; акт выражения одобрения, восхищения и т.д.»; «акт позитивного высказывания о человеке,

объекте или идее, публично или частным образом”; “словесное выражение восхищения, одобрения или уважения; похвала”).

Имена существительные *approval, approbation, praise, appreciation, recognition*, номинируют одобрение в английском языке. Исходя из словарных дефиниций данных лексем, видно, что одобрение в английском языке представляет собой положительное чувство (*a positive feeling*), часто объясняемое через эмоции восхищения, уважения (*respect, admiration*), направленное на определенный объект, которому мы даем положительную оценку (*favorable judgment*).

Речевые акты «неодобрение / недовольства» представлены в английском языке существительными *displeasure, rejection, condemnation, dislike, criticism, approbation* и адъективными лексемами *unfavorable, negative, critical, condemning, disapproving*. Английские толковые словари дают следующее определение:

Disapproval – The act of disapproving and condemnation (“Акт неодобрения и осуждения”); **Displeasure** – Failure or refusal to approve; rejection, unfavorable opinion; **condemnation** (“Неудача или отказ одобрить; неприятие, неблагоприятное мнение; осуждение”); **Dislike** – To have a feeling of not liking; feel aversion to; have objections to («Иметь чувство неприязни; испытывать отвращение; иметь возражения против»); **Condemnation** – A cause for condemning («Осуждение – причина для осуждения»); **Disapprobation** – Unfavorable opinion or judgment (“Неблагоприятное мнение или суждение”).

Мы различаем анализируемые явления «одобрения» и «похвалы», а также «неодобрения» и «недовольства» по степени интенсивности семантического признака положительности (одобрение-похвала) и отрицательности (неодобрение-недовольства). Мы считаем, что степень интенсивности семантического признака положительности несколько выше в лексеме «похвала», нежели в лексеме «одобрение». Если семантика лексемы «одобрение» дефинируется в лексикографических источниках как «признать хорошим, правильным, допустимым» [Ожегов, Шведова, 2009:447], и данная

дефиниция опирается на значение однокорневого глагольного инфинитива, то семантика лексемы «похвала», определяемая как «хороший отзыв о ком-чем-нибудь, одобрение» [Ожегов, Шведова, 2009:573], коррелирует со словоформами «хвалящий» и «хваленый» и имеет значение «выражать одобрение, похвалу кому-чему-н. за что-н.». [Ожегов, Шведова, 2009:860]. Значение лексемы «похвала» содержит, таким образом, большую степень интенсивности семантического признака положительности.

Аналогичным образом можно утверждать, что значение лексемы «недовольство» насыщено семантическим признаком отрицательности в несколько большей степени, нежели значение лексемы «неодобрение». Абсолютно подобным образом значения английской лексемы approval (одобрение) и praise (похвала) отличаются друг от друга степенью интенсивности семантического признака положительности, при этом означенная степень интенсивности выше в лексеме praise, нежели в лексеме approval [Дубровин, 2011:51;391]. Сравним: He got a lot of praise for his work – Он удостоился многих похвал за свою работу. // This proposal was met with approval – Это предложение было встречено с одобрением. Также английская лексема discontent (недовольство) отличается большей степенью насыщенности семантического признака отрицательности, нежели лексема disapproval (неодобрение) [Дубровин, 2011:159;163].

Такое же отличие в реализации интенсивности семантического признака положительности наблюдается в значениях кыргызских лексем: «жактыруу» (одобрение) / меньшая степень интенсивности признака / и «мактоо» (похвала) / большая степень интенсивности признака / [Юдахин, кн.1, 1985:218; кн. 2, 1985:14], а также «жактырбоо» (неодобрение) / меньшая степень интенсивности признака / и «нааразычылык» (недовольство) / большая степень интенсивности признака/ [Юдахин, кн. 1, 1985:218; кн. 2, 1985:50].

В словаре «Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү» понятие «жактыруу» имеет следующее значение: «туура деп эсептөө, макул табуу, жарайт, болуптур, макул деген сыяктуу ырастоо» («считать правильным, соглашаться,

подтверждать, как будто все в порядке, так случилось, хорошо” – перевод наш.Э.Ж.) [Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү, кн.1, 2015:430], «мактоо» - «жакшы жактары, көрүнүктүү иштери, аракети, баатырлыгы ж.б. жөнүндө сөз айтуу, жакшы жагын көрсөтүү, белгилөө» («говорить о добрых, выдающихся подвигах, усилиях, героизма и т. д., а также показывать и отмечать хорошие качества» – перевод наш.Э.Ж.) [Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү, кн.2, 2015: 190]. Синонимами данных явлений являются «жакшы, дурус, тузук, табир, мыкты, сонун, ырас» [Кыргыз тилинин синонимдер сөздүгү, 2015:88]

Отрицательное явление «жактырбоо-неодобрение» описывается «жаман жактарын, начар сапаттарын белгилеп көрсөтүүү, кемчиликтерин айтуу, кадыр баркын түшүрүүчү сөздөрдү сүйлөө» («говорить о недостатках, указывать на плохие стороны, плохие качества, говорить унижительные слова») [Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү, кн.1, 2015:444], «нааразычылык-недовольство» – «ыраазы эместик, ыраазы болбогондук» («неудовлетворенность, недовольствие» - перевод наш.Э.Ж.) [Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү, кн.2, 2015:252]. Например:

Бул чечимди баштапкы уюм жактырууга тийиш. - Первичная организация должна одобрить это решение // Мактоо жеткирет, чагым өлтүрөт (посл.) – Похвала окрыляет - клевета убивает.

Таким образом, можно удостовериться, что собственно языковые семантические основания явлений одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства являются вполне идентичными в сопоставительных нами английском и кыргызском языках, а также и в русском метаязыке сравнительного исследования; и данная идентичность обуславливается одинаковой степенью насыщенности семантических признаков положительности и отрицательности в коррелируемых парах: одобрение–approval–жактыруу и похвала–мактоо–praise, а также: неодобрение–disapproval–жактырбоо и недовольство–discontent–нааразычылык.

Вне всякого сомнения, явление одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства не являются только лингвистическими, чисто лингвистическими

и собственно лингвистическими категориями. Они имеют и внелингвистические основания, имеющие место быть в человеческой психике. “Известно, что психическое не существует само по себе, а привязано к материальной сущности – мозгу, “управляющему” психическими состояниями в тесном взаимодействии с механизмами их вербализации” [Лазариди, 2005:9]. Ведь одобрение и похвала, а также неодобрение-недовольство, есть мысленно-понятийная целеустановка человека, вытекающая из его прошлого опыта, который, в свою очередь, детерминирован социально-культурными условиями и обстоятельствами общественной жизни в том или ином языковом обществе.

Явление одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства, обусловленные человеческой психикой на основе всего предыдущего опыта, в первую очередь, всего языкового общества, имеет перспективу адекватно оценить действия другого лица (лиц), те или иные социальные отношения, институты, а также всякие иные процессы, имеющие место быть внутри данного языкового общества. И уже во вторую очередь в явлении одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства проявляется собственное отношение самого говорящего человека, если взять это отношение в отвлечении от опыта, условия и релевантности всего языкового коллектива. Это собственное отношение говорящего человека имплицитруется в виде языковой модальности и языкового коннотативного дополнительного значения, которые возникают в языковой семантике на основе как индивидуальной, так и социальной оценки номинируемого события, факта или обозначаемого предмета речи. Обычно индивидуальная оценка редко противоречит общественно-социальной.

Говоря иными словами, явление одобрения–похвалы, неодобрения–недовольства имеет психические, а точнее психолингвистические основания и может быть интерпретировано в науке психолингвистики, где оно представляется в виде двухступенчатой структуры: глубинной, собственно психолингвистической и поверхностной, лингвистико-грамматической. “Универсальная (глубинная) категория выражается в функционально-семантических полях при помощи поверхностных структур, специфических для

каждого языка. В основе их объединения лежит общность семантических функций” [Лазариди, 2011:38]. Если первая, глубинная структура имеет своим содержательным наполнением «психологическую реальность», то вторая, поверхностная структура задается целью создания «трансформационной семантической модели интерпретации для создания предложения» [Слобин, Грин, 1976:72].

Анализируемые нами речевые действия одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства входят в первую группу речевых действий общего характера, которые рассматриваются в качестве наиболее значимых речевых единиц коммуникации, поскольку именно они выступают необходимыми и элементарными единицами повседневного человеческого общения [Леонтьев, 1969:88; Fant, 1980:14-15].

Основа лингвистической семантики речевых действий одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства мотивирована психолингвистическими и мыслительно-психическими составляющими, которые выражают в языковых средствах одноименные значения. Данные одноименные значения одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства, кроме своей прямой семантической составляющей, имеет также и сопутствующие семантические компоненты. Основа последних – общая дифференциация по признаку положительной и отрицательной оценки. Например:

(1) “These are some adventurous missionaries who had the misfortune to discover El Dorado”, – he remarked [Fitzgerald, 2011].

(2) – Кут болсун! Кут болсун айланып конгон бактыңыз! ... Кут болсун артылып минер тактыңыз! [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

(3) “There were no funerals, in a Christen manner of speaking. But buried, sure enough. You must have the men going back in the empty cart.”

“Like a dog in a ditch, and although me!” [Hardy, 2013]

(4) – Жанында жолдош кишиң жок,

Жүрөсүн Олжом аз болуп [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан, 1997].

В английском примере (1) и в кыргызском (2) выражается положительная оценка обозначаемого события, а в английском примере (3) и в кыргызском (4) выражается отрицательная оценка предмета речи.

В современной лингвистической науке решение аксиологических вопросов приобрело огромную актуальность. Термин "аксиология" (греч. *axios* - ценный, *logos* – понятие, учение) был введен П. Лапи и Э. Гартманом в начале XX века для обозначения новой области философии, занимающейся вопросами ценности, положив тем самым начало развитию ценностной проблематики [Ивин, 2002:128].

Оценочный прием позиционируется в лингвистике XX и начала XXI века как универсальная категория языка [Арутюнова, 1999; Вольф, 2006; Гак, 1997; Телия, 1991; Космеда, 2000]. Оценка рассматривается как интеллектуально-психологический акт, показывающий положительную или отрицательную характеристику предмета на основе принятия или отвержения его ценности. Следовательно, по мнению А.И. Лызлова, оценка – это "компонент прагматического значения слова, выражающий отношение субъекта оценки к объекту внеязыковой действительности путем соотнесения его индивидуальных особенностей с системой ценностей, принятых в данном языковом сообществе" [Лызлов, 2009:2].

По мнению А.М. Яхиной, мировоззрение носителей языка, их культурный опыт, система критериев оценки и универсальных оценочных суждений формируются на основе стереотипов и стандартов оценочной шкалы, в основе которых лежат представления о норме, идеале, суждениях о хорошем и плохом. Все эти факторы влияют на оценочное отношение человека [Яхина, 2008]. Итогом оценочного отношения к объекту, по мнению Е.В. Бабаевой, является оценка – акт человеческого сознания (состоящий в сравнении объекта с подобными ему объектами, сопоставлении свойств объектов, определении его места и роли в собственной жизнедеятельности) и его результаты, которые фиксируются в сознании и языке в виде положительного, отрицательного или нейтрального высказывания [Бабаева, 1997].

Идея ценности служит основой аксиологической концепции объективной реальности. Поскольку идея ценности является основополагающей для всех других концепций, включая религию, этику и саму философию, она интересовала философов на протяжении всей истории человечества и продолжает интересовать до сих пор. Без понятия ценности рушатся все остальные понятия, включая религию, этику и саму философию. В различных теориях постоянно подчеркивается антропоцентрическая субъективная природа ценностей, поскольку именно ценности делают мир человеческим [Квашина, 2013:181-182].

Таким образом, антропоцентричность, когнитивность, прагматичность, субъектность, ценностный характер, бинарность являются квалифицирующими признаками оценки. Оценка выполняет стимулирующую, ориентирующую, регулирующую и другие виды деятельности как особый вид познания и имеет решающее значение для структуры личности.

Языковое суждение имеет определенную структуру. В оценочную ситуацию, по мнению М.В. Ляпона [Ляпон, 1989], входят субъект (тот, кто оценивает), объект (то, что оценивается), мотивы оценки, основание оценки (точка зрения, по которой производится оценка), собственно оценка и характер оценки. По мнению Е.Д. Гавриловой, языковая оценка предполагает наличие таких вспомогательных элементов, как шкала, стереотип, оценочный аспект. То, что эти элементы имплицитны, или присутствуют в человеческом познании, но не выражены непосредственно в языке, объясняет их факультативность [Гаврилова, 2005]. Это позволяет разделить компоненты оценочной структуры на эксплицитные и имплицитные [Арутюнова, 1999; Вольф, 2006; Телия, 1991].

Субъект ((социум, часть социума, индивид), объект оценки (лицо, предмет или явление объективной действительности) и оценочный предикат (собственно оценка) – три первичных компонента модальной рамки. Второстепенными компонентами являются основание оценки (критерий, эквивалент, мотив оценки), оценочная шкала (градуированное сравнение со стандартом) и оценочный стереотип (эталон, образец нормы).

Оценочным считается любое высказывание, оценивающее какой-либо объект. Оценка встречается как в фольклорных текстах (запреты, проклятия, добрые пожелания, ак / тескери бата), так и в некоторых речевых жанрах, используемых в фатической коммуникации (одобрение, комплимент, похвала). Речевые этикетные комплиментарные высказывания выполняют эмотивную функцию в фатической коммуникации, что напрямую связывает их с категориями эмоциональности и экспрессивности. Эти категории, которые могут иметь как объективную, рациональную, так и субъективную, эмоциональную форму, в свою очередь, взаимосвязаны с оценочностью [Путилина, Тусина, 2022:227-228].

Исследователи в области оценки (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Т.В. Маркелова, В.Н. Телия, В.Г. Гак, З.К. Темиргазина и другие) показали, что лингвистический аспект оценки охватывает фонетические, морфологические, лексические и синтаксические средства и способы выражения. Оценка актуализируется с помощью лексико-семантических средств языка, включая эксплицитное и имплицитное выражение, денотативные и коннотативные значения, прямые номинации, определения, а также действие глагола и существительного.

Положительная или отрицательная оценочная модальность, как правило, достигается в словообразовании с помощью суффиксов субъективной оценки. Положительная и отрицательная оценка эксплицитно выражается в тексте через лексические и словообразовательные компоненты языка. Самостоятельная оценка объекта с помощью фонетических и синтаксических языковых средств невозможна. Они становятся очевидными при противопоставлении ключевым лексическим и словообразовательным компонентам, формирующим смысл. В силу этого они способны лишь косвенно выразить положительное или отрицательное мнение о чем-либо. Иными словами, лексико-семантические парадигмы и синтагмы — это единственное место, где раскрываются имплицитные компоненты значения, т.е. через лексико-семантические оппозиции и контекст [Косенок, 2012].

Одним из направлений лингвистических исследований, известных как современная прагматика, является оценочное отношение говорящего к тому, что он сообщает. Она возникла в период становления лингвистической философии под сильным влиянием теорий речевых актов, разработанных Дж. Остином, Дж.Р. Серлом и другими, а также теорий значения, разработанных Г. Грайсом, теорий референции, разработанных Л. Линским, П.Ф. Стросоном и другими учеными. И в логике, и в лингвистике категория оценки учитывается достаточно широко. Н.Д. Арутюнова утверждает, что это обусловлено рядом факторов: во-первых, отсутствие различия между языковым и речевым значением; во-вторых, оценочные предикаты смешиваются с предикатами отношения, свойства, эмоционального состояния; в-третьих, оценка значений языковых единиц без четкого разделения понятийного (денотативного и сигнификативного) и коннотативного компонентов оценки [Арутюнова, 1988].

Мы собираемся анализировать в сопоставительном плане явления одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства в английском и кыргызском языках, которые мы уже имплицитно различаем данные феномены одобрения и похвалы и неодобрения, и недовольства на лингвистико-оценочной шкале.

Мы различаем большую степень насыщенности семантическим признаком положительности феномена похвалы, нежели одобрения, и семантическим признаком отрицательности феномена недовольства, нежели неодобрения. По логике вещей, градуированность семантического признака положительности, который в своем антиподе трансформируется в семантический признак отрицательности, может быть представлена в виде прямой, центр которой занимает нейтральное неоцененное положение (без никакой оценки), а обе стороны прямой от центра наращивают степень интенсивности семантического признака:

СХЕМА №1:

«Под оценочностью обычно понимается компонент коннотации, закрепляющий в значении слова информацию об одобрительном или неодобрительном (положительном или отрицательном) отношении к обозначенному предмету или явлению» [Беляевская, 1987:51; Арутюнова, 1988:207-208].

Явления одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства расположены на равноудаленном расстоянии от виртуального центра воображаемой лингвистическо-оценочной прямой и коррелируют друг с другом: одобрение // неодобрение и похвала // недовольство.

Но все же сложно, а порой и невозможно, провести различия одобрения и похвалы, или же неодобрения и недовольства в составе определенного предложения. Конечно, в этом случае на помощь можно привлечь данные контекста, микроконтекста, или в удобных для нас терминах: определенную речевую ситуацию. Но и в этом случае бывает зачастую проблематично провести грани между означенными выше положительно или же отрицательно оцененными явлениями. Здесь необходимо привлечение еще двух семантических компонентов, которые конституируют содержание явления одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства – семантических признаков модальности и коннотации.

Модальность обычно в лингвистике определяется как: «... функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной классификации сообщаемого. Модальность является языковой универсалией» [ЛЭС, 1990:303].

Мы полагаем, что в нашем случае с лингвистическими феноменами одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства модальность возникает у говорящего человека, который оценивает обозначаемую реальность, или же обозначаемый предмет речи, и находится в своем оценочном суждении в нулевой точке, где еще не имеется никакой оценки. Но как только говорящий человек склоняется в своем оценочном суждении в ту или иную сторону – в

сторону положительной или же в сторону отрицательной оценки, то сразу же начинается действие модальности. Это обусловлено тем фактом, что модальность выражает не только разные виды отношения к действительности, т.е. совершается на уровне соотношения языка к действительности, но также и тем фактом, что модальность выражает «...отношение говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношения сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемые различными грамматическими и лексическими средствами» [Ахманова, 1966:237].

Если попытаться схематизировать модальность на предложенной нами линейно–оценочной шкале, то ее схематизация будет выглядеть таким образом:

СХЕМА №2:

То есть, другими словами, модальность сливается в своем начальном движении с оценочностью – она берет начало в ее нулевой точке и имеет двойственное направление: в сторону положительной оценки, с одной стороны, и в сторону отрицательной оценки, с другой.

Модальность порождается в большей степени самим говорящим человеком, который высказывает свое отношение к продуцированному им же самим сообщению тот или иной смысл в плане позитивности или же негативности сообщаемого [Беляевская, 1987:51; Арутюнова, 1988:61]. Например:

(5) Mr. Hutton ordered a not very *good brand* of champagne [Huxley, 2010].

(6) «Сабыр кыл, сабырдуулук жакишы сапат,
Сабырдуулар асманга шаты салат» [Баласагын, 1993].

(7) “That road is a *bugger*. It came out buggah” [King, 2013].

(8) – Бош эмес, колум таңылып,

Чечсең болсо, бириң деп... [Кедейкан, 1977].

В англоязычном примере (5) содержится положительная одобрительная оценка обозначаемого предмета речи, которая выражена в словосочетании *good brand* (хороший бренд). Модальность в этом примере (5) – это в первую очередь отношение самого говорящего человека к содержанию своего же высказывания на основе классификации номинируемого предмета речи.

В кыргызскоязычном примере (6) также содержится положительная оценка обозначаемого события, но вся оценка равномерно распределена во всем развернутом высказывании. Модальность проявляется в отношении говорящего человека к содержанию своего же высказывания, при этом используется как индивидуальный жизненный опыт, так и опыт всего языкового коллектива.

В английском примере (7) отрицательная оценка номинируемого предмета речи распределена по всему высказыванию, а, следовательно, модальность выражается как в отношении говорящего человека к содержанию своего высказывания, так и в отношении содержания высказывания к действительности. Аналогичное наблюдается и в кыргызском примере (8), в котором содержится также отрицательная оценка номинируемого события, но в этом случае оценочность реализуется только в первой части сложного предложения: *Бош эмес, колум таңылып* (Не свободные у меня руки, связанные они). Модальность также реализуется в двух отношениях: в отношении говорящего к содержанию высказывания и в отношении содержания высказывания к действительности.

Таким образом, в англоязычных примерах (5) и (7) и в кыргызскоязычных (6) и (8) можно проследить полное слияние явлений оценочности и модальности, причем второе налагается на первое с условием направленности в ту же самую сторону: в сторону положительной оценки или же в сторону отрицательной оценки.

Модальность может так накладываться на положительное или же отрицательное значение лексемы, что уже не может быть отделена от нее. Наиболее тривиальными языковыми примерами служат семантические

переносы значений, когда то или иное слово получает общепринятое и общеупотребительное значение, например, в русском языке «лев» в значении «храбрый воин» или же «заяц» в значении «трусливый человек». В этом случае на основе обобщенного социального опыта данные модальные семантические нюансы трансформируются в сопутствующие значения в содержании лексемы и зачастую даже фиксируются словарями и другими справочными изданиями, – таким образом, они трансформируются в коннотации, в коннотативные значения [Телия, 1986:30; Джусаев, 2000:13-14].

Явление коннотации имеет двойственную природу. С одной стороны, «коннотация – это то, что выходит за пределы смысла высказывания, выраженного языковыми средствами; это то, что добавляется к сказанному и благодаря своему неявному, скрытому характеру оказывает особое воздействие» [Ризель, 1980:139]. С другой стороны, это четко фиксированное в языке и в речи «созначение, сообозначение», дополнительная семантическая информация как «особый компонент значения» [Телия, 1986:13].

Для нас представляется релевантным тот аспект коннотации, который был трансформирован и элиминирован из модального отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности, при этом последнее отношение также имеет связь с говорящим человеком, поскольку, в сущности, представляет субъективно-оценочную его квалификацию номинируемого предмета речи.

Схематизируем все вышеизложенное в отношении явления коннотации и его взаимосвязи с явлением модальности, используя вышеприведенную лингвистико-оценочную шкалу:

СХЕМА №3:

Коннотация в таком понимании принадлежит к явлениям узуального характера, общеупотребительного, общедоступного, нежели к явлениям окказионального плана, которые характеризуются, если даже не одноразовостью, то, во всяком случае, не являются общепонятными для всех носителей данного языка. Коннотация возникает в содержании лексемы только в том случае, когда «в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком» [Дербишева, 2012:15].

Проиллюстрируем все вышесказанное на материале нашего исследования:

(9) “Oh, Joe, you’re *an angel*! For this I’ll pray for you every day I live.” And Potter began to cry [Twain, 2012].

(10) Ап баракелде, эми отургула. *Баракелде мадыра баштарым, баракелде!* – деп бажырап, чечекейи чеч болуп, жадырап бизге эт тарта баштады карыя. Ай, ошондогу тамактын даамы ай! [Медетов, 1991].

(11) “*O Mistaire Lazy Mans!*” she called back. “Wolf Fang, he says yes – if you winnaire” [London, 2013].

(12) – Ак *доору ураган киши*, ой ооматы кайткан киши, - деди төрө тизесин муштап [Жоошбаев, 2002].

Как можно наблюдать при наложении английского примера (9) на вышеприведенную СХЕМУ №3, явление коннотации выходит за пределы модальности и актуализирует не только одобрение, но и похвалу. Это мотивировано содержанием лексемы *an angel* (*ангел*), которое обладает ярко выраженным положительным коннотативным семантическим признаком, эксплицирующим похвалу.

Аналогичным образом кыргызское словосочетание «баракелде мадыра баштарым» (мальчики мои – досл.: удалые / баракелде / малые / мадыра / головы / баштар /) актуализирует на лингвистико-оценочной шкале положительный коннотативный семантический признак, содержащий похвалу.

В обоих примерах: англоязычном (11) *Mistaire Lazy Mans* (*мистер Лентяй*) и в кыргызскоязычном (12) *доору ураган киши* (человек из прошедших времен) –

употребленные языковые единицы содержат такие языковые единицы, которые проявляют не только отрицательную модальность и выражают неодобрение, но и проявляют коннотацию как устоявшееся перенесенное семантическое коннотативное свойство и выражают недовольство.

Однако, данные совмещенные явления оценочности (положительной или отрицательной) и модальности, вкупе с явлением модальности, не могут проявляться только в составе одного отдельно взятого слова или в составе отдельно представленного высказывания.

Одобрение и похвала, неодобрение и недовольство как речевые действия предполагают свою речевую реализацию. Данные речевые действия должны быть реализованы в некоторой речевой деятельности, которая является материальным способом реализации языковой системы. В сущности, речевая реализация речевых действий одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства представляют собой односторонне ориентированную внеязыковую речевую ситуацию.

Любая другая внеязыковая речевая ситуация представляет собой двустороннеориентированную внеязыковую коммуникацию, при которой отправитель информации (или адресат), в качестве которого может выступать не только говорящий, но и пишущий человек, отправляет некоторые информативные сообщения (текст в устной или письменной форме) в сторону получателя информации (или адресата, в качестве которого выступает слушающий человек или читающий человек). «В рамках коммуникативного акта отправитель информации (например, говорящий), имея мотив высказывания, строит его во внутренней речи, затем при переводе во внешнюю речь кодирует в звуки. Получатель, воспринимая поступающий сигнал, декодирует его и распознает смысл высказывания. У него также возникает мотив высказывания, происходит обмен репликами, то есть осуществляется обратная связь. Таким образом, отправитель и получатель меняются местами, но схема коммуникативного акта остается при этом прежней [Бедусенко, 2010:15; Searle, 1996:144].

Односторонность реализации лингвистического феномена одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства в конкретной речевой ситуации заключается в том, что получатель информации необходим, он выступает как тот облигаторный объект, который служит для говорящего (пишущего) отправителя информации объектом одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства. Речевые действия одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства продуцируются всегда отправителем информации; такие речевые действия содержатся в тексте сообщений отправителя и направлены на получателя информации, но от последнего никак не требуется ответное речевое действие или же ответная реплика, информация. В крайнем случае, от получателя объекта одобрения или неодобрения ожидают высказывания с семантикой заполнения пауз в случае положительной оценки его действий и деятельности, или же некоторых оправдательных высказываний в случае отрицательной оценки его действий и деятельности.

Но большей частью оценивается в положительном или же отрицательном ключе не сам получатель информации, а некоторое другое отсутствующее в конкретной речевой ситуации лицо (лица) или же какие-либо события, факты, процессы, имеющие место быть в действительности и имеющие определенное отношение к отправителю или же к получателю информации. В этом же случае односторонний характер информации более чем облигаторен, поскольку, к примеру, отсутствующее в речевой ситуации положительно или отрицательно оцениваемое лицо не может эксплицировать обратную коммуникативную связь.

1.3. Лексико-грамматическое выражение одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства в разговорной речи в английском и кыргызском языках

Речевые действия одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства могут быть реализованы не только в разговорной речи, но и во многих других функциональных стилях, во многих других функционально-социологических

языковых системах и подсистемах. Но мы уже в самом начале нашей работы сознательно ограничили языковое пространство нашего сопоставительного исследования разговорной речью в английском и кыргызском языках. И потому частными целеустановками настоящего раздела является выявление того, какое место занимают речевые действия одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства в структуре разговорной речи, с одной стороны, а, с другой стороны, выявление того, какова лингвистическая сущность предложения, содержащее речевые действия одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства и реализующиеся в разговорной речи. И, разумеется, таким целеустановкам предшествует выявление того, какое место в системе функциональных стилей и в функционально-социологических языковых системах занимают речевые действия одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства.

В традиционном языкознании различают три функциональных уровня манифестации языка, которым в самом общем виде соответствуют три функциональных стиля: величественный стиль, средний стиль и сниженный. В древнем, античном языкознании данные функциональные стили различались не столько по социологической обусловленности языка, когда величественный стиль считался достоянием аристократии и дворянства, средний – горожан и простолюдинов, а сниженный – крестьян, рабов и асоциальных групп, а сколько по достоинствам речи (по типам, по манерам речи). «Важное место в античной стилистике занимал вопрос о достоинствах речи, среди которых, в первую очередь, назывались: чистота, ясность и уместность» [Венцкович, Шайкевич, 1974:29].

Понимая под чистотой речи безупречное владение родным языком, его фонетикой, лексикой и грамматикой, под ясностью речи общепонятность и общедоступность выражаемых мыслей, а под уместностью речи соотнесенность высказывания с ситуацией общения, древние авторы ставили тип, манеру речи (функциональный стиль языка) в прямую зависимость от насыщенности речи признаками чистоты, ясности и уместности. Чем выше была насыщена речь признаками чистоты, ясности и уместности, тем была выше манера речи. Речь с высокой степенью чистоты, ясности и уместности являлась величественной;

речь со средней степенью чистоты, ясности и уместности являлась речью со средними манерами, а речь, в которой чистоты, ясности и уместности было очень мало, являлась речью сниженного типа [Венцкович, Шайкевич, 1974:29-30; Березин, Головин, 1979:226].

Функционально-стилевое чтение языка – очень сложное явление, несмотря на кажущуюся простоту. До сих пор в языкознании нет единства по этому вопросу. Это обусловлено тем фактом, что «четких, строгих и разграничительных линий между стилями нет и не может быть. Языковые единицы и категории обладают помимо качественных, еще и количественными свойствами, т.е. активностью применения в речи, или вероятностью, которая усваивается в процессе усвоения языка в условиях длительного одноязычного окружения» [Березин, Головин, 1979:238].

В самом общем виде к величественному стилю речи относят речь литературно-художественную, речь официальных документов и речь регламентированную научную. К среднему стилю речи относят язык повседневного общения, язык телевидения и радио, а также речь общепроизводственную, употребляемую на предприятиях, учреждениях и организациях. К сниженному стилю речи относят нерегламентированный язык улицы, различные социальные жаргоны, а также речь самых низких социальных слоев населения.

По всей логике вещей, анализируемая нами разговорная речь, в которой наиболее часто встречаются лингвистические феномены одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства, в английском и кыргызском языках должна относиться к среднему функционально – стилевому типу. Это и в самом деле так, если не принимать во внимание, что оба анализируемые языки произошли из диалектов: английский национальный литературный язык произошел из лондонского диалекта в 16 веке [ЛЭС, 1990:33], а кыргызский национальный литературный язык – из северного диалекта в 20 веке [Язык мира: тюркские языки, 1997:287]. Это означает, что и в английском языке, и в кыргызском языке их сущности и природа до сего времени планомерно и равномерно

распределяются между двумя функционально-социальными стилями языка: величественным и средним [Чолпонбаева, 2008:20-21].

Английская и кыргызская разговорная речь делится на величественный стиль, к которому относится национальный литературный язык, и средний стиль, к которому относится повседневная речь. Английская разговорная речь со специфическими выражениями одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства в основном относится к среднему стилю, но не полностью совпадает с величественным стилем в литературно-художественных произведениях. Но, как показывает сопоставительное рассмотрение языкового материала из английского и кыргызского языков, в стилевом отношении данные материалы не полностью совпадают.

Так, во-первых, выявляется, что большая часть английских и кыргызских материалов с речевыми действиями одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства проявляет средний стиль, присущий разговорной речи в обиходном и повседневном общении. Обиходное и повседневное общение отличается неофициальностью, а также «неподготовленной официальностью» [термин заимствован из академического издания «Русская разговорная речь», 1973:15].

Неофициальное общение имеет непубличную сферу протекания речи, а «неподготовленное официальное общение» – публичную сферу протекания такой речи: «Можно сказать, что существуют две разновидности протекания речи: непубличная (разговор пациента с врачом, разговор подчиненного с начальником и т.п.) и публичная, общественная (речь с трибуны, с кафедры, выступление на митинге, ответ на экзамене и т.д.), например, на защите диссертации» [Русская разговорная речь, 1973:15]. Обе означенных стилевых проявлений языка – в непубличной и в публичной сфере, принадлежат к среднему стилю языка, имеют в своем составе речевые акты одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства, например:

(1) “*That is certainly a very pretty deception*”, said the doctor’s friends; carelessly, however, for they had witnessed greatest miracles at a conjurer’s show; “pray how was it effected?” [Hawthorne, 2013].

(2) – Мен да кетем садага! Бирок сен *эстүү бол*, мендей аңкоо болбой, *айланаңа жакшы кара*. Кулаалыча салпактап миң жыл өмүр сүргүчө, барчындай асманга чалкып бир жыл өмүр сүр. - деп, Сансыз андан ары сөздөрүн айта албай улам ыкшып жөтөлө берди [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

(3) “*Oh, yes, Mr. Tate,*” said I. “History is bright and fiction dull with homely men who have charmed women. There seems –” [Henry, 2013].

(4) Ачуусу келе түштү дейт:

- Атаңдын көрү, ит катын,

Жосуну жок сүйлөсөң,

Журтумду кантип билесиң,

Сүйкүмү жок сүйлөсөң,

Сүйлөтпөй кантип билесиң? [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан, 1997].

В английском и кыргызском примерах (1) и (2), в которых описывается речевое действие с позитивно ориентированной семантикой: одобрение-похвалы – и в аналогичных примерах английском (3) и кыргызском (4), в которых употреблено речевое действие с негативно ориентированной семантикой: неодобрение-недовольство, – предложения проявляют только средний стиль, относятся к повседневному непубличному общению: доктора и друзей (пример 1), отца и сына (пример 2), двух друзей (пример 3) и мужа и жены (пример 4).

Но уже предварительное рассмотрение показывает, что в нашем англоязычном материале, содержащем речевые действия одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства, превалирует стиль сниженного типа, нежели чем в таковом материале из кыргызского языка. А сниженный стиль находится в функционально-социальной сфере более раскованного, более фамильярного и более грубоватого общения, особенно когда это касается негативного отношения и отрицательной оценки предмета речи. Например,

(5) “What on earth do you mean?” she cried. ‘I will never see him again as long as I live. Take him back? Never. Not even if he came and begged me *on his bended knees*” [Maugham, 2017].

(6) “Sal,” said Dean, “I have just the girl waiting for you at this very minute – if she's off duty” (looking at his watch). “A waitress, Rita Bettencourt, *fine chick*, slightly hung-up on a few sexual difficulties which I've tried to straighten up and I think you can manage, you fine gone daddy you” [Kerouac, 2021].

(7) “As near as I can tell you're not any crazier than *the average asshole on the street*” [Kesey, 2008].

Грубовато-фамильярная лексика часто встречается и в английских предложениях, в которых эксплицируются речевые действия и с положительной семантикой одобрения и похвалы. Например:

(8) “That chap seems to have *a lot of bottles*” [Fleming, 2006].

(9) “She sure *can pound the devil out of that box*” [Hurstun, 2006].

(10) “I'm oho lookin' forward to that trip. We gonna have the time of our lives, ain't we, *ol' buddy?*” [Steinbeck, 2000].

Если в англоязычном примерах (5), (6) и (7) фамильярно-грубоватый стиль речи обусловлен не столько отрицательной оценкой сообщаемой информации, а сколько употребляемыми словооборотами, в (5): *on his bended knees* – на коленях, в (6): *fine chick* – хорошая цыпочка и в (7): *the average asshole on the street* – любой придурок с улицы, то в англоязычных примерах (8), (9), (10) аналогичный фамильярно-грубоватый стиль обусловлен только употребляемой лексикой, относящейся к низкому функциональному стилю, в (8): *a lot of bottle* – рисковый, в (9): *can pound the devil out of that box* – так наяривать на пианино, что только держись, и в (10): *ol' buddy* – старина.

Все вышеназванные словообороты и лексемы в примерах (5)-(10) мотивируют сниженный стиль всего предложения, поскольку они обладают не только грубоватой и фамильярной семантикой, а даже семантика однозначно грубой, например, в примере, (6): *fine chick* имеет прямое номинативное значение «цыпленок, птенец» [Дубровин, 2011:102]. При переносе же этого значения в обязательном порядке проявляется момент оценки. В этом случае происходит метафорический перенос на основе общности внутреннего (поведенческого отрицательного) семантического признака, который относит

новое переносное наименование к сниженному лексическому пласту, а вместе с данным сниженным пластом и все соответствующее предложение к сниженному функциональному стилю [Арнольд, 1959:75, Rayevskaya, 1957:68].

Как показывает наше изучение кыргызскоязычного материала с речевыми действиями одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства в кыргызском языке, в котором также употребляется стилистически сниженная лексика, пока не имеется достаточных оснований отнести соответствующие предложения к сниженному функционально-речевому типу. Например:

(11) – Болду! *Былжыраба!* Бу жарык дүйнөгө баары анын ичинде сенин Кудайында сатылат да, сатылып алынат [Айтматов, 1988].

(12) *Эй, ымтыраган чимкирик!* Жооп бербейсинби буларга! Өзүңдү коргой албасаң кийин сен кимге адилеттикке чакыраласың! – деген бир монахтын үнү чыкты ары жактан [Акматов, 2007].

(13) – Ой, жоо ангырлар ой, кат жок эмес беле! О, кокуй ой! – дейт шашып кетип Курман. – Билбей эле кыйкыра бересиңер да! [Айтматов, 1985].

Несмотря на то, что лексемы, употребленные в кыргызскоязычных примерах (11): *былжыраба* (не мели чепуху), (12): *эй, ымтыраган чимкирик* (эй, ты, носовая сопля) и (13): *ой, жоо ангырлар ой* (ой, напасти на вас нет) не принадлежат к высокому художественному стилю, что во всех данных предложениях производится негативная оценка обозначаемого предмета речи, и данную лексему, и сами предложения (11), (12) и (13) нельзя отнести к функционально-сниженному стилю кыргызской речи. В этом, видимо, сказывается то, что при определении уровня культуры кыргызской «... речи, т.е. таких ее качеств, как точность, ясность (доходчивость, доступность), чистота (незасоренность внелитературными элементами), целесообразность, уместность, эмоционально-экспрессивность, образность и др., нельзя ограничиваться только литературной нормой» [Могучий фактор национально-языкового развития, 1981:169 - / выделено нами. Э.Ж. / Жакыпов, 1993:35].

Таким образом, мы никак не можем отнести внелитературную лексику в кыргызскоязычных примерах (11), (12) и (13) к низкому лексическому пласту,

поскольку они являются общепринятыми в кыргызском языке, а, следовательно, мы не можем считать данные предложения экспликацией сниженного функционального стиля. Это связано, как мы полагаем, с тем фактом, что современная лексика кыргызского национального, литературного языка еще находится в процессе своего завершающего образования [Батманов, 1963: 159-160; Биялиев, 2013:7-8].

Если мы не можем отнести к сниженному функциональному стилю речи даже кыргызские лексемы и предложения, содержащие внелитературную лексику для экспликации негативной оценки обозначаемого предмета речи, то такого мы уже никак не можем говорить в отношении предложений с позитивной оценкой обозначаемых событий, если даже они содержат в своем составе элементы лексического или грамматического отрицания, например:

(14) – Эч кимибиз *каришы* эмеспис! – деди Урманбет [Медетов, 1991].

(15) – Алдагы жеңенди жууп кой десем бир жумадан бери *кулагына кирбейт*, - деди атам мага арыздана тейде. Колундагы чүпүрөктөрдү көрсөтүп. Мен Ажыке жеңемди карасам, ал баягы эшикке ыргыган самоорду кайра койгону кам уруп жүргөн экен. Атамдын арызын *тыңшап да койгон жок* [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

(16) Генерал: - Мына, бошонду, качып жүрө береби? *Жүрө бербейт*. Кайра жол башы, кайра кол башы болобу, болот! [Касым-Бек, 2000].

Ни по своему лексическому составу, ни по смыслу всей своей структуры кыргызские предложения (14), (15), (16) никак не могут быть отнесены к какому-либо другому функциональному стилю языка, кроме среднего.

Все вышеприведенные англоязычные и кыргызскоязычные примеры 1)-16) в обоих сопоставленных языках относятся к одному типу языка – к разговорной речи, но с точки зрения функционального стиля они несколько отличаются друг от друга. Англоязычные примеры отличаются тенденцией эксплицировать большей частью средний функциональный стиль языка, выражая общепринятые литературно обработанные лексемы, словосочетания и словообороты, а меньшей частью эксплицировать лексические,

словосочетательные и лексико-грамматические нюансы и признаки сниженного, литературно ненормированного стиля. Несколько по-иному обстоит дело с разговорно-речевыми примерами из материала кыргызского языка – все они проявляют тенденцию эксплицировать средний, общепринятый и общеупотребительный языковой стиль, что обусловлено нейтрально-ориентированным характером образования кыргызского литературного языка [Кыргыз адабий тилинин грамматикасы, 1980:5-6; Биялиев, 2013:6-7].

Разговорная речь английского и кыргызского языков, в которой употребительны лексико-грамматические средства, выражающие речевые действия одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства, представляют естественное проявление языка. «Все книжные стили – продукт культуры и созданы искусственно, тогда как разговорная речь складывалась стихийно, и в ее совершенствовании участвовали миллионы людей многих поколений. Весь культурный, «ухоженный» слой – вторичный, производный от первозданного, разговорного» [Девкин, 1979:14].

Основными лингвистическими признаками разговорной речи в языкознании признаются: а) её ситуативная обусловленность; б) субъективная ее окрашенность как со стороны отправителя информации, говорящего, адресата, так и со стороны получателя информации, слушающего, адресата; в) конкретность адресата (получателя информации, слушателя); г) её спонтанность, неподготовленность и д) использование готовых речевых формул, клише [Девкин, 1979:14-16; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981:5-7; Русская разговорная речь, 1983:142-143].

1) Ситуативная обусловленность разговорной речи, в нашем случае английского и кыргызского языков, является наиболее важным ее лингвистическим признаком. Особенно релевантным данный признак представляется для предмета нашего исследования, эксплицирующего лингвистические феномены одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства. Мы уже отмечали, что для выражения означенных феноменов в языке необходима конкретная речевая ситуация, конституируемая двумя непосредственными

участниками межъязыковой коммуникации: отправителем и получателем информации; а также необходимо такое информативное сообщение, в котором высказывалась бы положительная оценка предмета речи (одобрение и похвала) или оценка отрицательная (неодобрение и недовольство).

Данный лингвистический признак ситуативной обусловленности разговорной речи предполагает, что предмет речи зависит от внелингвистических факторов, что именно ситуативная обстановка влияет на формирование высказывания. Неучастнику разговорная ситуация «непосвященному, случайно ставшему свидетелем чужой беседы, бывает трудно понять, о чем ведется разговор из-за незнания условий его протекания и предмета речи» [Девкин, 1979:16]. А тем более, вдвойне трудно понять непосвященному, за какие достоинства высказывается похвала или одобрение, и за какие недостатки выражаются недовольство или же неодобрение.

Например, если непосвященному англоязычному свидетелю разговора будет предложено истолковать одобрение "Not so bad" (Ух ты, неплохо), то он не поймет, из-за чего высказывается положительная оценка. Только знание внеязыковой ситуации снимает все непонятности:

(17) Obediently Kismine put her hand in her pocket and tossed two handfuls of glittering stones before him. "Not so bad," – cried John, enthusiastically. "They aren't very big, but – Hello!" His expression changed as he held one of them up to the declining sun. "Why, these aren't diamonds! There's something that matters!" [Fitzgerald, 2011].

Отдельно взятое неодобрительное кыргызскоязычное высказывание «*Ай, Мунабия, мобул баладан уялсаң боло жок дегенде*» никак не разъясняет ситуацию, даже если принимать во внимание упомянутого адресата речи. Только знание всей ситуации может представить для стороннего свидетеля всю полноту описываемой картины:

(18) – Көрдүңбү кичине бала, айтпадым беле моминтип түн ичинде да биздин тынчыбызды алат тигил! Уят-сыйыттан эчтеме жок. *Ай, Мунабия, мобул баладан уялсаң боло жок дегенде?* [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

2) **Субъективная окрашенность разговорной речи** в наших примерах проявляется через признак оценочности, а именно как говорящий оценивает обозначаемое событие или обозначаемый предмет речи; данный признак оценочности распространяется и на собеседника, слушающего, воспринимающего информацию. Данный признак оценочности, эксплицирующий в предложениях с речевыми действиями одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства более широкое свойство субъективной окрашенности разговорной речи, в английском языке, к примеру, сразу же относит предложение к позитивной или же к негативной стороне на лингвистико-оценочной шкале [Povey, 2000:4; Орусбаев, Токтоналиев, 1991:67].

Например, в нижеследующем английском предложении (19) субъективная положительная оценка заложена изначально, как и субъективная отрицательная оценка в примере (20):

(19) “*You little, lily white, fine-haired, highly polished piece of dumb sculpture,*’ says I,” I’ll help you”. Make your arrangements and get me in the dark outside her window and my stream of conversation opens up with the moonlight tremolo stop turned on, and she’s yours” [Henry, 2013].

(20) Анда Кайберен эчки сүйлөдү:

«Мерген, кырыпсың улак түгөлүп,

Кыйналды менин жүрөгүм.

Балдарымдын бири жок,

Ай талаада кангырап,

Кантип жалгыз жүрөмүн» [Кожожаш, 1996]

3) **Конкретность адресата**, в качестве которого выступает собеседник, слушающий, получатель информации, имеет релевантную роль, и для предложений с речевыми действиями одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства. Адресатом сообщаемой информации в речевой ситуации выступает конкретное лицо, пусть оно даже будет незнакомо для говорящего. Данный критерий наличия конкретного слушающего, собеседника играет определенную роль при оформлении высказывания, особенно содержащих

анализируемые речевые действия с положительной или отрицательной оценкой предмета речи [Кулешов, 1981:6].

В нашем языковом материале иногда собеседник, получатель информации, адресат становится и предметом речи, когда именно о нем высказывается положительное или же отрицательное суждение. Например, в предложении (21) с положительной оценкой и в предложении (22) с отрицательной оценкой можно наблюдать такое совмещение двух разнородных функциональных позиций:

(21) “If anyone had told me, then, that all this was a brilliant game, played for the excitement of the moment, for the employment of high spirits, in the thoughtless love of superiority, in a mere wasteful careless course of winning what was worthless to him, and next minute thrown away – I say, if anyone had told me such a lie that night, I wonder in what manner of receiving it my indignation would have found a vent!” [Dickens, 2021].

(22) Кайгырып ыйлайт Кулжыгач:

- *Каргадай болгон кулунум*

Калдыңбы жалгыз туулуп.

Жаныңда жолдош бар болсо

Кирбейт беле жулунуп [Кедейкан, 1997]

4) **Спонтанность, неподготовленность разговорной речи** является релевантным признаком и для анализируемых нами предложений, выражающих речевые действия одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства. В конкретной речевой ситуации у говорящего, да и у слушающего, когда приходит его очередь отвечать на замечания говорящего, не бывает достаточно времени и возможности для предварительного обдумывания для продуцирования высказывания, вследствие чего речь его оказывается зачастую неподготовленной. Поэтому разговорная речь сплошь и рядом насыщена грамматической неоформленностью, поправлениями, нередко многословием, несоответствием значения лексем выражаемой мысли, приблизительности формулировок, не совсем удачными сравнениями, излишними вводными

словами и словами-паразитами [Чахоян, 1979:6-7]. Например, в нижеследующих англоязычных предложениях (23) с негативной оценкой предмета речи и в кыргызскоязычном (24) с позитивной оценкой речи четко проступает данный лингвистический признак спонтанности разговорной речи:

(23) *“No, no; why moos’ I listen to lazy mans? It is vaire bad, you hang round, make visitation to my cabin, and do nothing. How you get grub for the famine? Why haf not you the dust? Odder mans haf plentee”* [London, 2013].

(24) – *Жолдоштор! Түлебердиев Чолпонбай биздин арабыздан убактысыз кайтты. Бирок Чолпонбай кыргыз эли гана эмес, бүтүндөй элдин ишеничин актап, ыйык милдетин баатырлык менен адам таң каларлык аткарды. Душмандын бир огун кетирбей тоскон Чолпонбайдын жүрөгүн карагылачы! Бул кимдин уулу? ... Мунун жүрөгү эмне деген жүрөк – деп, командир боецтерди айландыра бир карап алды да – бул элдин чыныгы уулу ... Элдин ар бир уулу Чолпонбайдай болсун деп ай-ааламга жар чакырабыз! – деди командир* [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

5) Использование готовых речевых формул, клише. Данный лингвистический признак разговорной речи вытекает из предыдущего признака спонтанности разговорной речи. Отсутствие достаточного времени для подготовки к продуцированию высказывания приведет не только к незатейливому оформлению речи, но и к клишированной речи. «Идейность приводит к незатейливости оформления, примитивизму и к клишированию речи. Найти наилучшую форму выражения из-за недостатка времени трудно. Однако отбор облегчается благодаря высокому автоматизму применения лексических и грамматических средств» [Девкин, 1979:15, Минаев, 1986:19, Жакыпов, 1993:63]. Например, в примере 25) с негативной оценкой предмета речи и в примере 26) с позитивной оценкой предмета речи используются речевые клишированные конструкции:

(25) *“I don’t value any of your talk”, replied the boatswain. “You thought I was a flat; now you see I’m not; and there’s an end. If you won’t have a swallow of the rum, I’ll have one myself. Here’s your health and good night to you!”* [Stevenson, 2013]

(26) – *Жолдоштор! Түлебердиев Чолпонбай биздин арабыздан убактысыз кайтты. Бирок Чолпонбай кыргыз эли гана эмес, бүтүн совет элинин ишеничин актап, ыйык милдетин баатырлык менен адам таң каларлык кылып аткарды* [Жантошев, 1985].

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

1.1. Функционально-семантическое поле представляет собой пространство, реализующее содержательный аспект языка и отражающее полевую устроенность мироздания. Это пространство образовано языковыми средствами разного уровня, применяемыми в синхронных условиях, в одной и той же семантической системе и структурно имеет два типа - моноцентрические и полицентрические.

Поскольку наше исследование речевых действий одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства проводится в русле методологии сопоставительного языкознания и на материале английского языка и кыргызского, поскольку для нас представляет большой теоретический интерес обзорное изучение основополагающих работ по сопоставительному германо-тюркскому языкознанию. Было выявлено, что в основе самого германо-тюркского сопоставительного языкознания лежат другие сопоставительные исследования на материале других языков, но в их числе присутствует и английский язык [Гак, 1976; Аракин, 1989; Абрамов, 2001; Гуревич, 2008].

Изучая и исследуя в кыргызском, равно и в казахском, сопоставительном языкознании «чистые» работы по функционально-семантической проблематике мы подняли многие такие работы, в которых основным принципом сопоставления выступал функционально-семантический принцип [Абдыкаимова, 1992; Камбаралиева, 1999; Уева, 1999; Борчиева, 2005; Джаркинбаева, 2008; Жумабекова, 2009; Джумалиева, 2011]. Данный основной функционально-семантический принцип констатируется означенными авторами в двух ипостасях: первое: принцип функционально-семантического подхода является основным в теории функциональной грамматики, которая

имеет в основе своей методологии комплексное и интегрирующее изучение разноуровневых средств языка; второе: теория функциональной грамматики имеет одной из своих основных целеустановок определение функционально-семантических полей, которые конституируются самыми разнообразными языковыми средствами.

1.2. В рамках теории элементарных единиц языковой коммуникации, развившейся из теории дискурса, исследуются речевые акты. Речевые акты, включающие в себя выполнение таких действий, как утверждение, вопрос, приказ, описание, объяснение, извинение, благодарность, поздравление, рассматриваются как наиболее простые единицы человеческого общения. Выделяются три уровня речевых актов: локутивные, иллокутивные и перлокутивные акты. Речевые акты были разделены Серлом на пять видов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы.

Теория речевых актов и жанров Ф.С. Бацевича является иерархической, в ней выделяются тематические, композиционные и стилистически оформленные сообщения, связанные целью, намерением, личностью, контекстом и ситуацией. В.Н. Телия определяет эмоционально-оценочные речевые акты как самовыражение, выражающее чувства и воздействие под влиянием социальных норм и ролей. Одобрение-похвала и неодобрение-недовольство - языковые явления, имеющие идентичные основы в английском и кыргызском языках. Они представляют собой ментальное и семантическое целеполагание под влиянием прошлого опыта и социокультурных условий.

Оценочный прием – универсальная языковая категория начала XXI века, ориентированная на интеллектуально-психологический акт оценки объекта. Она формируется под влиянием стереотипов, стандартов и культурного опыта, воздействуя на сравнение, расположение объектов, а также на положительные, отрицательные или нейтральные высказывания.

Составляющая оценочности выводит нас в плане лингвистической интерпретации на так называемую лингвистико-оценочную шкалу на прямой которой одобрение–неодобрение и похвала–недовольство расположены

относительно нулевого центра, где не имеется никакой оценки на равноудаленном расстоянии: в стороне положительной оценки одобрение и похвала и в стороне отрицательной оценки неодобрение и недовольство.

Модальность, состоящая из установки говорящего и отношения содержания к действительности, влияет на оценочность, мотивируя речевые действия одобрения и неодобрения, создавая как положительную, так и отрицательную оценочную модальность.

Коннотация, добавочный смысл, взаимодействует с положительным и отрицательным компонентами оценочности, мотивируя речевые действия похвалы и недовольство, равноудаленные от нулевого центра лингвистико-оценочной шкалы.

1.3. Наиболее четко и адекватно речевые действия одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства проявляются в английской и кыргызской разговорной речи, которая отличается в качестве типа речи лингвистическими признаками ситуативной обусловленности, субъективной окрашенности, конкретностью адресата, спонтанностью и использованием речевых клише.

Язык как система проявляется в самых разнообразных формах и видах: в виде национального языка, литературного языка, научного языка, в письменной или устной форме, и др., – но обычно он классифицируется, исходя из целей предназначения и социума употребления, по трем обобщенным функциональным стилям: величественный, средний и сниженный стиль. Разговорная речь как устная форма языка обычно показывает средний функциональный стиль. Конкретное рассмотрение привлекаемого языкового материала показывает, что английская разговорная речь, содержащая речевые действия одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства, проявляет тенденцию эксплицировать не только средний функциональный речевой стиль, но и стиль сниженный, содержащий фамильярно-грубоватые языковые выражения. В то же самое время кыргызская разговорная речь, содержащая речевые действия одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства, обычно употребляется в среднем функциональном речевом стиле, не содержит в себе фамильярно-грубых языковых выражений.

ГЛАВА II МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Основные методы исследования

Объектом данного сопоставительного исследования являются лексико-грамматические средства, служащие для выражения одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства.

Предметом данного сопоставительного исследования являются способы выражения и культурная семантика феноменов одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства в дискурсе разговорной речи.

Методы и приемы лингвистического анализа. В теоретико-обзорном анализе научной литературы нами используется теоретико-интерпретационный метод изучения соответствующих научных положений, постулатов и аксиом. При сборе языкового материала по лексико-грамматическому выражению одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства в английском и кыргызском языках данные языковые единицы были зарегистрированы, расклассифицированы и систематизированы по чисто лингвистическим признакам положительности (положительной оценки) и отрицательности (отрицательной оценки).

Весь языковой материал для лингвистического анализа, распределенный по группам с положительной и отрицательной оценкой, был проанализирован следующими методами: метод функционально-семантического изучения, семантический анализ, коннотативно-семантический анализ, оценочно-семантический анализ, лингвистическое наблюдение, описание, количественная оценка данных, а также метод анализа словарных дефиниций.

2.2. Основные материалы и источники исследования

Методологическая и теоретическая основа настоящей диссертации зиждется на известных, общепринятых, основополагающих и фундаментальных трудах современных ученых-языковедов, работающих в соответствующей научной лингвистической области:

I.В области сопоставительного англо-тюркского языкознания мы опирались на труды известных типологов-англистов [Гатиатуллина, 1979; Ярцева, 1981; Буранов, 1983; Аракин, 1989; Гуревич, 2008; Исаев, 2009; и др.];

II.В области частного английского языкознания мы опирались на труды известных англистов, разрабатывающих как теоретические, так и практические вопросы строя английского языка [Беляева, 1977; Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981; Матюшкина-Герке, Балашова, Броссе и др., 1990; Fries, 1963; Friederich, 1993; и др.];

III.В области частного кыргызского языкознания мы опирались как на академические издания, так и на монографические, в которых изучался строй кыргызского языка [Кыргыз адабий тилинин грамматикасы, 1980; Грамматика кыргызского литературного языка, 1987; Жапар, 1992, ч.1 и ч. 2; Биялиев, 2002; Абдувалиев, 2008; Биялиев, 2013 и др.];

IV.В области коннотативной модальности и оценки мы опирались на труды известных ученых, разрабатывающих основы теории модальности и оценки [Ризель, 1980; Телия, 1986; Арутюнова, 1988; Илебаев, 1997; Джусаев, 2000 и др.];

V.В области функциональной грамматики мы опирались на труды ученых, разрабатывающих теорию функционально-семантического поля [Бондарко, 1971, 2001, 2002; Лазариди, 2000, 2005, 2011; Джумалиева, 2011; Geckeler, 1971 и др.];

VI.В области разговорной речи, в которой реализуются сопоставляемые нами явления одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства, мы опирались на труды известных ученых [Батманов, 1963; Чахоян, 1979; Кулешов, 1981; Орусбаев, Токтоналиев, 1991; Rayevskaya, 1957; Povey, 2000; Кабанкова, 2011; Йылмаз, 2018 и др.].

VII.В области аксиологической лингвистики мы опирались на труды известных ученых [Арутюнова, 1999; Вольф, 2006; Гак, 1997; Телия, 1986, 1991; Маркелова, 1996 и др.].

Языковой материал для лингвистического изучения составляют 3453 лексико-грамматических выражений из аналитического германского английского и агглютинативного тюркского кыргызского. При этом

англоязычная часть материала составила 1715 лексико-грамматических выражений, взятых в составе законченных предложений: из них 828 с положительной оценкой и семантикой одобрения и похвалы и 887 с отрицательной оценкой и с семантикой неодобрения и недовольства. Кыргызскоязычная часть материала составила 1738 лексико-грамматических выражений в составе законченных предложений: из них 836 с положительной оценкой и семантикой одобрения и похвалы и 902 с отрицательной оценкой и с семантикой неодобрения и недовольства. Данный языковой материал был собран посредством сплошной выборки из художественных произведений английских и кыргызских авторов [Dickens, 2013; Fitzgerald, 2011; Hawthorne, 2013; Twain, 2012; и др. // Айтматов, 1985; Жоошбаев, 2002; Касым-Бек, 2000; Кедейкан. Олжобай менен Кишимжан, 1997; Токомбаев, 1995 и др.].

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

2.1. В анализе научной литературы использован теоретико-интерпретационный метод изучения научных положений и аксиом. Применялись следующие методы: метод функционально-семантического изучения, семантический анализ, коннотативно-семантический анализ, оценочно-семантический анализ, а также метод анализа словарных дефиниций и прием количественных подсчетов.

2.2. Методологическая и теоретическая основа данной диссертации базируется на известных фундаментальных и основополагающих трудах современных ученых-лингвистов, работающих в лингвистической области: англо-тюркского языкознания, коннотативной модальности и оценки, функциональной грамматики, разговорной речи, в которой реализуются сопоставленные нами явления одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства.

ГЛАВА III ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ РЕЧЕВОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ ФУНКЦИИ «ОДОБРЕНИЕ И ПОХВАЛА» В ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКОЙ И КЫРГЫЗСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

3.1. Методология и методы сопоставительного анализа функционально-семантической экспликации одобрения и похвалы в английской и кыргызской разговорной речи

Намечая лингвистическое изучение функционально-семантической экспликации в сопоставительном плане речевых действий одобрения и похвалы в английской и кыргызской разговорной речи, мы основываемся на теории функциональной грамматики, особенность которой «...заключается в комплексном и интегрирующем подходе, при котором за основу берутся семантические категории грамматики и семантические функции, объединяющие разноуровневые языковые средства. Лингвистический анализ при таком подходе направлен на изучение взаимодействия элементов разных уровней на функциональной основе» [Теория функциональной грамматики, 1987:7].

Лингвистический анализ разноуровневых языковых средств, объединенных на основе одной общей семантической категории, становится возможным лишь тогда, когда данные языковые средства выполняют одну и ту же или, по крайней мере, сходную языковую работу (функцию). Означенные языковые средства, относясь к самым разнообразным уровням (механизмом) языка, начиная от фонетико-фонологического и заканчивая уровнем сверхфразового единства (абзаца, микротекста, контекста), наиболее адекватно и полнозначно могут быть проанализированы в объеме некоторого лингвистико-понятийного пространства (поля, функционально-семантического поля).

Таким образом, некоторая семантическая (функционально-семантическая) категория может представлять собой определенный семантический инвариант и может объединять разнородные языковые средства и обуславливать их взаимодействие в границах некоторого лингвистического пространства. Данное лингвистическое пространство представляет собой

определенное функционально-семантическое поле, на котором взаимодействуют разнопорядковые единицы языка, но выполняющие общую понятийно-семантическую функцию. «Исследователь строит гипотетическую модель данного функционально-семантического единства, которая затем проверяется и уточняется в ходе исследования конкретных высказываний на данном языке» [Лазариди, 2000:30].

Как показывает теоретико-обзорное изучение научного материала, методология лингвистического анализа языковых средств, выражающих психические состояния (к каковым также могут быть с некоторой долей условности отнесены и речевые действия одобрения и похвалы), не является достаточно однозначной и унифицированной. Это связано со сложностью определения, как понятия психики, так и понятия психического состояния. Но одно было конкретизированное в психологии и психолингвистике: «Сложилось достаточно четкое фактическое различие психических процессов, с одной стороны, и реализующих эти процессы физиологических механизмов – с другой, различие без которого, разумеется, нельзя решить и проблемы соотношения и связи между ними; сложилась вместе с тем и система объективных психологических методов, в частности, методов пограничных, психолого-физиологических исследований» [Леонтьев, 1977:51; Коул, Скринбер, 1977:42–44; Davitz, 1964:17–18].

Тот факт, что объективно существующие явления психических состояний могут быть проанализированы в лингвистике в качестве речевых действий, то есть только гносеологически, а не онтологически, не вызывает никаких возражений ни в науке психология, ни в науке лингвистика – для таких целей была создана наука психолингвистика, которая анализирует язык как психолого-лингвистическое средство человеческой осмысленной коммуникации». «Как любая деятельность, речевая деятельность организована в соответствии с целью или задачей, с опосредованным его начальным «толчком»» (коммуникативным намерением), системой функциональных блоков, которые обеспечивают последовательность этапов достижения цели, и,

наконец, с теми орудиями или средствами, которыми мы располагаем для достижения намеченной цели, получения конечного продукта. Язык и есть набор таких орудий. Но – в рамках системы функциональных блоков» [Слобин, Грин, 1976:14; Firbas, 1964:12-13].

В языкознании, как и в сопоставительной, сравнительной лингвистике, при изучении речевых действий одобрения и похвалы, имеются две методологии анализа языковых средств, выражающих речевые действия, в нашем случае, с позиций теории функциональной грамматики, которые можно обобщенно определить как:

А) Аналитико-идеалистическая методология, при которой языковые средства, выражающие речевые действия, представлены в атомарно-теоретическом рассмотрении;

Б) Синтетико-прагматическая методология, при которой языковые средства, выражающие речевые действия, представлены в функционально-речевом рассмотрении.

Если первая аналитико-идеалистическая методология тяготеет к собственно дедуктивному философскому подходу в изучении языкового материала, то вторая синтетико-прагматическая методология тяготеет к собственно индуктивному подходу в изучении языкового материала. «Неизбежность интерпретации теоретической системы делает необходимым соединение двух путей исследования – дедукции, предполагающей выведение всех частных положений, имплицитных общими понятиями и высказываниями, и индукции, при которой общие выводы получаются на основании частных фактов» [Клычков, 1989:100].

1) **Аналитико-идеалистическая методология** реализуется в атомарно-теоретическом рассмотрении языковых средств, выражающих речевые действия. Она имеет научно-теоретические обоснования в требовании младограмматической немецкой (Лейпцигской) школы в логике научного исследования о том, что «... сначала якобы следует детально и глубоко изучить наличный языковой материал, а лишь потом строить теоретические обобщения.

Но «атомизм» младограмматиков и отсутствие внимания к системной обусловленности языковых явлений, конечно, не могут быть компенсированы фонетическими законами и аналогическими воздействиями, в которых младограмматики видели средство решения всех языковых проблем» [Кондрашов, 1979:81].

Аналитико-идеалистическая («идеалистическая» в смысле: стремление к идеалу, к полноте изучения и описания) методология была применена, как нам представляется, в работах последующих авторов, которые изучали речевые действия и языковые средства, их выражающие, с позиций психолингвистики [Леонтьев, 1969:7–9; Беляевская, 1987:29–30; Нишанов, 1990:15–17].

Если исходить из данной аналитико-идеалистической методологии, то в этом случае представляется анализировать по-отдельности, «атомарно» каждый конкретный класс языковых единиц, участвующих в образовании речевых действий одобрения и похвалы; а таковых нами были насчитано четыре:

I. Цельнооформленная лексика, т.е. лексема самостоятельная, отдельная, значимая, автосемантическая; например:

(1) *“Bravo!”* says I, laughing heartily. «You have a true lover’s eloquence to paint the beauties of your inamorato. You remind me», says I, ‘of Faust’s wooing of Marguerite – that is, if he wooed her after he went down the trap-door of the stage’ – [Henry, 2013].

(2) *Жакшы!* Экзамендердин баарысын тапшырдым. Эми сельхозработага барабыз... – [Медералиев, 1989].

II. Цельное словосочетание, обладающее единой номинативной сущностью, но не фразеологизм, поскольку последний есть ни что иное, как переосмысленное предложение-высказывание; например:

(3) *“Ah, him do vaire well,”* Joy Molineau was explaining to the lieutenant. “Him – what you call – set the pace. Yes, him set pace vaire well” [London, 2013].

(4)– *Оозуңан айланайын, туз даам ооз тийип кет. Кайра айланып келериңе жакшы!* [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012]

III. Законченное высказывание, рассматриваемое как предложение, реализованное в определенной речевой ситуации при стечении конкретных внеязыковых обстоятельств; например:

(5) *“I sat down, and opened my mouth to tell Anabella what she loved to hear – that she was a trust, monopolizing all the loveliness of earth. I opened my mouth, and instead of the usual vibrating words of love and compliment, there came forth a faint wheeze such as a baby with croup might emit. Not a word – not a syllable – not an intelligible sound. I had caught a cold in my laryngeal regions when I took my injudicious bath [Henry, 2013].*

(6) *«Кубанды жаным байбиче!*

Куурадык эле экөөбүз.

Жетимишке келгиче,

Кол кармашып тең өстүк,

Кудайым тилек бергиче.

Кайырмак салкын олтурсаң,

Балык келип илинди,

Балык десем чыкканда,

Бала экени билинди.

Башын ылдый каратып,

Кучактам турсам тирилди» [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан, 1997].

IV. Интонационно-фонетические средства, манифестируемые выделением фонетического отрезка, акцентированным ударением, интонационным выделением синтагмы, эмфатической мелодикой и т.д.; например:

(7) *“French brandy! ‘cried Tomo – cheeki’, that must be something new” – [Freneau, 1984].*

(8) – *Тоолорум!* Улуу сепил сенин көркүн, жыттарга айбат болуп элестелген – [Токомбаев, 1995].

Аналитико-идеалистическая методология позволяет относительно легко распределить вышеозначенные четыре языковые единицы в соответствии с полевым принципом по лингвистическому пространству функционально-

семантического поля — они адекватно подпадают под действие критериев отнесения языковых средств, к тому или иному полю, к той или иной части поля.

Основным критерием отнесения языковой единицы к функционально-семантическому полю (ФСП) является некоторая грамматическая категория, а точнее, семантическое наполнение грамматической категории. Семантическое наполнение грамматической категории является, в сущности, общим, обобщенным значением, которое реализуется через разнородные языковые средства, относящиеся к различным языковым уровням. Данное обобщенное значение представляет собой такой понятийно-смысловой конституент, который «... наиболее специализирован для выражения данного значения» [Бондарко, 1971:18]. В нашем сопоставительном исследовании в англоязычном и кыргызскоязычном фактическом материале языковых средств, выражающих речевые действия одобрения и похвалы, таким общим значением, присущим всем без исключения языковым единицам, является семантический признак «позитивность».

Семантический признак позитивности, являя собой наиболее яркий пример оценочности предмета речи, неважно объективной или субъективной оценочности, манифестирует «формы хорошего» (forms to universal), которые трудно поддаются интерпретации и дефинированию: «Формы хорошего трудно возвести к общему источнику и невозможно выбрать значение, которое могло бы этому источнику соответствовать» [Арутюнова, 1988:65].

Семантический признак, критерий позитивности можно выделить во всех вышеприведенных англоязычных и кыргызскоязычных примерах (1)–(8), поскольку во всех данных примерах содержательный стержень высказывания манифестирует «формы хорошего».

Следующим семантическим критерием отнесения языковых единиц к ФСП речевых действий одобрения и похвалы в нашем англоязычном и кыргызскоязычном фактическом материале можно считать семантический признак «предназначенность для выражения именно общей семантической категории». Вместе с предыдущим семантическим критерием позитивности он

относится к центральной части ФСП, в нашем случае ФСП речевых действий одобрения и похвалы. Наличие данного семантического признака предполагает, что употребляемые языковые средства с позитивной семантикой прямо соотносятся с означенной семантикой и таким образом предназначены для её выражения. Например, в английских примерах: (1): “*Bravo!*”, 3): “*Ah, him do vaire well*” или в кыргызских 2): – *Жакишы* и 4): – *Сени кудай колдосун, досум!* – семантический признак предназначенности ясно указывает, что данные языковые единицы предназначены именно для выражения обобщенной семантики позитивности.

В означенных примерах (1), (2), (3) и (4), а также и во всех других примерах (5)–(8), семантический признак предназначенности выражается как лексическими, так и лексико-грамматическими языковыми средствами; при выражении данного признака «... реально представлены связи не только однородных, но и разнородных языковых средств, в частности, грамматических и лексических» [Бондарко, 1971:19].

С семантическим признаком предназначенности языковой единицы к выполнению работы по эксплицированию, а также и имплицированию, содержания и обобщённого значения поля связано и другое семантическое свойство однозначности, которое указывает на то, что семантика всего слова или лексико-грамматической структуры не терпит многозначности, а предполагает только одно значение при выражении обобщенного значения того или иного языкового средства. Так, почти все английские и кыргызские примеры (1)–(8) проявляют данный семантический признак однозначности.

Мы уже констатировали ранее, что структура ФСП представляется обычно как двухчастное явление, в которой различаются центр и периферия. Причем центр составляется такими единицами, в котором обязательно наличествует обобщённое значение поля, в нашем случае, обобщенное значение позитивности. К центру поля также можно причислить и два других вышеназванных семантических признака – ведь они непосредственно манифестируют обобщенную семантическую категорию. «К центральной части

ФСП относят такие языковые средства, которые наиболее специализировано и однозначно выражают основную для данного ФСП семантическую категорию» [Джумалиева, 2011:25. – Подчеркнуто нами Э.Ж.].

Однако кроме трех вышеназванных семантических критериев, имеются еще два, релевантных для ФСП: повторяемость и серийность. Первый из них, семантический признак повторяемости указывает на то, что языковое средство при выражении обобщенного семантического значения не является окказиональным, одноразовым, а имеет способность к повторению в другой аналогичной ситуации. Так, англоязычные и кыргызскоязычные примеры (1)–(4) выражают это семантическое свойство повторяемости: (1): “*Bravo!*”; (2) – *Жакшы*; (3): *Ah, him do vaire well*; (4): *Сени кудай колдосун, досум!* Основа семантического признака повторяемости состоит в том, что некое языковое средство большей частью соотносится с неким определенным значением в системе языка и некой внеязыковой ситуацией вне языка, и данное соотношение временами и местами возникает заново [Теория функциональной грамматики, 1987:37–38].

Однако языковым средствам при выражении обобщенной семантической категории, в нашем случае, речевых действий одобрения и похвалы, свойственен и еще один семантический признак, непосредственно связанный с последним семантическим свойством повторяемости, который можно обозначить как: серийность, т.е. как часто возникающее повторение. Серийность, являющаяся по своему значению частотной повторяемостью, наиболее адекватно передаёт основное обобщенное значение той или иной группы языковых единиц.

Семантический признак серийности в употреблении языковых средств предполагает «... регулярность их употребления. Это важная особенность морфологического ядра функционально-семантической категории, отличающей его от периферийных компонентов, в частности, лексических, которые могут быть нерегулярными, появляющимися лишь спорадически» [Бондарко, 1971:23 – выделено автором].

Аналитико-идеалистическая методология признает в структуре поля двухчастное деление, исходя из того, что актуализирует: или цельнооформленную лексему, или цельное словосочетание, или законченное высказывание, или же определенные интонационно-фонетические средства – при конституировании ФСП. Две части поля – это, во-первых, центр поля, а, во-вторых, это периферия поля.

Центр поля характеризуется наличием всех пяти семантических признаков выражения семантики языковых средств: 1. Позитивность; 2. Предназначенность; 3. Однозначность; 4. Повторяемость и 5. Серийность.

Периферия поля включает три семантических признака: 1. Позитивность; 2. Предназначенность и 3. Однозначность.

В таком толковании к центру поля могут быть отнесены цельнооформленные лексемы и цельные словосочетания, выражающие речевые действия одобрения и похвалы – см. английские и кыргызские примеры 1) – 4). К периферии поля речевых действий одобрения и похвалы могут быть отнесены структуры законченных выражений и интонационно-фонетические средства со значением позитивности – см. английские и кыргызские примеры 5) – 8).

2. Синтетико-прагматическая методология, реализуясь в функционально-речевом рассмотрении, основывается на теории функциональной грамматики, равно на её основополагающей части – на полевом подходе к анализируемым языковым средствам. С точки зрения данной синтетико-прагматической методологии языковые средства образуют и выражают речевые действия одобрения и похвалы всегда комбинированно, т.е. сочетанием языковых средств, представленных в их комплексной дистрибуции.

Как показывает теоретико-обзорное изучение научного материала, данная синтетико-прагматическая методология при сопоставительном изучении различных психических состояний и речевых действий, как с позитивной, так и с негативной семантикой, была применена в трудах нижепоследующих авторов, которые рассматривали объект и предмет анализа не изолированно и «атомарно», а во взаимосвязи выражений самых разнообразных грамматических

категорий [Лазариди, 2000:147-149; Городникова, Добровольский, 2002:12-15; Жоламанова, 2010:4-6].

Лингвистический анализ языковых средств, выражающих речевые действия одобрения и похвалы, с позиций синтетико-прагматической методологии показывает, что поле речевых действий с позитивной общей семантической категорией, в нашем случае, одобрения и похвалы, не может объяснить все многообразие и разнопорядковость строения поля двучастной структурой: центра и периферии. Это можно объяснить следующими факторами: «Функциональная и формальная полнота поля находит проявление в том, что ФСП включает не только грамматические единицы, классы и категории как исходные системы, но и относящиеся к той же семантической категории элементы их среды. Это увеличивает объяснительную силу данной разновидности системного анализа в грамматике» [Теория функциональной грамматики, 1987:38].

Лингвистический анализ англоязычного и кыргызскоязычного языкового материала показывает, что с позиций синтетико-прагматической методологии, исходящей большей частью из объема практических языковых средств, выражающих речевые действия одобрения и похвалы, следует говорить о четырехчастном строении поля. Лингвистическое пространство поля речевых действий одобрения и похвалы имеет две центральные (ядро и центр) и две периферийные части (ближняя и дальняя периферии).

Каждый из данных конstituентов поля обладает своим количеством означенных ранее семантических признаков. Поясним вышеизложенное на конкретном языковом материале:

1.Ядро ФСП речевых действий одобрения и похвалы:

(9) “Why, he was one of *the greatest men* that was ever in England – *and the best!* He was a robber” – [Twain, 2012].

(10) – *Рас*, – деди Борбук өз сөзүн өзү кубаттап, – *ар ким өз ишине баатыр* [Сыдыкбеков, 1985].

Англоязычный пример с двумя цельнооформленными лексемами (9): *the greatest men – the best!* и кыргызскоязычный пример с одной цельнооформленной лексемой (10): *рас* – никак не конституируются только влиянием означенных лексем, хотя они и имеют ярко выраженную позитивную оценочность. Влияние означенных лексем в примерах (9) и (10) имеет место быть в структуре законченных высказываний, которые оформлены в интонационно-фонетическом отношении акцентным завершающим фразовым ударением, выделенным на письме восклицательным знаком – пример (9), и эмфатической мелодикой «подъем тона – ровный тон – ниспадение тона» в примере (10).

Английский пример (9) и кыргызский (10) выражают позитивное речевое действие одобрения (или похвалы), поскольку их лексико-грамматическая структура образуется взаимодействием трех языковых средств: 1) актуализированной цельнооформленной лексемы с семантикой позитивной оценки + 2) структуры законченного высказывания + 3) интонационно-фонетических средств. Данные примеры 9) и 10) выражают речевое действие одобрения (похвалы) и должны быть отнесены к ядру ФСП речевых действий одобрения и похвалы, поскольку они проявляют и содержат в себе все пять семантических признаков, конституирующих языковые средства с общей семантической категорией позитивности:

1. Позитивность как обобщённое семантическое свойство поля;
2. Предназначенность для выражения данного обобщенного свойства;
3. Однозначность при выражении обобщенного свойства;
4. Повторяемость при выражении данного обобщенного свойства;
5. Серийность как семантико-прагматический признак при выражении обобщенного семантического свойства.

2. Центр ФСП речевых действий одобрения и похвалы:

(11) “There go *fifty thousand dollars*’ worth of slaves,” cried Kismine, “*at pre-war prices*. So, few Americans have any respect for property” [Fitzgerald, 2011].

(12) – Кантет эми, “*жыгылганды жер көтөрөт*” дейт. Мунун намысчылыдыгын кара. Мага деле жеңил болду дейсиңби. Майрамдар көп.

Биринде жыгылсаң, биринде жыгасың. Ыйлаганы болбойт, уулум, жүр [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

В английском предложении употреблено актуализированное цельное словосочетание *fifty thousand dollars*', но ее актуализация имеет место быть только в составе всего законченного высказывания из примера (11). Кроме того, в данном предложении имеет место быть также и эмфатическая интонация, свойственная для английских высказываний с позитивной экспрессией.

Аналогичное наблюдается и в кыргызском примере, в котором в составе законченного высказывания актуализируется цельное словосочетание (12): *жыгылганды жер көтөрөт*; при этом всё высказывание оформлено ниспадающей эмфатической интонацией выражения позитивной оценки.

Из семантических признаков, релевантных для отнесения языковых единиц к центру ФСП речевых действий одобрения и похвалы, можно установить наличие четырех: а) позитивность; б) предназначенность; в) однозначность и г) повторяемость. Семантический признак серийности, релевантный для отнесения языкового средства к ядру поля, в данных примерах (11) и (12) отсутствует, что, видимо, обусловлено неузальной семантикой как цельного словосочетания, так и всего законченного высказывания, хотя семантическое свойство повторяемости языковой единицы может быть реализовано как в англоязычном примере (11), так и в кыргызскоязычном (12) в отношении цельных словосочетаний. Отметим также, что кыргызское цельное словосочетание в примере (12): «*жыгылганды жер көтөрөт*» имеет некоторую фразеологизированную подоплёку, а, следовательно, способно в некоторой речевой ситуации эксплицировать семантический признак повторяемости.

3. Ближняя периферия ФСП речевых действий одобрения и похвалы:

(13) “She went on *twisting—twisting* at her ring” [Christie, 2003].

(14) – Баса, айтса-айтпаса төгүнбу? – дейт.

– Суу суунун боюнда сороюп жалгыз жүргөнчө, көп биригип, уу-дуу менен кызып иштегенге не жетсин! [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

В англоязычном примере (13) и в кыргызскоязычном (14) мы имеем законченное высказывание, реализующееся в субъектно-предикатно-объектной структуре. Смыслы же высказываний выражают оценочную позитивную семантику и их структуры, поэтому оформляются соответствующим образом: через экспрессию в английском предложении, которая в устной речи обычно реализуется через эмфатическую интонацию подъема к концу высказывания, и через эмоциональную экспрессию в кыргызском предложении, отраженную на письме восклицательным знаком.

Что же касается семантических критериев отнесения языковых единиц к ближней периферии ФСП речевых действий одобрения и похвалы, то можно установить их только три: а) позитивность; б) предназначенность и в) однозначность. Семантические признаки повторяемости и серийности здесь уже отсутствуют, поскольку данные высказывания (13) и (14) имеют неузувальный, а скорее окказиональный характер.

4. Дальняя периферия ФСП речевых действий одобрения и похвалы:

(15) “*That’s right, son!*” said uncle Oscar. “Don’t you stop till you get there. What’s the horse’s name” [Lawrence, 2013]?

(16) – *Тирүүмүн! Тирүүмүн! Рахмат!* – деп үн салды Авдий. – Жалпак – Сазга жетип калдыкпы [Айтматов, 1988].

К дальней периферии поля мы отнесли такие языковые средства, которые в обоих анализируемых языках: английском и кыргызском – были образованы с превалирующей актуализацией интонационно-фонетических средств. Так, в англоязычном примере при минимализации семантики и краткости языковой единицы велика роль эмфазы, выраженной поднимающейся интонацией и акцентированным обращением (что отражено на письме восклицательным знаком) – (15): “*That’s right, son!*”

Аналогичное можно наблюдать и в кыргызскоязычном примере (16): – *Тирүүмүн! Тирүүмүн! Рахмат!* – где реализуется эмфатическая интонация, а экспрессия языкового средства мотивирована дублетным употреблением «тирүүмүн». Вся мелодика кыргызского языкового средства, выражающего

позитивную оценочность, соответствующим образом оформлена на письме тремя восклицательными знаками.

Что же касается семантических признаков, регламентирующих принадлежность языкового средства к лингвистическому пространству дальней периферии поля, то их можно насчитать только два: а) позитивность; б) предназначенность. Все остальные семантические признаки: однозначность, повторяемость и серийность – оказываются для интонационно-фонетических средств дальней периферией поля одобрения и похвалы излишними как в аналитическом английском языке, так и в агглютинативном кыргызском.

Таким образом, становится очевидным, что для нашего сопоставительного исследования явления речевого действия одобрения и похвалы (равно и для речевого действия неодобрения и недовольства) на материале английского языка и кыргызского более адекватным и приемлемым является синтетико-прагматическая методология, исходящая из конкретных особенностей и сходств, сравниваемых генетически неродственных и грамматически разнотипных английского и кыргызского языков.

Однако в связи с применяемой такой исследовательской методологией становится возможным выдвижение одной частной гипотезы,

которая должна найти подтверждение в процессе нашей работы: если речевое действие похвалы реализуется в обоих языках через ядро и центр поля, то речевое действие одобрения реализуется через ближнюю и дальнюю периферию поля. В соответствии с выдвинутой гипотезой также выдвигается гипотетическая схема ФСП речевых действий одобрения и похвалы, релевантная как для английского, так и для кыргызского языка:

Однако в связи с такой гипотетической схемой возникает еще одна задача частного характера: проследить, как данная общая гипотетическая схема реализуется в обоих языках, эксплицируя речевые действия одобрения и похвалы.

3.2. Функционально-семантическая экспликация одобрения и похвалы в английской разговорной речи

Языковые средства, выражающие речевые действия одобрения и похвалы, реализуются в определенной речевой ситуации, которая имеет четыре разнородные составляющие: а) лицо говорящего, выражающего означенные речевые действия; б) лицо слушающего (слушающие), которое может иметь контактное с говорящим или дистантное расположение; в) некое лицо или некоторый факт или событие, которое с точки зрения говорящего оценивается как позитивные явления; г) языковые средства, непосредственно выражающие данные позитивные речевые действия. В означенной интерпретации речевой ситуации, в которой эксплицируется то или иное позитивное речевое действие, воедино сливаются понятийно-мыслительные (семантические) компоненты и компоненты прагматические. Единая представленность семантических и прагматических компонентов обусловлена гомогенным характером манифестации языковых единиц в речи, в которой экстралингвистико-прагматические свойства языковых средств самым непосредственным образом выражаются в лингвистико-семантических признаках плана содержания языка. «Прагматическое измерение семиозиса — это отношение знака к его интерпретатором» [Вышкин, 1990:3; Boni, 1986:82].

Интерпретаторами речевых действий одобрения и похвалы, в которых велика роль прагматического компонента, выступают лицо говорящего и лицо слушающего (слушающих). Лицо же индивида, подвергаемого некоторой позитивной оценке с точки зрения говорящего, не может выступать в качестве интерпретатора прагматико-семантического измерения события или факта, когда оно представляет собой обособленную составляющую речевой ситуации. Но если два лица совмещаются в некоторой речевой ситуации: лицо

слушающего и лицо оцениваемого индивида, то в этом случае последнее лицо может выступать интерпретатором прагматико-семантического измерения речевого действия.

Такая четырехчастная структура речевой ситуации, в которой представлены четыре непосредственно составляющие: а) лицо говорящего (оцениваемого), б) лицо слушающего (участника коммуникации), в) лицо оцениваемого (равно оцениваемое событие или оцениваемый факт) и г) языковое средство (выражающее речевое действие), – предопределяет также и четырехчастную структуру ФСП речевых действий одобрения и похвалы, в которой наличествуют: 1) ядро; 2) центр; 3) ближняя периферия и 4) дальняя периферия.

В идеалистически-нормированном представлении лингвистов, работающих в области теории функциональной грамматики, функционально-семантическое поле всегда двухмерно: «Для структуры ФСП характерно соотношение центра и периферии. Ядром (центром) ФСП является единица языка, наиболее специализированная для выражения данной семантической категории. Понятия центра и периферии ФСП связаны с более общей идеей центра и периферии в системе языка» [ЛЭС, 1990:567; Теория функциональной грамматики, 1990:5–6].

В сущности, наша четырехчастная интерпретация ФСП речевых действий одобрения и похвалы никак не противоречит означенной идеалистически-нормированной двухчастной интерпретации, содержащейся в основополагающих трудах по теории функциональной грамматики и по основному механизму последней – функционально-семантическому полемому подходу к анализируемым языковым явлениям. Более того, мы полагаем, что наша интерпретация структуры поля конкретизирует и дополняет общепринятое двухчастное строение ФСП.

Все дело в том, что состав и природа англоязычного (равно кыргызскоязычного) фактического материала подводит нас к пониманию того, что ФСП речевых действий одобрения и похвалы должна быть манифестирована как четырехчастное явление, состоящее из: 1) ядра; 2)

центра; 3) ближней периферии и 4) дальней периферии, – в котором две первые части – ядро и центр – тяготеют друг к другу, а ближняя и дальняя периферия семантически соотнесены друг с другом.

Такая четырехчастная интерпретация ФСП речевых действий одобрения и похвалы, в частности, в англоязычной речи, обусловлена «ассиметричным дуализмом языкового знака» (по С.О. Карцевскому), т.е. «...необходимостью учета, с одной стороны, многообразия языковых значений, а с другой – многообразия формальных средств их выражения» [ЛЭС, 1990:565].

I. **Ядро ФСП речевых действий одобрения и похвалы в английском языке**

представлено в нашем англоязычном материале 91 высказыванием (реализованном в речи предложением), в которых определяющую роль заключают в себе цельнооформленные лексемы, выражающие однозначную семантику позитивного отношения говорящего к обозначаемому предмету речи. Например:

(1) “Yes, I *like* it. Does a boy get a chance to whitewash a fence every day” [Twain, 2012]?

(2) “*Well, well, well,*’ said he, ‘you old doughface! Struck too, are you? That’s great! But you’re too late. Francesca tells me that Anabela talks of nothing but me, day and night. Of course, I’m awfully obliged to you for making that chin-music to her in the evenings. But, do you know, I’ve an idea that I could have done it as well myself’ [Henry, 2013].

(3) “*Gift of God*” he cried. “I cannot think that God will punish me for desiring aught so good! Be it as you will, then; take me where you please: I put my salvation in your hands” [Stevenson, 2013].

(4) “That’s a *good* boy. *Fine* boy. Two thousand verses is a lot. And you never can be sorry for the trouble you took to learn them; for knowledge is the most expensive thing in the world; it’s a what makes great men and good men; you’ll be a great man someday, Thomas, and then you’ll say ‘Thank you’ to your Sunday school, to your teachers and to your Headmaster. Now I am sure you know the names of all twelve disciples. Won’t you tell us the names of the first two” [Twain, 2012]?

(5) “Doctor, *you, dear old soul*,” cried she, “get up and dance with me!” And then the four young people laughed louder than ever, to think what a queer figure the poor old doctor would cut [Hawthorne, 2013].

Во всех вышеприведенных примерах содержатся цельнооформленные лексемы, которые однозначно выражают позитивную оценку со стороны говорящего, данные лексемы содержат только положительно-оценочный компонент и предназначены только для выражения позитивного мнения: (1): *like*, (2): *will*, (3): *Gift of God*, (4): *good boy; fine boy*, и (5): *you dear old soul*.

Если со стороны собственно языковой системы означенные выше значимые цельнооформленные лексемы с семантикой позитивной оценки однозначно предназначены только для выражения положительного мнения говорящего, то со стороны речи и речевой ситуации, в которой велика роль прагматики, «...оценка также выражает отношение говорящего к номинируемому объекту, однако здесь отнесение к шкале «хорошо-плохо» основывается не на общелогических критериях, а на тех эмоциях, которые вызывает обозначаемый предмет, процесс или явление» [Беляевская, 1987:51; Hill, 1958:84-85].

Несмотря на то, что некоторые такие значимые в плане положительной оценки английские цельнооформленные лексемы зачастую могут быть представлены обособленно, вне формально-грамматической структуры предложения, например, в примерах: (3): *Gift of God!* и (4): *Fine boy*, – в понятийно-смысловом отношении они неразрывно связаны с соответствующей речевой ситуацией и потому принадлежат всем тем речевым высказываниям, которые в них, в этих речевых ситуациях, реализуются.

Кроме того, все означенные выше значимые позитивно актуализированные цельнооформленные лексемы в примерах (1)–(5) оформлены также соответствующими интонационно-фонетическими средствами, в примере (1): *Yes, I like it* – это интонационная модель, указывающая на позитивную экспрессию, проявляющуюся через подъемно-нисходящую мелодику. Аналогичная мелодика подъема и нисхода наблюдается

в примерах (2): *Well, well, well*; (4): *That's a good boy. Fine boy*; и (5): *Doctor, you dear old soul*. В английском примере (3): *Gift of God!* – прямо эксплицируется эмоциональная составляющая позитивной оценки. Внеязыковая ситуация определяет степень экспрессии языкового средства, выражающего речевое действие. «Степень эмоциональной насыщенности высказывания зависит от контекста, в которой оно помещено, или – шире – от речевой ситуации. По-видимому, как у говорящего, так и слушающего имеется в пределах определенного отрезка текста определенный эмоциональный настрой (эмоциональная установка), задаваемый либо общим содержанием текста, либо его первыми высказываниями» [Торсуева, 1979:40 – Подчеркнуто нами. Э.Ж.].

Позитивная степень эмоциональной целеустановки имеет место быть во всех примерах (1)–(5), но только в примере (3): *Gift of God!* – она несколько выше.

Таким образом, основная семантическая категория позитивной оценки наличествует в значении всех высказываний (1)–(5) и всех цельнооформленных лексем из этих высказываний. Данная семантическая категория исполняет две взаимосвязанные функции: с одной стороны, она является базовой семантической категорией для ФСП речевых действий одобрения и похвалы и представляет собой «... – тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие» [ЛЭС, 1990:567]; с другой же стороны, она представляет собой некоторый семантический критерий, который помогает идентифицировать языковое средство как речевое действие с положительной оценочной семантикой; такая семантика «...включает коммуникативно-самодостаточные сентенциальные формы, называемые ситуативными, а также синтаксически и коммуникативно «открытые» формы, представляющие собой маркеры речевых актов» [Городникова, Добровольский, 2002:13; Chafe, 1976:34].

Кроме данного общего семантического предиката – а) позитивности, - языковые средства, выражающие одобрение и похвалу в английском языке, свою отнесенность к ядру поля подтверждают наличием ещё четырех таких семантических признаков, которые мы уже определили как: б)

предназначенность (для выражения такой семантики; в) однозначность (в выражении такой семантики); г) повторяемость (в некоторых речевых ситуациях) и д) серийность (в употреблении данных языковых средств для выражения именно данного значения).

Вне всякого сомнения, англоязычные языковые средства, выражающие речевые действия одобрения и похвалы в приведенных примерах: (1): *Yes, I like it*; (2): *Well, well, well*; (3): *Gift of God!*; (4): *That's a good boy. Fine boy* – предназначены для выражения позитивной оценочности, однозначно выражают такую позитивно-оценочную семантику, могут повторяться и в других подобных речевых ситуациях и могут даже проявлять серийное употребление в таких речевых актах.

II. Центр ФСП речевых действий одобрения и похвалы в английском языке представлен в англоязычной части нашего фактического материала 124 лексико-грамматическими структурами высказываний, в которых однако определяющую роль в составе высказывания-предложения играют цельные словосочетания, которые заключают в себе позитивно-оценочный компонент и актуализируются не только в составе данного высказывания, но и в объеме некоторого связного контекста и, соответственно, речевой ситуации. Например:

- (6) *"I got a bang out of them once, but it's not the same anymore"* [Salinger, 1991].
- (7) *"I am a man of my word"*, said he, "and had need to be so, or I would not touch this bottle with my foot" [Stevenson, 2013].
- (8) *"Yes. I believe she has passed quite a stiff exam"* [Christie, 2003].
- (9) *"That's all right by me"* [Christie, 2017].
- (10) *"Ah, queen of my heart"*, he cried, *"I'll venture my dear soul to win you"* [Stevenson, 2013].

В приведенных выше примерах актуализированы цельные словосочетания: (6): *I got a bang out of*, (7): *a man of word*, (8): *passed the exams easily*, (9): *that's all right*, (10): *queen of my heart*, – которые в силу целостности своего значения, несмотря на сложносоставный характер своей структуры,

соотносятся с одним единым предметом речи и «...обязательно содержат указание на тот образ, или мотив, который послужил поводом выбора именно данной единицы для номинации нового обозначаемого» [Телия, 1986:26]. Однако означенные цельные словосочетания проявляют свою актуализацию не сами по себе, обособленно, а только в составе соответствующего высказывания как реализованного в речевой ситуации предложения, оформленного соответствующими эмфатически-позитивными средствами.

Насчет интонационно-практических средств, оформляющих повествовательные предложения с актуализированным позитивно окрашенным цельным словосочетанием, например, в приведенных предложениях (6)–(10), можно констатировать их отнесенность к эмфатическим ритмико-мелодичным типам с мелодикой: «повышение – равно – повышение – понижение», поскольку именно в таком мелодическом типе выражается в английском языке одобрение и похвала [Торсуев, 1953:136-137; Соколова, Гинтовт, Тихонова и др., 1991:118-119].

Приведенные выше примеры: (6): *I got a bang out of*, (7): *a man of word*, (8): *passed the exams easily*, (9): *that's all right*, (10): *queen of my heart* – свою отнесенность к центру ФСП речевых действий одобрения и похвалы подтверждают наличием у них четырех семантико-содержательных признаков: а) позитивности; б) предназначенности; в) однозначности и г) повторяемости.

Явление семантического признака позитивности, представляющая собой обобщенную семантическую категорию с позицией теории функциональной грамматики, является такой абстрагированной сущностью с положительно-оценочной ориентированностью, которая обладает свойством: не быть представленным и быть различным на первый взгляд, т.е. не быть четким образом эксплицированным, но «...в наличии которых между тем усомниться нельзя, так как именно их взаимодействие образует язык» [Арутюнова, 1968:59]. Признак позитивности в качестве общего семантического свойства свойствен всем вышеозначенным цельным словосочетаниям в составе речевых высказываний (6)–(10).

Семантический признак предназначенности означает, что данные цельные словосочетания: (6): *I got a bang out of*, (7): *a man of word*, (8): *passed the exams easily*, (9): *that's all right*, (10): *queen of my heart* – всей своей позитивной семантикой ориентированы на обозначение положительной оценки предмета речи [Разинкина, 1989:27].

Семантический признак однозначности предопределяет употребление выше английских цельных словосочетаний в примерах (6)–(10) только для выражения положительной оценки обозначаемого предмета речи, который входит в соответствующую парадигму [Гухман, 1968:117–118].

Что же касается четвертого семантического признака повторяемости употреблённых словосочетаний 6) – 10), то он предполагает, что данные цельные словосочетания имеют в некоторой степени устойчивую лексико-грамматическую структуру, обусловленную необходимостью всё новой положительной оценки обозначаемого предмета речи. Данная семантическая категория (признак) «...конституируется противопоставлением регулярно воспроизводимых единиц, таким образом, которые создаются говорящим заново для данной речевой ситуации» [Ешмамбетова, Вербицкая, 1990:31].

III. Ближняя периферия ФСП речевых действий одобрения и похвалы

представлена в англоязычной части фактического материала 426 лексико-грамматическими единицами. В данных лексико-грамматических структурах не имеется ярко выраженной лексики, специализированной для позитивной оценки предмета речи, как в высказываниях из ядра, анализируемого ФСП, а также не имеется позитивно ориентированных цельных словосочетаний, как в высказываниях из ядра анализируемого ФСП, а имеется лишь лексико-грамматическая структура, которая всем составом своей семантики выражает позитивную оценку и эксплицирует одобрение (похвалу). Например:

(11) *"Remember, you are always welcome here"*, he said.

"You can be sure, boy, that we'll keep the home fires burning" [Fitzgerald, 2011].

(12) *"I will live only to make you happy, and myself worthy of you"* [Henry O., 2013].

(13) *"You have been so good,"* she said, smiling [Henry O., 2013].

(14) “Mademoiselle,” interrupted David, his eyes shining with the desire to do her service, “*your hopes shall be my wings*. Tell me how I may reach him” [Henry O., 2013].

(15) “*You do will to use your own, my husband*”, said she, and her words trembled [Stevenson, 2013].

(16) “*She began to buck up when I showed her the results of the tests*” [Salinger, 1991].

(17) “*She breezed through that difficult book with no trouble at all*” [Salinger, 1991]

(18) “... *fly. Each moment is like a precious jewel. Some time,*” said the lady, with eyes long and cozening, like a gipsy's, “*I will try to thank you for your goodness*” [Henry O., 2013].

(19) ““*I'm glad to hear it,*” said the major heartily. “*Glad to hear it.*” [Henry O., 2013].

(20) “*Wise of you. Rotten game. Come and have a drink*” [Maugham, 2017].

Все приведенные выше англоязычные предложения (11)–(20) выражают общую семантику положительной оценки события, факта или обозначаемого предмета речи «выражают такую семантику всем составом своей лексико-грамматической структуры, например, в предложении (11): *Remember, you are always welcome here*, или же в предложении (12): *He was busting his conk in the office*.

Высказывания с общей семантикой положительной оценки, эксплицирующей одобрение (похвалу), обладает тремя семантическими признаками, которые констатируют их принадлежность к ближней периферии ФСР речевых действий одобрения и похвалы: а) позитивность; б) предназначенность и в) однозначность.

Семантический признак позитивности предполагает наличие общей семантической категории позитивности, мотивированной положительной оценкой со стороны говорящего обозначаемого предмета речи или же обозначаемого события или факта. Такой семантический признак позитивности присущ всем предложениям из примеров (11)–(20). Конечно же, общая позитивная оценка, высказанная говорящим по тому или иному событию или

предмету речи, может отягощаться некоторыми дополнительными коннотативно-смысловыми нюансами, но данные коннотативные дополнения не являются определяющими и не оказывают влияния на степень положительной оценочности. Например, в примере (13): «*You have been so good*» на общую семантику позитивности накладывается дополнительный коннотативный нюанс условия. Или в примере (14): «*your hopes shall be my wings*» на общую семантику позитивности накладывается дополнительный коннотативный оттенок надежды говорящего. Но означенные дополнительные коннотативно-смысловые нюансы никак не влияют на общую семантику положительной оценки. «Денотативное значение совместно с дополняющим его абсолютным (узуальным) стилистическим значением вызывает периферийные, так сказать, флуктуирующие коннотативные дополнительные информации» [Ризель, 1980:138 – Подчеркнуто нами Э.Ж.].

Семантический признак предназначенности относит все предложения (11)–(20) к ближней периферии ФСП речевых действий одобрения и похвалы, поскольку он предполагает, что такие высказывания ориентированы только на выражение положительного мнения о событии или предмете речи. Примеры: (15): «*You do will to use your own, my husband*» и (16): «*She began to buck up when I showed her the results of the tests*» – предназначены только для выражения положительного мнения об обозначаемом лице. «В процессе формирования высказывания с позитивной семантикой субъект отбирает те языковые средства, которые в наибольшей степени соответствуют его коммуникативному намерению представить действие как желательное и возможное» [Васильева, Покровская, 1990:78].

Семантический признак однозначности предполагает, что все англоязычные предложения (11)–(20) выражают позитивную оценку события, факта или предмета речи основным своим смыслом и никакого двоякого толкования их содержания (или хорошее, или плохое) быть не может. Так, английские примеры: (16): «*She began to buck up when I showed her the results of the tests*» и (18): «*Each moment is like a precious jewel*» – выражают только одно

значение и никаких других толкований, кроме позитивной оценки предмета речи, оно не предполагает. В данных предложениях (16) и (18) позитивный характер семантики обозначаемого события или предмета речи также предполагает и «... оценку говорящим своего высказывания с точки зрения отношения, сообщаемого к объективной действительности» [Джусаев, 1975:94].

IV. Дальняя периферия ФСП речевых действий одобрения и похвалы

представлена 187 языковыми структурами, в которых превалирующая роль принадлежит интонационно-фонетическим средствам, поскольку в аналитическом английском языке, в котором роль флексий сведена к минимуму, а роль служебных слов и порядок слов является релевантной, фонетические средства имеют важное значение и могут даже влиять на образование семантических содержаний [Friederich, 1993:17-18]. Например:

(21) “*Good! Good! Right you are!* A fiver for me and a fiver for you on Daffodil” [Lawrence, 2013].

(22) “*There!*” she said, as she spread the table – cloth and put the sandwiches in a neat pile upon it. “Don’t they look tempting? I always think that food tastes better outdoors” [Fitzgerald, 2011].

(23) “Oh my God, there’s a monster *in her room*” [Rowling, 2015]!

(24) “And always, when we go to school, or when we go home, you must walk with me. You must choose me and I must choose you at parties, because we are engaged.” “*It’s so nice!* I’ve never heard of it before.” –

“*Oh, it’s so exciting!* Me and Amy Lawrence...” [Twain, 2012].

(25) “That’s the Stubbses’ house,” he said. “It cost *a hundred thousand dollars* to build! The Stubbses are one of our best families. Old man Stubbs came here as a missionary more than seventy years ago” [Maugham, 2017].

Языковые средства, выражающие речевые действия одобрения и похвалы, могут принадлежать ФСП данных речевых действий, а именно его дальней периферии только в том случае, когда они, во-первых, представлены эмфатическими интонационно-фонетическими средствами, а, во-вторых, проявляют всего два семантических признака: а) позитивности и б) предназначенности.

Интонационно-фонетические средства, выражающие речевые действия одобрения (похвалы), в большей степени, нежели чем: цельнооформленные лексемы из ядра анализируемого ФСП, цельные словосочетания из центра ФСП и лексико-грамматические структуры законченных высказываний из ближней периферии ФСП, – зависимы от внеязыковой речевой ситуации и, соответственно, речевого ситуативного контекста, поскольку они все обладают усеченной языковой структурой. Но данная усеченная языковая структура в большей степени, нежели чем вышеперечисленные языковые средства из других частей ФСП, мотивированы эмотивно – в проявлении человеческих чувств – и экспрессивно – в языковой фиксации данных человеческих чувств, что отображается соответствующими интонационно – фонетическими средствами: определенной эмфатической интонацией, движением мелодики, акцентированным ударением и артикулированием экспрессивной синтагмы. На письме такая эмотивно-экспрессивная репрезентация отображена восклицательным знаком, а также и некоторыми другими имплицитно выраженными фонетическими правилами чтения эмфатической мелодики. Например: (21): “*Good! Good! Right you are!..*”, (22): “*There!*”. Здесь именно тот случай, когда эмотивно выраженная семантика, детерминированная определенным контекстом, имплицитруется и выражается посредством интонационно-фонетических средств. «В некоторых случаях синтаксическая организация предложения действительно имеет функциональную доминанту при выражении коммуникативного типа высказывания, однако интонация играет не меньшую роль... при неовладении грамматического строения и просодического сопровождения функциональную роль сохраняет за собой интонация» [Торсуева, 1979:24-25 – Подчеркнуто нами. Э.Ж.]

Всего два семантических признака проявляют языковые интонационно-фонетические средства при выражении речевых действий одобрения (похвалы): позитивность и предназначенность. Первый семантический признак позитивности манифестирует положительные эмоции человека, которые в языке трансформируются в экспрессивность языковых единиц. Данные семантические

признаки позитивности, которые также являются общей семантической категорией анализируемого поля, и предназначенности – для выражения означенной общей семантической категории позитивности – наличествуют в лексико-грамматических структурах всех приведенных выше английских примеров (21)–(25). Эмфатическая структура таких языковых единиц снабжена на письме восклицательными знаками, например: (23): “*in the room!*”; (24): “*It’s so nice!*” – “*Oh, it’s so exciting!*”; (25): «*a hundred thousand dollars!*»

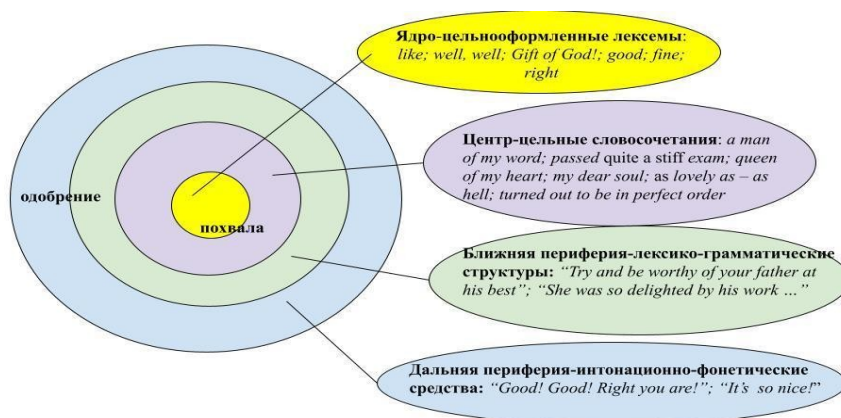
Ранее мы отмечали зыбкость и условность расклассифицирования, различения и отделения друг от друга лингвистических явлений речевых действий одобрения и похвалы. Однако на настоящем этапе нашего исследования можно уже констатировать, что различение речевых действий одобрения и похвалы возможно на основе функционально-семантического подхода и анализа.

Выделение в структуре ФСП речевых действий одобрения и похвалы четырех ее составляющих: 1) ядра, 2) центра, 3) ближней периферии и 4) дальней периферии – позволяет идентифицировать их основные языковые единицы, могущие быть актуализированы в составе некоторого высказывания. Основной актуализируемой в составе высказывания языковой единицей в ядре поля выступает цельнооформленная лексема с ярко выраженным значением, указывающим на положительную оценку события или же предмета речи. Такой основной языковой единицей в центре поля оказывается аналогичное по семантике цельное словосочетание. В ближней периферии поля основной языковой единицей оказывается лексико-грамматическая структура высказывания с семантикой положительной оценки события или же предмета речи. Аналогичным образом в дальней периферии поля в качестве основных языковых единиц, актуализированных в речевой ситуации, выделяются интонационно-фонетические средства с эмотивно-экспрессивной положительной оценкой события или предмета речи.

Языковые средства ядра поля характеризуются наличием пяти семантических признаков, определенных нами как: а) позитивность; б)

предназначенность; в) однозначность; г) повторяемость и д) серийность. Языковые средства центра поля проявляют уже четыре таких семантических признака: а) позитивность; б) предназначенность; в) однозначность и г) повторяемость. Данные языковые средства из ядра и центра поля мы определяем как речевые действия похвалы, поскольку они обладают максимальным количеством характерных семантических признаков. Языковые средства ближней периферии поля, характеризующиеся тремя семантическими признаками: а) позитивность; б) предназначенность и в) однозначность – и языковые средства дальней периферии, характеризующиеся двумя семантическими признаками: а) позитивность и б) предназначенность, – мы определяем как речевые действия одобрения, поскольку они обладают более меньшим количеством характерных семантических признаков, нежели чем языковые средства, выражающие похвалу.

Таким образом, ранее выдвинутая нами гипотетическая рабочая схема ФСП речевых действий одобрения и похвалы находит свою адекватную и полную

реализацию в абстрагированно-лингвистической действительности:

ФСП речевых действий одобрения и похвалы в английском языке:

Наши количественные подсчеты англоязычных высказываний, выражающих речевые действия одобрения и похвалы, представили следующую картину:

1. Высказывания с цельнооформленными лексемами – 91 единица.
2. Высказывания с цельными словосочетаниями – 124 единицы.
3. Высказывания без актуализации языковых средств – 426 единиц.
4. Высказывания с интонационно-фонетическими средствами – 187 единиц.

Всего: 828 единиц

3.3. Функционально-семантическая экспликация одобрения и похвалы в кыргызской разговорной речи

В кыргызском языке языковые средства, выражающие речевые действия одобрения и похвалы, аналогичным образом так же как и в английском, реализуются в определенной речевой ситуации, в которой, кроме данных языковых средств, непосредственными составляющими выступают, во-первых, лицо говорящего, высказывающего своё оценочное отношение к предмету речи, во-вторых, слушающий, на которого направлено высказывание, и, в-третьих, предмет речи, который подвергается оценке (положительной оценке).

Так же, как и в английском языке, в кыргызском означенные языковые средства, выражающие речевые действия одобрения и похвалы, наиболее адекватно, ясно и чётко могут быть исследованы на основании функционально-семантического подхода. Такой подход предполагает выделение поля, как некоторого лингвистического пространства, в котором выявляются его неоднозначные части, составляющие, объединяющие в своих границах языковые средства, содержащие подобные семантические признаки.

Такие семантические признаки поля, которые в плане исследовательской гносеологии выступают как семантические критерии, посредством которых осуществляется, во-первых, идентификация языковых средств, отнесённых к части поля, а, во-вторых, устанавливаются лингвистические границы самой части, самой составляющей поля. Такими семантическими признаками для идентификации языковых средств, выражающих речевые действия одобрения и похвалы в кыргызском языке, так же как и в английском должны быть признаны семантические свойства, определяемые как: а) позитивность; б) предназначенность; в) однозначность; г) неповторяемость и д) серийность.

Семантический признак позитивности предполагает положительную оценку предмета речи (лица, события или факта действительности) и размещает, во-первых, оцениваемый предмет на определенной точке, ступени абстрагированной иерархической шкалы оценки, а, во-вторых, он является неотъемлемым конституентом всех, без исключения, языковых средств с

положительно оцениваемой семантикой. То есть семантический признак позитивности выступает в плане содержания кыргызского языка в двух ипостасях: как критерий частной оценки и как общая семантическая категория всех языковых средств с положительной семантикой.

Семантический признак предназначенности предполагает, а точнее, предопределяет, что та или иная языковая единица (слово-лексема, словосочетание или же лексико-грамматическая конструкция) должна быть употреблена в той или иной речевой ситуации для адекватной оценки предмета речи, в нашем случае, для положительной оценки).

Семантический признак однозначности вытекает из предыдущего семантического признака предназначенности, но только направлен несколько на иной аспект языкового средства: если предназначенность предполагает ориентированность языковой единицы на ту или иную речевую ситуацию, то однозначность ориентирована на собственную семантику языкового средства и обуславливает единственно адекватное значение для выражения (положительной) оценки предмета речи.

Семантические признаки повторяемости и серийности несколько схожи друг с другом при идентификации языкового средства, выражающего речевое действие одобрения (похвалы), но всё же они онтологически разнятся друг от друга: повторяемость предполагает узואально-оказиональньй характер употребления языкового средства при выражении речевого действия, а серийность предполагает узואально-частотный характер такого употребления языкового средства. То есть, другими словами, повторяемость есть признак, не часто встречающийся у языкового средства, выражающего одно и то же речевое действие, в то время как серийность есть признак, указывающий на множественный характер употребления языковой единицы в одной и той же подобной речевой ситуации, при этом такое частотное употребление доведено до автоматизма, до клиширования.

Означенные семантические признаки в плане содержания кыргызских языковых единиц, выражающих речевые действия одобрения и похвалы,

расположены так же, как и в английском языке в определенной иерархической последовательности, когда последующий семантический признак обусловлен содержанием предыдущего семантического признака. Возникает сложная иерархически мотивированная «...функционально-семантическая организация..., которая информирует о каком-либо явлении объективной действительности, включающий в себя действие, состояние, свойство, отношение... как компонент семантической структуры» [Мусаев, 1987:51]. Иерархическая организация означенных семантических признаков предполагает обусловленность содержания последующего признака содержанием предыдущего, их расположение в иерархической последовательности; мы уже неоднократно указывали ранее при анализе английских речевых действий одобрения и похвалы: а) позитивность → б) предназначенность → в) однозначность → г) неповторяемость → д) серийность.

В соответствии с различным функционально-семантическим наполнением, с различными качественными, а также и количественными релевантностями означенные семантические признаки конституируют лингвистическое пространство ФСП речевых действий одобрения и похвалы, которое в кыргызском языке, как и ранее в английском, характеризуется четырехчастным строением, и состоит из: 1) ядра, 2) центра, 3) ближней периферии, 4) дальней периферии.

При выделении частей ФСП, в нашем случае, речевых действий одобрения и похвалы следует учитывать три момента: «а) состав компонентов ФСП в данном языке на основе общего для них инвариантного семантического признака; б) состав центральных и периферийных компонентов поля; в): связи между компонентами ФСП» [Лазариди, 2000:30].

1. Ядро ФСП речевых действий одобрения и похвалы конституируется в кыргызском языке так же, как и ранее в английском лексико-грамматической структурой высказывания, оформленного соответствующими интонационно-фонетическими средствами с выразительными эмфатическими нюансами, в

которой актуализируется и выступает на передний план цельнооформленная лексема (слово) с ярко выраженной семантикой положительной оценки. Например:

(1) Адилет башын чайкады:

– *Болуптур*. Азыр билбей эле кой. Бирок мындай суроолоруң болсо бере бер. Коркпо [Акматов, 2007].

(2) –Ээй, Казыке, *шүгүр, шүгүр...* жай жайлуу убак болбой калдыбы азыр... [Медералиев, 1989].

(3) Бир четинен сеники *туура*, Римдин өкүл-акими. Бирок мен акыйкаттан айын-кептик болуп коеюн [Айтматов, 1988].

(4) – Олжобай *мыкты* болуптур, калың кыпчак урууга [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан, 1997].

(5) – *Ырас*, бирок ошол сизге экстремист болуп көрүнгөн жаштардын, адилеттик үчүн айтканда, негиздүү ишенимдери бар экен да, - деп кыстарып койду Авдий [Айтматов, 1988].

Все приведенные высказывания проявляют положительное суждение о предмете речи, это неоспоримый факт, но данная положительность (позитивность) предопределяется лексемами, стоящими в препозиции в структуре высказывания, а именно, тем, что данные лексемы обладают семантикой положительного утверждения; и данное положительное утверждение распространяется на весь состав соответствующего высказывания. В примере (1) таким предопределяющим словом является лексема «*болуптур*»; в (2): *шүгүр, шүгүр*, (3): *туура*, (4): *мыкты* и в (5): *ырас*. Таким образом, именно от этих цельнооформленных лексем исходит общекатегориальная семантика позитивности, являющейся релевантной для структуры всего поля.

Семантический признак предназначенности аналогичным образом исходит от означенных цельнооформленных лексем, которые в силу своей семантической наполненности предназначены только для выражения семантики положительной оценки и никак не направлены на отрицательное оценивание предмета речи, хотя теоретически и в идеале любая из вышеприведенных цельнооформленных лексем в примерах: (1): *болуптур*, (2):

шүгүр, шүгүр, (3): *туура*, (4): *мыкты* и в (5): *ырас* – может быть в редчайшем случае при функциональном суждении употреблены и для негативного представления предмета речи. Но поскольку такие окказиональные употребления не являются предметом изучения в нашей работе, то мы их не рассматриваем в нашем исследовании.

Семантический признак однозначности, имплицуемый в содержании как актуализированного цельнооформленного слова, так и в составе всего соответствующего высказывания, детерминирует употребление языковой единицы только в позитивном значении, и иное толкование её семантики невозможно, разве что в случаях каламбура и специального, двузначного, стилистически окрашенного употребления. Признак однозначности также исходит из содержания, доминирующего в позитивном значении цельнооформленной лексемы: (1): *болуптур*, (2): *шүгүр, шүгүр*, (3): *туура*, (4): *мыкты* и (5): *ырас*.

Семантические признаки повторяемости и серийности, различающиеся в своем содержании нормальной узуальной и клишированной узуальной частотностью употребления имплицуемых ими языковых единиц, встречается совместно только в языковых средствах из ядра ФСП речевых действий одобрения и похвалы. Все вышеозначенные цельнооформленные слова в примерах (1)–(5) могут и теоретически, и практически повторяться в языковых средствах неоднократно или же в множественно-частотном представлении встречаться в клишированных, серийных языковых средствах, тяготеющих к несвободному, фразеологизованному выражению.

В кыргызскоязычной части материала таких высказываний, которые характеризуются наличием пяти семантических признаков: а) позитивности; б) предназначенности; в) однозначности; г) повторяемости и д) серийности должны быть отнесены к ядерной части поля, мы насчитали 185 единиц.

II. Центр ФСП речевых действий одобрения и похвалы в кыргызском языке включает в себя такие высказывания с положительной семантикой, оформленные с требованиями правил кыргызской интонационно-фонетической

манифестации, в которых данную положительную семантику задают актуализированные цельные словосочетания с ярко выраженным значением позитивной оценки предмета речи. Приведем примеры:

(6) – Кандай киши эле?

- *Жакшы киши* эле. Иманы шерик болсун [Жоошбаев, 2002].

(7) – Кел балам. Кел. *Мыкты жигит* болгон турбайсыңбы... [Жоошбаев, 2002]

(8) «Манкабек менен Корумду,

Аралап жүрдүм талаада,

Көрдүм *нечен сонунду*» [Кожожаш, 1996].

(9) – И-ии, *ошент айланайын, ошент*. Деги басылчы, балам. Кантесин эми... – Ата-бала өздөрүнчө кобурашып топтон узап баратышты [Медералиев, 1989].

(10) *Эл көп болду*. Көпчүлүк эл даткага топурак таштап мусулманчылык парсыбызды аткаралык деп келишти [Жоошбаев, 2002].

В приведенных кыргызскоязычных примерах (6)–(10) реализуется структура кыргызского словосочетания. «Словосочетание представляет собой грамматически организованную структуру, организованную сочетанием или более знаменательных слов, отличающуюся от предложения тем, что словосочетания обладают только номинативной функцией» [Жапар, 1992:108].

Так, в примере (6): *жакшы киши* – словосочетание образуется совместным употреблением двух знаменательных слов: прилагательного «жакшы» и существительного «киши».

«Словосочетание по формальному признаку, как сочетание двух или более знаменательных слов, приближается к предложению, а по номинативным функциям – к отдельному слову» [Жапар, 1992:109; Жакыпов, 1975:15].

Данное словосочетание (6): *жакшы киши* – приближено к предложению и становится предложением, принимая на себя, наложительно на номинативную функцию, функцию предикативности, если добавляется связочный глагол «эле», соотнося всё предложение с конкретной формой прошедшего времени. По отдельно взятой номинативной функции словосочетание «жакшы киши»

приближено к отдельному слову с его номинативной функцией, обозначая человека по его внутреннему признаку.

Аналогичное суждение можно высказать о словосочетаниях в примерах: (7): *мыкты жигит*, (8): *нечен сонун* и (10): *эл көп*, в которых употреблены сочетания двух знаменательных слов: прилагательного и существительного, организованных по семантико-синтаксическому принципу «определение+определяемое» [Сапарбаев, 1997:81–82].

Словосочетание в примере (8): *нечен сонунду* следует пояснить особо: в этом случае второй определяемый член словосочетания «сонун» в составе предложения стоит в форме винительного падежа (табыш жөндөмө). Обозначая предмет речи и отвечая на вопрос «кимди?» данное словосочетание присоединяет к себе аффикс винительного падежа и требует обязательного присоединения к себе некоторого глагола действия, но от этого оно все же не перестает быть словосочетанием, поскольку его номинативная функция является доминирующей и выдвинута на передний план [Орузбаева, 1994:27].

Грамматическую структуру в примере (9): *ошент, айланайын, ошент* – мы рассматриваем как номинативное словосочетание, в котором глагол «*ошент*» сочетается со знаменательным словом – обращением «*айланайын*» (этиштик башкаруу формасындагы катыш) [Сапарбаев, 1997:169].

Все означенные кыргызскоязычные словосочетания: (6): *жакшы киши*, – (7): *мыкты жигит*, – (8): *нечен сонун*, – (9): *ошент, айланайын, ошент*, – и (10): *эл көп* – актуализируются в составе своих высказываний, обусловленных речевой ситуацией. В качестве конституента ФСП речевых действий одобрения и похвалы означенные словосочетания свою принадлежность к центру поля подтверждают наличием у них четырех семантических признаков: а) позитивности; б) предназначенности; в) однозначности и г) повторяемости.

Семантические принцип позитивности заложен в содержании всех означенных словосочетаний как общая семантическая категория, вытекающая из их значений. Если в примерах: (6): *жакшы киши*, – (7): *мыкты жигит*, – (8): *нечен сонун*, – позитивность как семантический признак заложен в

синтаксической структуре «определение (атрибут) + определяемое (предмет)», то в примере (9): *ошент айланайын*, *ошент* – данный признак детерминирован обращением «айланайын», а в примере (10): *эл көп* – данный признак детерминирован позитивностью значения множественности прилагательного «көп»: в сознании кыргызскоязычного говорящего понятие множественности воспринимается, в данном случае, как положительное явление: много народа (көп эл) пришло на похороны датки, значит, он был уважаемым человеком.

Семантический принцип предназначенности предполагает, что в кыргызских примерах словосочетания (6): *жакшы киши*, – (7): *мыкты жигит*, – (8): *нечен сонун*, – (9): *ошент, айланайын* – и (10): *эл көп* – ориентированы только на выражение общей семантической категории позитивности; негативность или даже нейтральность здесь полностью отсутствуют.

Аналогичным образом в вышеприведенных кыргызскоязычных высказываниях (6)–(10) употребленные в них цельные словосочетания в манифестированных речевых ситуациях проявляют семантический принцип однозначности, который не дает никакого иного толкования и понимания словосочетаний в составе высказываний, кроме позитивного.

Что же касается семантического признака повторяемости, то он, имея потенциальную компетенцию, предполагает, что означенные цельные словосочетания в примерах (6)–(10) ориентированы и направлены также на обозначение предмета речи и его положительных свойств и в других аналогичных речевых ситуациях.

Таких высказываний, в которых актуализированы цельные словосочетания с семантикой положительной оценки, мы насчитали в кыргызскоязычном фактическом материале 121 единицу.

III. Ближняя периферия ФСП речевых действий одобрения и похвалы

конституируется в кыргызском языке лексико-грамматическими структурами законченных высказываний с положительной семантикой. В таких высказываниях не содержатся никакие цельнооформленные лексемы и цельные словосочетания, которые бы актуализировались как носители с ярко выраженной

позитивной семантикой или эмфатической положительной оценкой предмета речи. В таких высказываниях позитивный характер суждения обусловлен всей лексико-грамматической структурой высказывания. Например:

(11) – Мен, Жолдош Самтыр дубуна уулунун чакырыгына кошулам! *Өзүм бир түтүн, ата-энем бир түтүн болуп, жаңы уюшулуучу бирикме чарбага катталабыз!* [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

(12) – *Туура айтасың, туура!* – дешти көпчүлүк. Уруу алыс узап кеткен жок ... Союп алган босло, эти табылар ... [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

(13) – Ырас, Толгонай, жылаңайлак, жылаңбаш жатакчынын кызы элең. Бирок шайыларды кийбесң да, бой жеткенде кандай сонун кыз болдуң. *Өзгөчө эртең мененки көлөкөң так өзүңдөй сымбаттуу эле* [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

(14) *Ошол күнү табигат да жүрөктү –*
Баалаганбы. Аяган жок мүрөктү [Токомбаев, 1995].

(15) *Мекен десе – Эне түшөт эсине,*
Энесинен жакын жокго балага [Токомбаев, 1995].

(16) – *Кызматкерлер, сакчылар,*
Кан ордосун бакчулар.

Белине канжар такчулар,
Канга каршы душмандын,

Башын кыя чапчулар [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан, 1997].

(17) – Жакшы, жакшы садага! Уяңдык жарабайт. *Жаш адамдын ачык болгону дурус.* Ооба, мени агай, жок Азим десеңиз деле болот [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

(18) – Менин акыркы максатым ушул инимди бир көрүш эле. Көрдүм. *Кадимкидей чон жигит болуп калыптыр.* Эми кете берсем болот... [Акматов, 2007].

(19) – Бар болуң, Тарпаң шер! Эя, күчүңө кулмун! Амалынан айланайын! Кара буура анык Ойсул-ата экен, Азман! [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

(20) *«Алтын, күмүш алгандар,*
Айбаты толук балбандар.

Кан болуп такка минсем да

Калкыма айтар арман бар» [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан, 1997].

Все приведенные кыргызскоязычные высказывания (11)–(20) представляют собой соответствующие предложения, реализованные в речи в определенной речевой ситуации, эксплицируя положительное суждение говорящего.

«Хотя суждение и предложение взаимосвязаны, и предложение выступает в качестве той материальной оболочки, в которой выражается суждение, но суждение носит при этом характер общечеловеческий, а предложение как единица конкретного языка – носит конкретно-национальный характер» [Жапар, 1992:8; Иманов, 2009:84-85]. Интерпретируя другими терминами высказанное выше кыргызскими учеными А.Жапаровым и А. Имановым мнение, можно констатировать, что предложение есть единица языковой системы, а суждение (высказывание) должно быть отнесено к речевой деятельности человека, к конкретному употреблению лексико-грамматической структуры с законченным смыслом в определенной речевой ситуации.

Все лексико-грамматические структуры законченных высказываний (11)–(20) эксплицируют в соответствующих речевых ситуациях семантические признаки: а) позитивности; б) предназначенности и в) однозначности.

Семантический признак позитивности, который является также общей семантической категорией ФСП речевых действий одобрения и похвалы не только в английском, но и в кыргызском языке, представлен в семантической структуре всех приведенных выше кыргызскоязычных высказываний (11)–(20). При этом, в каждом из этих высказываний данный признак как бы доминирует, затушевывая различные модально-коннотативные нюансы. Например, в высказывании (11): *Өзүм бир түтүн, ата-энем бир түтүн болуп, жаңы уюшулуучу бирикме чарбага катталабыз!* – это модально-коннотативный дополнительный смысловой компонент выражает уверенность. В высказывании (12): *Туура айтасың, туура!* – это также модально-коннотативный дополнительный смысловой нюанс уверенности. В высказывании (13): *Өзгөчө эртең мененки көлөкөң так өзүңдөй сымбаттуу эле* – на общую

семантическую категорию позитивности накладывается модально-коннотативный смысловой нюанс условности, который явно детерминируется в структуре всей ситуации условным союзом «эле». Или в высказывании (14): *Ошол куну табигат да журөктү баалаганбы* – на семантическую категорию позитивности накладывается модально-коннотативный компонент облегчения.

Семантический признак предназначенности, содержащийся в содержательных структурах кыргызскоязычных высказываний (11)–(20), обуславливает факт того, что они могут быть употреблены только в позитивно окрашенных высказываниях. В предложениях с негативной оценкой предмета речи они обычно не употребляются. Например, никак не укладывается в общую семантику негативной семантики нижеследующие высказывания (14): *Ошол куну табигат да журөктү балаганбы*, –; (15): *Мекен десе – Эне түшөт эсине. Энесинен жакын жокго балага*. –; (16): *Кызматкерлер, сакчылар, Кан ордосун бакчулар* –; и (17): *Жааш адамдын ачык болгону дурус* –; данные высказывания релевантны и значимы только в речевых ситуациях, в которых манифестируется положительная оценка предмета речи со стороны говорящего.

Семантический признак повторяемости обусловлен фактом того, что кыргызские высказывания в примерах (11)–(20) могут быть употреблены и в других речевых ситуациях, в которых производится положительная оценка предмета речи со стороны говорящего. Так, кыргызскоязычные высказывания (18): *Кадимкидей чоң жигит болуп калыптыр*. –; (19): *Бар болуң, Тарпаң шер!*; и (20): *Алтын, күмүш алгандар, айбаты толук балбандар* – содержат в себе только позитивную семантику и могут быть употреблены в таком значении также и в других высказываниях.

Таких лексико-грамматических структур законченных кыргызскоязычных высказываний нами насчитано в нашем фактическом материале 429 единиц.

IV. Дальняя периферия ФСП речевых действий одобрения и похвалы в кыргызском языке представлена разнообразными интонационно-фонетическими средствами, включающими в себя интонирование просодики (слоговых

структур), словесное и фразовое ударение, мелодику и движение основного тона, паузирование [Сыдыков, 1990:137–139]. При этом означенные интонационно-фонетические средства употребляются не только для оформления эмфатических высказываний, но и сами актуализируются в звуковой структуре высказывания и доминируют в выражении эмоций говорящего и в языково-речевом экспрессивном представлении предложения. Например:

(21) – *Во! Жорго деп ушуну айт!* – деп, өзү экире, кубана чакчырылды үстүндө келген улук полковник Колпаковский [Касым-Бек, 2000].

(22) – *Ооба, ооба!* Бул сөздөрүмдү эми да айтып жүрөмүн, Акматым. Эмгекте балбан болсо, азаматтын маңдайы жарык болот... [Сыдыкбеков, 1985].

(23) – *Эң жакишы!* – деди генерал, негедир түшүнүксүз карсылдап күлдү. – Мына ушинтип, каерге келишкенин улам жакындаган сайын тезден тез кабарлап келишсин [Касым-Бек, 2000].

(24) – *О, мыктылар,* Манас – элдики! Киргизгиле букараларыңарды короого! [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

(25) – *О, бул, о, эл агасы,* жакшылар, силерге айтам, *о, эр көкүрөк баатырлар,* бул хазретинин бизге жиберген жарлыгы! [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012]!

Дальняя периферия ФСР речевых действий одобрения и похвалы в кыргызском языке заполняется языковыми интонационно-фонетическими средствами, которые могут иметь самую разнообразную просодическую интерпретацию. Так, в кыргызском примере 21): *Во! Жорго деп ушуну айт!* – языковая семантика позитивной оценки выражена эмоционально со стороны говорящего и приобрело экспрессию в звуковой стороне речевого высказывания. Здесь основу интонации определяет эмоциональное ударение.

«Кыргыз тилинде э м о ц и о н а л д ы к б а с ы м да бар. Эмоционалдык басым сөздүн эмоционалдык жагын күчөтүп сүйлөөчүчүн тигил же бул сөзгө байланыштуу абалынын эффектисин (лат. affectus – толкундоо) билдирет. Логикалык басым белгилүү сөздү баса көрсөтүп, көңүлдү ошол сөзгө

бурса, эмоционалдык басым анын кандай сезимде айтылгандыгын билдирет» [Ахматов, Омуралиева, 1990:84 – Разрядка автора].

(«В кыргызском языке есть и эмоциональное ударение, которое усиливает эмоциональную сторону слова и показывает состояние чувств человека, связанное с тем или иным словом (лат. *Affectus* – “волнение”). Если логическое ударение выделяет определённое слово и направляет внимание именно на это слово, то эмоциональное ударение показывает, с какими чувствами это слово произносится» [Перевод наш. Э.Ж.]).

В вышеприведенном примере мы имеем как раз-таки такое эмоциональное ударение, выделенное на письме восклицательным знаком, и, соответственно, этому ударению восходяще – ровно – нисходящую мелодику интонирования.

Аналогичным образом такое эмоциональное ударение наличествует и в примерах: (22): *Ооба, ооба!* –; (23): *Эң жакшы!* –; и (25): – *о, эл агасы; о, эр көкүрөк баатырлар!* –, в которых также наблюдается короткая восходяще-ровно-нисходящая мелодика, выражающая определенное эмоционально-чувственное состояние человека.

Кыргызский пример (24): – *О, мыктылар!* – также содержит в своей звуковой структуре в конце данного короткого высказывания – обращения эмоциональное ударение. Но мелодика интонирования высказывания здесь несколько иная. Здесь наблюдается мелодика движения тона без восхождения, а именно, интонационно-мелодическая структура здесь представлена последовательностью: ровно–ровно–нисходящая интонация [Молдокулова, Трунин-Донской, 1989:23].

Данные интонационно-фонетические средства показывают в составе соответствующих речевых ситуаций, в которых производится положительная оценка предмета речи, два семантических признака: а) позитивность и б) предназначенность.

Семантический признак позитивности в качестве общей грамматической категории обусловлен соответствующей ситуацией речи, в которой

высказывается положительное суждение о предмете речи. Аналогичным образом и другой семантический признак предназначенности обусловлен внеязыковой речевой ситуацией с положительной оценкой предмета речи. Именно два данных семантических признака: позитивности и обусловленности – идентифицируют языково-фонетические явления как принадлежность дальней периферии поля одобрения и похвалы в кыргызском языке [Лазариди, 2000:32-33].

Изучение кыргызскоязычного материала с позитивно выраженной оценкой предмета речи показало, что высказывания, в которых бы актуализировались интонационно-фонетические средства, насчитывается 101 единица.

Таким образом, наше изучение кыргызскоязычного материала с положительной оценкой предмета речи показывает, что в кыргызском языке, так же, как и в английском, ФСП речевых действий одобрения и похвалы распределяет означенные речевые действия по различным частям своего лингвистического пространства. Четырехчастная структура кыргызского поля, состоящая из: 1) ядра, 2) центра, 3) ближней периферии и 4) дальней периферии, – распределяет высказывания с положительной оценкой предмета речи по своим частям в зависимости от актуализированной единицы, а также в зависимости от состава семантических признаков, данные единицы определяющие.

Так, кыргызские высказывания с цельнооформленными лексемами с положительно-оценочной семантикой, в которых данные лексемы проявляют пять семантических признаков (позитивность, предназначенность, однозначность, повторяемость и серийность), следует отнести к части поля. Кыргызские высказывания с цельными словосочетаниями с положительной оценкой предмета речи следует отнести уже к центру поля, здесь уже действуют четыре семантических признака (позитивность, предназначенность, однозначность, повторяемость).

Кыргызские высказывания, проявляющие через свою лексико-грамматическую структуру общую положительную оценку предмета речи с тремя семантическими признаками (позитивность, предназначенность,

однозначность) следует отнести уже и к ближней периферии лингвистического пространства поля. А кыргызские высказывания с актуализированными интонационно-фонетическими средствами, выражающими положительные эмоции, в которых наличествуют только два семантических признака (позитивности, предназначенности) нужно отнести к дальней периферии ФСП речевых действий одобрения и похвалы.

Таким образом, можно утверждать, что явление похвалы в кыргызской речи содержит большее количество семантических признаков – пять или четыре, – которые со стороны качества относят такие высказывания с содержанием похвалы к ядру или центру ФСП. Явления одобрения в кыргызской речи содержит меньше количество семантических признаков – три или два, – которые со стороны качества относят такие высказывания с содержанием одобрения к ближней или дальней периферии поля. В связи с таким утверждением можно констатировать, что высказанная нами в начале работы частная гипотеза о некотором различии в функционально-семантической представленности явлений одобрения и похвалы находит своё подтверждение на материале кыргызских высказываний с положительной оценкой предмета речи.

Можно
полагать,
представленная
нами ранее общая
гипотетическая
схема ФСП
одобрения и
похвалы может

быть интерпретирована как модель, имеющая реальную основу в лингвистической действительности, т.е. как «реальную лингвистическую модель» [Реформатский, 1977:6].

ФСП речевых действий одобрения и похвалы в кыргызском языке:

Наши количественные подсчеты кыргызских высказываний, выражающих речевые действия одобрения и похвалы представили следующую картину:

1. Высказывания с цельнооформленными лексемами – 185 единиц.
2. Высказывания с цельными словосочетаниями – 121 единица.
3. Высказывания без актуализации языковых средств – 429 единиц.
4. Высказывания с интонационно-фонетическими средствами – 101 единица.

Всего: 836 единиц

3.4. Функционально-семантическое сопоставление экспликаций одобрения и похвалы в английской и кыргызской разговорной речи

Сравнивая экспликации речевых действий одобрения и похвалы в английской и кыргызской разговорной речи, мы должны самым непосредственным образом использовать возможности сопоставительного языкознания, которое анализирует большей частью языки генетически неродственные и грамматически разнотипные с позиций синхронии и в плане их конфронтации друг к другу.

Перед сопоставительным языкознанием ставится широкий круг задач, предусматривающий разностороннее и разноаспектное изучение неродственных и разнотипных языков в их синхроническом положении. Думается, что наиболее обоснованное и наиболее емкое определение по этому вопросу представил российский языковед-типолог В. Г. Гак, который считает, что такое языкознание имеет четыре круга задач. В целях достоверности передачи его мнения процитируем его точку зрения полностью:

«Общие задачи сопоставительного (контрастивного) изучения языков могут быть сформулированы следующим образом:

- Оно выявляет схождения и расхождения в использовании языковых средств различными языками.
- Оно позволяет лучше определить особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользать от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка.

- Оно непосредственно связано с различными видами прикладного языкознания, прежде всего с преподаванием неродного языка, где оно позволяет предвидеть и преодолевать нежелательную интерференцию, а также с теорией перевода, для которой оно дает надежную лингвистическую базу.
- Оно дает материал для типологии, для выявления универсалий» [Гак, 1989: 9; Horn, 1966:27].

Сопоставительное языкознание имеет свои обособленные принципы: 1) принцип учета типологической и генетической близости языков, 2) принцип синхронического подхода к языковому материалу и 3) принцип системности при выделении объектов для сравнительного анализа в двух (и более) изучаемых языках.

В нашем сопоставительном исследовании последний принцип – принцип системности – является превалирующим, поскольку полевой подход предполагает сравнение двух пространственно-лингвистических систем, образованных вокруг какой-либо одной общей функционально-семантической категории; при этом данные системы (функционально-семантические системы) являются частью более объёмной, более широкой языковой системы.

«Сопоставительный анализ (как правило) строится на сравнении двух языков. Следовательно, это би-идиосинхронический анализ, то есть анализ соотношения двух систем, в ходе которого сравнивается, как соотносятся друг с другом отдельные компоненты этих систем» [Скаличка, 1989:27. – Подчеркнуто нами. Э.Ж.].

Таким образом, сопоставляемые нами функционально-семантические системы, а именно, ФСП речевых действий одобрения и похвалы в германском аналитическом английском языке и в тюркском агглютинативном кыргызском, представляют собой не столько обособленные языковые системы, а сколько «отдельные компоненты этих систем» [по В. Скаличке].

Для нашего сопоставительного исследования представляются приемлемыми, в плане сравнения двух генетически неродственных и

грамматически разнотипных германского аналитического английского и тюркского агглютинативного кыргызского языков, более суженные задачи, вытекающие из вышеозначенных объёмных задач, стоящих перед всем сопоставительным языкознанием. Наш фактический языковой материал может быть адекватным образом исследован, исходя из трёх целеустановок, трёх более частных задач: во-первых, это задача изучения совпадений, сходств в ФСП речевых действий одобрения и похвалы в английском и кыргызском языках, во-вторых, это задача изучения несовпадений, несходств в ФСП речевых действий одобрения и похвалы в английском и кыргызском языках, в - третьих, это задача выявления тех окказиональных моментов, которые «могут ускользать от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка» [по В.Г. Гаку].

Мы изучили синхронно на основе системного подхода к фактическому материалу и по-отдельности ФСП речевых действий одобрения и похвалы в аналитическом английском и в агглютинативном кыргызском языках и выявили языковые средства, заполняющие четырехчастную структуру данных ФСП в обоих языках. Мы также установили в количественном отношении число тех или иных языковых единиц, заполнивших четыре части лингвистического пространства обоих полей в английском и кыргызском языках (речи).

Представим наши полученные результаты по материалам обоих языков в конфронтативном плане и схематически, что предоставит большую наглядность, и обозримость структур означенных полей.

ФСП речевых действий одобрения и похвалы	
Английский язык	Кыргызский язык
<u>Ядро</u> : Высказывания с цельнооформленными лексемами – 91 ед.	<u>Ядро</u> : Высказывания цельнооформленными лексемами – 185 ед.
<u>Центр</u> : Высказывания с цельными словосочетаниями – 124 ед.	<u>Центр</u> : Высказывания с цельными словосочетаниями – 121 ед.

<u>Ближняя периферия:</u> Высказывания с общей положительной семантикой – 426 ед.	<u>Ближняя периферия:</u> Высказывания с общей положительной семантикой – 429 ед.
<u>Дальняя периферия:</u> Высказывания с интонационно-фонетическими средствами – 187 ед.	<u>Дальняя периферия:</u> Высказывания с интонационно-фонетическими средствами – 101 ед.
Всего: 828 ед.	Всего: 836 ед.

Конфронтативное сопоставление показывает, что совпадение в экспликации ФСП речевых действий одобрения и похвалы в английском и кыргызском разговорных языках наблюдается в лингвистических пространствах центра поля и ближней периферии поля. Эти совпадения, обусловленные как качественной, так и количественной сторонами языковых единиц поля, как бы «ложатся кучно» (по военной стрелковой технологии), т.е. они расположены контактно (забегая вперед отметим: в то время как несовпадения обусловлены языковыми единицами, расположенными далеко друг от друга, т.е. дистантно).

Совпадения центральных частей ФСП английских и кыргызских речевых действий одобрения и похвалы наблюдается в грамматической структуре и семантической наполненности языковых единиц – конститuentов центра поля, представляющих собой цельные словосочетания. Приведем примеры:

- (1) “It’s the Senorita Anabela Zamora”, says Fergus. She’s – she’s – she’s as lovely as – as hell’ [Henry, 2013]!
- (2) And everything turned out to be in perfect order [Bulgakov, 2010].
- (3) “Women,” said Judson Tate, “are *mysterious creatures*” [Henry, 2013].
- (4) – *Ак падышанын* тамырына бой суналы. Берүүчү солдатты берип тыналы [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].
- (5) Эне десе – Мекен түшөт эсине, -
Мекен үчүн кимдер *болбойт садага* [Токомбаев, 1995].
- (6) – *И, кандай, чологум*, - деди ал итти айлakta карап. – Сен да мага окшоп үй-жайсыз неме окшобойсуңбу. Жүр, мени ээрчи [Айтматов, 1988].

Несмотря на то, что «словосочетания в каждом языке строятся по определенным, характерным для данного языка моделям, представляющим собой обобщенные величины...» [Аракин, 1989:137], все же они обладают общими лингвистическими признаками, позволяющими идентифицировать их и отделить, с нижней стороны, от сложного слова, а, с верхней стороны, от предложения. Эти общие лингвистические признаки являются релевантными как для английского языка, так и для кыргызского, можно определить как: 1) наличие двух знаменательных лексем; 2) образующих единое значение; 3) отсутствие предикативности и 4) определенная структурно-семантическая связь компонентов словосочетания [Адмони, 1972:170–171; Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981:100-101; Fries, 1963:82; Омуралиев, 1990:43-45; Жапар, 1992:108–109; Иманов, 2009:23–25].

Так, английские и кыргызские словосочетания, содержащиеся в вышеприведенных примерах: (1): *lovely as – as hell*; (2): *turned out all right*; (3): *mysterious creatures*; (4): *Ак падышанын*; (5): *мекен түшөт эсине*; (6): *И, кандай, чологум* – эксплицируют речевые действия одобрения и похвалы, обусловленные речевой ситуацией, принадлежат в этом качестве к центру поля. Они обладают всеми вышеозначенными общелингвистическими признаками словосочетаний. Во-первых, они состоят из двух знаменательных слов, которые могут относиться ко всем полнозначным частям речи, как, к примеру, английское словосочетание в высказывании (1): *lovely as – as hell* состоит из двух прилагательных, а кыргызское словосочетание в высказывании (4): *Ак падышанын* – состоит из прилагательного и существительного. Во-вторых, все они образуют единое, цельное значение, не позволяя другим словам с другими значениями вклиниваться в их синтаксическую структуру. К примеру, такие цельные значения наблюдаются в английском высказывании (2): *turned out all right* и в кыргызском (5): *болбойт садага*. В-третьих, все они характеризуются номинативностью, т.е. полным отсутствием предикативной функции, они только обозначают предмет речи. К примеру, такая номинативная функция наблюдается в английском высказывании (3): *mysterious creatures* и в

кыргызском (6): *И, кандай, чологум*. И, в-четвертых, все приведённые выше английские и кыргызские словосочетания в составе соответствующих высказываний характеризуются определённой структурно-семантической связью своих компонентов. К примеру, в английском высказывании (1): *lovely as – as hell* словосочетание характеризуется предикативным типом связи; такая же предикативная связь наличествует в синтаксической структуре словосочетания в высказывании (2): *turned out all right*. Английские словосочетания в примере (3): *mysterious creatures* проявляет атрибутивный тип связи. Кыргызские словосочетания в примере (4): *Ак падышанын* – характеризуется атрибутивной связью, а именно, особым типом атрибутивной связи, которая обозначается как: изафет или изафетное словосочетание [Ибрагимов, 2012:12–13]. Кыргызское словосочетание в примере (5): *болбойт садага* – характеризуется предикативным типом связи, а кыргызское словосочетание в примере (6): *И, кандай, чологум* – проявляет аппелятивную связь. Последний тип связи – аппелятивная связь – обусловлен тем фактом, что аппеляция (обращение), хотя и не является членом предложения, но всё же входит в грамматическую структуру кыргызского словосочетания [Жапар, 1992:307–308; Кудайбергенов, 1979:6–7].

Совпадая по своему качественному языковому наполнению, английские и кыргызские цельные словосочетания, выражающие в составе высказывания речевые действия одобрения и похвалы, также совпадают и в количественном отношении: в центральной части ФСП одобрения и похвалы нами насчитано в обоих языках примерно равное число высказываний с актуализированными цельными словосочетаниями с положительно-оценочной семантикой: 124 единицы в английском языке и 121 единица в кыргызском.

Данные совпадения цельных словосочетаний английского и кыргызского языков, конституирующих центральную часть ФСП речевых действий одобрения и похвалы, обусловлено единым характером номинативно-когнитивной сущности языка, когда цельные словосочетания выступают в качестве единого имени предмета

речи, который в онтологии может быть идентифицирован как сложносоставное явление внеязыковой реальности [ЛЭС, 1990:469].

Совпадение в лингвистическом пространстве ближней периферии ФСП английских и кыргызских речевых действий одобрения и похвалы наблюдается в семантике положительной оценки в лексико-грамматических структурах законченных высказываний, в которых не происходит актуализация какого-либо языкового средства; положительно-оценочная семантика имплицитруется всей лексико-грамматической структурой высказывания. Приведем примеры:

(7) *I consider that model letter – an eminently readable and entertaining letter, and, as I said before, it contains more matters of interest and more real information than any letter I ever received from the East* [Twain, 2013].

(8) *And so here I am on the train, safe bound for home and the summer quiet of my club* [Leacock, 2013].

(9) “*There,*” cried Endicott, looking triumphantly on his work, “*there lies the only Maypole in New England!* The thought is strong within me that, by its fall, is shadowed forth the fate of light and idle mirth makers, amongst us and our posterity. Amen, saith John Endicott [Hawthorne, 1984].

(10) *She was so delighted by his work* that she took him into the closet and chose the best apple, and gave it to him, with an improving lecture [Twain, 2012].

(11) “*Try and be worthy of your father at his best*” [Hardy, 2013].

(12) – Айланайын кербендер,

Алыс жерден келгендер.

Акыретти ойлонуп,

Ачкага оокат бергендер.

Алсыздын алын көргөндөр,

Ажал жетип өлгөндү,

Ак кепинге көмгөндөр! [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан, 1997]

(13) – Теңир жалгасын!

– Кызыр жылоолосун! [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012]

(14) – Тамактан алчы, каралдым. *Атаң бир чети туура айтат*, уулум. Мен бул жагына кошулам атаңа. Адилеттик деген жок нерсе го [Акматов, 2007].

(15) – Жок дегенде видеокамерага улуксат беришсе болмок. Момундай жапайы жаратылышты тартып алат элем.

- *Бир чети бардыгын мейманканага таштаганыңар жакшы болду*. Анткени жолдогу Кытай постторду алып коймок. Кайра беришпейт алар [Акматов, 2007].

(16) *Тоолордун кандай болсо кебетеси*,

Ошондой таалай менен берекеси [Токомбаев, 1995].

Все примеры содержат в себе английские и кыргызские высказывания, в которых в самом общем виде дается положительная оценка предмета речи, без какой-либо актуализации того или иного языкового средства. Даже если в них употреблены какие-либо лексемы с положительно-ориентированной семантикой данные лексемы не подведены актуализации, т.е. смысловому выделению, как, например, в англоязычных высказываниях (7): *eminently – entertaining*; (8): *safe*; или же в кыргызскоязычных (12): *айланайын*; (13): – *Теңир жалгасын!*; – *Кызыр жылоолосун!* При этом общая положительная семантика высказывания детерминируется конкретной речевой ситуацией, поименованной языковыми средствами. Такое наблюдается в английских высказываниях (10): *She was so delighted by his work* и (11): *Try and be worthy of your father at his best*, или в кыргызском высказывании (16): *Тоолордун кандай болсо кебетеси, ошондой таалай менен берекеси*.

В некоторых случаях положительная оценка предмета речи зависит не столько от лексико-семантического содержания грамматической структуры высказывания, сколько от структуры речевой ситуации, обусловленной конкретными внеязыковыми обстоятельствами. Такое наблюдается, к примеру, в англоязычном высказывании (9): *There lies the only Maypole in New England*, или в кыргызскоязычных (14): *Атаң бир чети туура айтат*, уулум – и (15): *Бир чети бардыгын мейманканага таштаганыңар жакшы болду*.

Совпадение в экспликации языковых средств ближней периферии ФСП речевых действий одобрения и похвалы в английском и кыргызском языках обусловлено единым характером номинации положительно воспринимаемых предметов речи: событий, фактов, процессов – со стороны именующего человека, вне зависимости от их национальных менталитетов и культур [Кубрякова, 1970:104–106; Ярцева, 1981:29; Malletzke, 1996:23–24].

Совпадая в качественном отношении, а именно, в отношении плана содержания и плана выражения, языковые средства, выражающие речевые действия одобрения и похвалы лексико-грамматическими структурами с общей семантикой положительной оценки и потому принадлежащие лингвистическому пространству ближней периферии поля, совпадают также в нашем фактическом материале и по количественному составу: 426 единиц в английском языке и 429 единиц в кыргызском.

Несовпадения наблюдаются в ядерной части ФСП речевых действий одобрения и похвалы в английском и кыргызском языках обусловленные не структурно-грамматическим (качественным) строением английских и кыргызских цельнооформленных лексем, а количественным составом: так, в нашем фактическом материале более чем в два раза больше представлено количество кыргызских высказываний со специализированными лексемами с положительно-оценочной семантикой, нежели чем в английском: 185 кыргызских единиц против 91 английских. Приведем примеры:

(17) “But I will see, Tom,” and she put her small hand on his, and tried to move it away. Tom resisted, but little by little his hand moved and they saw the words “I love you” written there [Twain, 2012].

(18) “*All right,*” I said, “*all right, all right, all right*” [Murdoch, 2016].

(19) My venerable mother is a *tolerably good* correspondent – she is above average, at any rate [Twain, 2013].

(20) – Албетте, албетте атка минет да. Атым *жакшы*. Ээр токуму деле жаман эмес, үртүктөлгөн, үртүгү да жаңы [Жоошбаев, 2002].

(21) – Балам, *баатырлык түрүң* бар экен... Өскөн журттун кулуну окшойсун [Медетов, 1991].

(22) Эсепчи колун алыстан имерип сөзүн жөнөттү: – Зор Маскоону *баатырдык менен* коргоп жатышкан 8-гвардиялык дивизиянын командованиясине биздин колхозчулардын атынан төмөнкүчө кат жазабыз [Сыдыкбеков, 1985].

Ядерная часть обоих ФСП из обоих языков заполняется такими лексемами, которые имеют специализированные значения, ориентированные на положительную оценку предмета речи. Так, английский глагол в примере (17): *love* – никак не может быть употреблен в негативном значении. Его парадигма обусловлена лексико-грамматическим законом опрощения.

«Опрощение является процессом, постоянно сопровождающим развитие словообразовательной (и в меньшей мере также словоизменительной) системы языка. Именно в результате опрощения в языке возникает такое явление, как «связанные корни»» [Плунгян, 2003 – Подчеркнуто нами Э.Ж. – Маслова-Лашанская, 1972:147-148; Carstairs-McCarthy, 2002:24-25].

Связанность лексико-грамматического корня проявляется в том, что слово (лексема) утрачивает большую часть своих исконных флексий (аффиксов, грамматических маркеров) и становится принадлежностью многих парадигматических подсистем. Так, *love* может быть истолковано и употреблено в зависимости от контекста и речевой ситуации в лексико-грамматическом классе существительных (любовь), в классе глаголов (любить), а также и в некоторых других лексемных классах в зависимости от контекстной дистрибуции и ситуативной обусловленности, к примеру, в классе прилагательных или наречий. Но, несмотря на такой широкий диапазон лексико-грамматического употребления, основная семантическая категория, указывающая на положительную оценку предмета речи со стороны говорящего, в плане содержания «связанного корня» [по В.А. Плунгяну] полностью сохраняется.

Аналогичным образом позитивная семантика наличествует в прилагательных (наречиях) в примерах: (18): *all right*; и (19): *tolerably good*, из англоязычного материала, а также в прилагательных (наречиях) в примерах:

(20): *жакшы* –, (21): *баатырлык түрү* –, и (22): *баатырдык менен*. Отметим, что в лексико-грамматической системе кыргызского языка лексемы-прилагательные и прилагательные-наречия часто имеют одинаковую, или одну и ту же грамматическую форму и отличить их друг от друга можно только в контексте [Биялиев, 2002:217-218; Абдувалиев, 2008:222-223]. В кыргызском языке так же, как и в английском, переход именной лексемы в другую именную часть речи не сопровождается качественным изменением плана содержания – основа значения остается прежней; так все вышеназванные кыргызские лексемы в примерах (20): *жакшы*, (21): *баатырлык түрү*; и (22): *баатырдык менен* сохранили свое позитивно ориентированное значение.

Таким образом, качественная сторона английских и кыргызских цельнооформленных лексем является подобной друг другу, эксплицируя специализированное значение, ориентированное только на положительную оценку предмета речи. Но все же мы полагаем, что несовпадения в количественной стороне языковых средств в обоих привлекаемых языках в ядерных частях их ФСП речевых действий одобрения и похвалы обусловливается различием в их грамматических структурно-языковых типах: германский английский язык является языком аналитического синтаксически-грамматического типа, а тюркский кыргызский – языком морфолого-грамматического типа. Будучи языком аналитического типа, английский язык употребляет вместо отдельных цельнооформленных лексем со специализированным позитивно-оценочным значением цельные словосочетания также с таким же специализированным значением.

Несовпадения наблюдаются также и в экспликации языковых средств в дальней периферии ФСП английских и кыргызских речевых действий одобрения и похвалы. Не совпадают лингвистические пространства дальней периферии, где эксплицируются эмфатические высказывания с актуализированными интонационно-фонетическими средствами, в которых в обоих языках выражается семантика позитивной оценки. Приведем примеры:

(23) *The trap is ready! Hurrah! Good – bye, old man! Hurrah!* All right. I'll telegraph. Right you are, good-bye. Hip, hip, hurrah! Here we are! Train right on time. Just these two bags, porter, and there's a dollar for you. What merry, merry fellows these darky porters are, anyway [Leacock, 2013]!

(24) “*Master Paul!*” he whispered. “*Master Paul!*” Malabar came in first all right, a clean win. I did as you told me. You've made over seventy thousand pounds, you have; you've got eighty thousand. Malabar came in all right, Master Paul” [Lawrence, 2013].

(25) “*Gosh! What a car*”. This ejaculation was provoked by its interior. John saw that the upholstery consisted of a thousand minute and exquisite tapestries of silk, woven with jewels and embroideries, and set upon a background of cloth of gold. The two armchair seats in which the boys luxuriated were covered with stuff that resembled duvetyn, but seemed woven in numberless colors of the ends of ostrich feathers [Fitzgerald, 2011].

(26) “*My dear widow, you are charming!*” cried Colonel Killigrew whose eyes had been fixed upon her face, while the shadow of age was flitting from it like darkness from the crimson daybreak [Hawthorne, 2013].

(27) “*Can you beat it*” [Dreiser, 2010]?!

(28) – Эки күндө толот 3200 норма! Андан кирпич колдо, тактай ойдо [Сыдыкбеков, 1985].

(29) Билбедим, кайдан алдым *алтын күчүн*?!

Эсиме кадимкидей келе түштүм [Токомбаев, 1995].

(30) «О-го, *баласынттырбайт турбайбы бу өзүн*?!» деди полковник ичинен, ага жакты бу [Касым-Бек, 2000].

(31) – *Чолпонбай, баса ай, уул!* – деп артыраак жагында келе жаткан тентуш жеңеси ылдамдай басып келип, Чолпонбайды сол жаккы колтугунан алды да, - сенден бир сыр сурайынчы, уулуке! – деди [Жантошев, 1985].

(32) – Ооба, ошону айтам. *Деле өркүнүң өссүн, баатыр* [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012]!

И английские, и кыргызские предложения (23)–(32) выражают положительную оценку предмета речи: события, факта или конкретного лица – посредством чувственно-эмотивных высказываний, оформленных в языке экспрессивными интонационно-фонетическими средствами. Так, три английских примера: (23): *The trap is ready! Hurrah! Good-bye, old man! Hurrah!*; (24): *Master Paul! Master Paul!* и (25): *Gosh! What a car!* – манифестируют интонационную мелодику нисходящего тона: «Ровный – (ровный) – нисходящий тон», при этом эмоционально смысловое позитивное выделение ударного компонента осуществляется падающей (нисходящей) мелодикой. «Нисходящее завершение отличается большей резкостью падения тона, чем в русском языке. Нисходящий тон выражает законченность высказывания» [Бонди, 1988:16; Адмони, 1970:187; Трахтеров, 1976:152].

Английское (26): *“My dear widow, you are charming!”* обладает уже мелодикой «восхождение тона – ровный тон – нисхождение тона», причем смысловое ударение предшествует нисхождению тона. «Такая мелодия эмфатического ударения, обычно совмещаемая с падающим завершением, носит название восходяще-падающего тона» [Трахтеров, 1976:152, Аракин, 1989:85].

Эмотивно-чувственное восклицание в английском высказывании (27): *“Can you beat it?!”* отягощено фонетико-смысловым оттенком вопроса. В данном английском высказывании сохраняется общая интонационно-фонетическая структура позитивной эмоциональной мелодики: «ровный тон – нисходящий тон, но оттенок вопроса не может не найти отражения в движении тона. Такие вопросы, начинающиеся с модальных глаголов, относятся к подтипу «...синтагм с нисходящим тоном и восходящим завершением» [Аракин, 1989:85; Бонди, 1988:23; Матюшкина-Герке, Балашова, Броссе и др., 1990:59-60].

Кыргызские высказывания (28)–(32), выражающие речевые действия одобрения и похвалы, можно разделить на две группы. Во-первых, это примеры: (28): *Эки күндө толот 3200 норма!*; (31): *Чолпонбай, баса ай, уул!*; и (32): *Деле өркүнүң өссүн, баатыр!* –, в которых наблюдается мелодика

«чистого восклицания» с ее «ровно–восходяще–нисходящим тоном» [Орусбаев, Токтоналиев, 1991:212-213]. Во-вторых, примеры: (29): *Билбедим, кайдан алдым алптын күчүн?*; и (30) *Оо, баласынттырбайт турбайбы бу өзүн?! –*, в котором позитивная чувственно-эмоциональная семантика отягощается дополнительным фонетико-смысловым оттенком вопроса. Такие высказывания имеют распространение в звуковой структуре кыргызского языка в качестве «нечистого восклицания» [Тулеева, 2008:233], которое характеризуется мелодикой: «круто восходящий тон – ровный тон – круто падающий тон» [Орусбаев, Токтоналиев, 1991:196-197].

Таким образом, качественная составляющая интонационно-фонетических средств в высказываниях английского и кыргызского языков, выражающих речевые действия одобрения и похвалы и отнесенных нами к лингвистическому пространству дальней периферии поля, является, в сущности, в обоих языках сходной. Это суждение мы вывели из того факта, что в обоих языках: аналитическом английском и агглютинативном кыргызском – наблюдается приблизительно одинаковая мелодика и движение основного тона: «восхождение тона – (ровный тон) – нисхождение тона».

Думается, что несовпадения в количественных составляющих в языковой экспликации лингвистического пространства дальней периферии (187 высказываний с актуализированными интонационно-фонетическими средствами в английском языке против 101 такого высказывания в кыргызском) в сопоставляемых языках следует искать не в собственно фонетико-звуковой стороне языков, а в их глубинных семантических структурах. Видимо, такое количественное несовпадение лингвистического пространства дальней периферии в обоих языках обусловлено ментально-культурологической составляющей в глубинной семантике языка, когда англичане как носители аналитического языка и кыргызы как носители агглютинативного языка, эксплицируя «психологическое единство человечества» [термин Н.Б. Мечковской. – Мечковская, 2009:40], но все же предпочитают одну и ту же речевую ситуацию и один и тот же предмет речи оценивать положительно с

разной степенью эмоционально-чувственной экспрессии. Носители английского языка обычно в усредненном обиходном сознании представляются как чопорные, немногословные и холодные в чувствах люди, «холодные и отстраненные» [термин А.Пиз и Б.Пиз. – Пиз, Пиз, 2007:136]. И в то же самое время носители английского языка склонны давать положительную оценку предмету речи с высокой степенью эмоционально-чувственной языковой экспрессии. Об этом свидетельствуют результаты нашего интонационно-фонетического анализа высказываний, выражающих речевые действия одобрения (похвалы) в английском языке (187 единиц) по сравнению с таковыми в кыргызском (101 единица).

Анализируемый фактический языковой материал был извлечен путем сплошной выборки из английских и кыргызских источников. Высказываний с положительной семантикой и с актуализированными интонационно-фонетическими средствами в кыргызском языке оказалось значительно меньше, чем в английском (101 кыргызская единица против 187 английских). Видимо, это факт о меньшем употреблении в кыргызском языке высказываний с высокой степенью положительной оценки является именно тем фактом, который может «...ускользнуть от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка» [Гак, 1989:9].

Также на сопоставительном материале функционально-семантической экспликации высказываний, выражающих в английском и кыргызском языках речевые действия одобрения и похвалы, подтверждается высказанная нами частная гипотеза о том, что явление похвалы всецело принадлежит к основе поля – к его ядерной и центральной частям, а явление одобрения принадлежит к окраинной части поля – к его ближней и дальней периферии.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

3.1. Методология и методика сопоставительного анализа функционально-семантической экспликации одобрения и похвалы в английской и кыргызской разговорной речи, конечно же, должна основываться на принципах

сопоставительного языкознания и теории функциональной грамматики, но все же более абстрагированную и более широкую основу такой методологии составляет синтетико-прагматический подход к речевым действиям одобрения и похвалы, который как бы противостоит подходу аналитико-идеалистическому.

Мы выбираем для нашего сопоставительного исследования речевых действий одобрения и похвалы в английской и кыргызской разговорной речи означенную синтетико-прагматическую методологию, которая позволяет более адекватно анализировать как в теоретическом, так и в практическом отношении обозначенные языково-речевые явления. В этом случае языковые средства: цельнооформленные лексемы, цельные словосочетания, законченные высказывания и интонационно-фонетические средства – рассматриваются не изолированно как при аналитико-идеалистической методологии, а во взаимосвязи их сложных отношений, комбинированно и комплексно, что наиболее адекватно соответствует характеру функционирования языковых средств в речевой ситуации.

Для характера функционирования речевых действий в разговорной речи и для их отображения с позиций теории функциональной грамматики в объеме одного ФСП нами используется пять критериев, семантических признаков, которые позволяют отнести языковое средство и речевое действие к той или иной части поля: а) позитивность; б) предназначенность; в) однозначность; г) повторяемость и д) серийность.

В соответствии с применением означенных критериев и исходя из конкретной языково-речевой семантики языкового средства, выражающего одобрение и похвалу, выдвигается частная гипотеза о том, что речевое действие одобрения в обоих сопоставляемых языках эксплицируется через ближнюю и дальнюю периферию поля, а речевое действие похвалы – через центр и ядро поля. В этом случае ФСП речевых действий одобрения и похвалы предстает как четырехчастная системно-организованная структура, конституируемая двумя центральными частями (ядром и собственно центром) и двумя окраинными частями (ближней и дальней периферии).

Именно такая синтетико-прагматическая методология, реализуясь в функционально-речевом рассмотрении, непосредственно и прямо основывается на теории функциональной грамматики и на основе последней, – на дистрибутивно-полевом подходе к анализируемым языковым средствам, выражающим речевые действия одобрения и похвалы.

3.2. Функциональная семантическая экспликация одобрения и похвалы в наиболее адекватном виде возможна только в составе поля, ФСП. Лингвистическое пространство поля при этом представляет собой четырехчастную структуру, состоящую из ядра, центра, ближней периферии и дальней периферии.

Анализ показывает, что в английском языке к ядру поля принадлежат цельнооформленные слова (лексемы) в структуре высказываний с позитивно-оценочной семантикой. Данные лексемы характеризуются пятью семантическими признаками: а) позитивность; б) предназначенность; в) однозначность; г) повторяемость и д) серийность. Также анализ выявил, что в английском языке к центру поля принадлежат цельные словосочетания в структуре высказываний с позитивно-оценочной семантикой. Данные словосочетания характеризуются четырьмя семантическими признаками: а) позитивностью; б) предназначенностью; в) однозначностью и д) повторяемостью. Означенные языковые средства из ядра и центра поля конституируют речевые действия похвалы.

Анализ выявляет, что в английском языке к ближней периферии поля принадлежат лексико-грамматические структуры законченных высказываний с позитивной семантикой, которые характеризуются тремя семантическими признаками: а) позитивностью; б) предназначенностью и в) однозначностью.

К лингвистическому пространству дальней периферии в английском языке могут быть отнесены интонационно-фонетические средства, актуализированные в некоторой речевой ситуации и несущие в себе эмотивно-оценочную позитивную экспрессию. Интонационно-фонетические средства из дальней периферии поля характеризуется только двумя семантическими

признаками: а) позитивности и б) предназначенности. Данные языковые средства из ближней и дальней периферии поля конституируют речевые действия одобрения.

Таким образом, отличие речевого действия похвалы от речевого действия одобрения заключается в экспликации их на абстрагированную лингвистическую шкалу оценочности, в интенсивности и плотности структуры семантических признаков первого по сравнению с таковыми структуры семантических признаков второго речевого действия. Выявляется, что ФСП речевых действий одобрения и похвалы связывает все свои четыре части: 1) ядро; 2) центр; 3) ближняя периферия и 4) дальняя периферия – не только общей семантической категорией позитивности, но и семантическим признаком предназначенности, которой не имеет общекатегориальный характер.

3.3. Функционально-семантическая экспликация одобрения и похвалы в кыргызском языке, так же, как и в английском, проявляется через ФСП речевых действий одобрения и похвалы. Структура данного ФСП, образуемая четырехчастным лингвистическим пространством, детерминирована характером наличного кыргызскоязычного фактического материала и распадается на: 1) ядро; 2) центр; 3) ближняя периферия и 4) дальняя периферия. В свою очередь, все языковые средства, выражающие ФСП одобрения и похвалы в кыргызском языке, так же, как и в английском, подтверждают свою принадлежность к тому или другому пространству поля количественным и качественным составом семантических признаков. Так, высказывания с актуализированными положительно-оценочными лексемами обладают семантическими признаками: а) позитивности; б) предназначенности; 3) однозначности; 4) повторяемости и 5) серийности – и принадлежат к ядру поля. Высказывания с аналогичными актуализированными словосочетаниями обладают семантическими признаками: а) позитивности; б) предназначенности, в) однозначности и 4) повторяемости – и принадлежат уже к центру поля.

Кыргызские же высказывания с неактуализированными языковыми единицами и выражающие положительную оценку всем своим лексико-

грамматическим составом обладают семантическими признаками: а) позитивности; 2) предназначенности и 3) однозначности; принадлежат уже к ближней периферии поля. Кыргызские же высказывания, большей частью с короткой материально-звуковой структурой, но актуализирующие различными интонационно-фонетическими средствами эмотивное состояние человека, принадлежат к дальней периферии поля.

Таким образом, и в кыргызском языке, так же, как и в английском, функционально-семантическое различие явления одобрения от явления похвалы заключается в большей плотности и интенсивности семантических признаков вторых, которые относятся к ядру и центру поля, по сравнению с плотностью и интенсивностью семантических признаков первых, которые уже принадлежат к ближней и дальней периферии поля. На абстрагированной лингвистической шкале оценочности речевое действие похвалы более релевантнее, нежели чем речевое действие одобрения. Или иными словами: в кыргызской разговорной речи речевое действие похвалы всегда стоит выше речевого действия одобрения, но последнее может зачастую выражаться с большими человеческими эмоциями и с большей языковой экспрессией, нежели чем первое.

3.4. Функционально-семантическое сопоставление экспликаций одобрения и похвалы в английской и кыргызской разговорной речи основывается на общих принципах сопоставительного языкознания, которые мотивированы всеобщим критерием системности: должны сопоставляться строго системные явления, а ФСП речевых действий одобрения и похвалы есть системно организованное лингвистическое пространство. При этом сопоставление означенных ФСП из обоих языков преследует общие цели сопоставительного языкознания: во-первых, это выявление совпадающих фрагментов системы, во-вторых, это выявление несовпадающих фрагментов системы, и, в-третьих, это выявление тех фрагментов системы одного языка, которые «могут ускользать от внимания исследователя при одном лишь «внутреннем» изучении языка» [Гак, 1989:9].

Совпадения в экспликации в английском и кыргызском ФСП речевых действий одобрения и похвалы наблюдаются в центре и в ближней периферии поля, в которых реализуются положительные высказывания с актуализированными цельными словосочетаниями (центр) и положительные высказывания с неактуализированными языковыми средствами (ближняя периферия).

Несовпадения в экспликации в английском и кыргызском ФСП речевых действий одобрения и похвалы наблюдается в ядре и в дальней периферии поля, в которых реализуются положительные высказывания с актуализированными цельнооформленными лексемами (ядро) и положительные высказывания с актуализированными интонационно-фонетическими средствами (дальняя периферия). Фрагменты несовпадения позволяют установить на материале одного языка отличающиеся окказиональные явления. Так, в английской разговорной речи позитивная характеристика предмета речи употребляет больше эмоционально-смысловой оценки в высказываниях, нежели чем кыргызская разговорная речь в аналогичной ситуации.

Сопоставительное изучение функционально-семантической экспликации языковых средств в ФСП речевых действий в английском и кыргызском языках подтвердило выдвинутую нами в ходе лингвистико-сравнительного анализа частную рабочую гипотезу о принадлежности речевого действия похвалы к ядру и центру поля, а речевого действия одобрения ближней и дальней периферии поля.

ГЛАВА IV ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ РЕЧЕВОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ ФУНКЦИИ «НЕОДОБРЕНИЕ И НЕДОВОЛЬСТВО» В АНГЛИЙСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

4.1. Методология и методы сопоставительного анализа функционально-семантической экспликации неодобрения и недовольства в английской и кыргызской разговорной речи

В предыдущей главе нами было определено, что в науке и в научном поиске имеются две основополагающие методологии и, соответственно, вытекающие из них конкретные методы, приемы и способы исследовательского анализа теоретического и практического материала. Это, во-первых, аналитико-идеалистическая методология научного поиска, заключающаяся в расчленении (анализе) и соединении в идеале («по правилам») адекватного представления о свойствах объекта анализа. Во-вторых, это синтетико-прагматическая методология, предполагающая соединение (синтез) познаваемых исследователем конкретных, реальных и непосредственно, или опосредованно, наблюдаемых (прагматичность) свойств объекта анализа.

Но поскольку язык как объект научного изучения не существует изолированно и вне связи с человеком, а характеризуется строгой антропоцентричностью, т.е. функционирует только в связи с самим человеком, то поскольку его прагматическая основа имеет реальное существование в человеческом коллективе. Язык также представляет такую сложную семиотическую систему, которая синтезирует в себе и через себя все основные опыты познавательной (практической и научной) деятельности человека.

Мы уже отмечали в предыдущем разделе, что для нашего лингвистического исследования языковых средств, выражающих различные речевые действия (одобрение–похвалу; неодобрение–недовольство), которые отличаются наличием психолингвистических компонентов, более приемлема так называемая синтетико-прагматическая методология. Именно данная методология, как мы показали в предыдущей главе, дает возможность использовать адекватные средства научного познания, представляющие собой

«...специальные методы и приемы исследования, которые обеспечивают поиск истины на пути от конкретных явлений и фактов речи к сущности и законам языка» [Карлинский, 2009:15].

В нашей работы рассматриваются уже коррелятивные противопоставления речевых действий одобрения и похвалы – оппозитивные речевые действия неодобрения и недовольства. Последние находятся на абстрагированно-лингвистической шкале оценочности совсем в противоположной стороне прямой и коррелирует с первыми по принципу равноудаленности от нулевой точки прямой: одобрение–неодобрение, похвала–недовольство.

Языковые средства, выражающие речевые действия неодобрения и недовольства в английском и кыргызском языках, представляют собой, так же как и языковые средства, выражающие в означенных языках речевые действия одобрения и похвалы, системные явления – они принадлежат ФСП речевых действий неодобрения и недовольства. Поскольку речевые действия неодобрения и недовольства в обоих привлекаемых языках: английском и кыргызском – в своей онтологической сущности по признаку коррелятивности (оппозитивности) являются подобными аналогичным речевым действиям одобрения и похвалы, то они также репрезентируются через четырехчастную структуру ФСП, включающую в себя: 1) ядро; 2) центр; 3) ближнюю периферию и 4) дальнюю периферию.

Так же, как и при изучении ФСП речевых действий одобрения и похвалы, здесь при рассмотрении ФСП речевых действий неодобрения и недовольства возникает задача рассредоточения и распределения языковых средств с семантикой неодобрения-недовольства по четырем частям поля и выявление их качественных, также и количественных, признаков и свойств.

Для такого распределения языковых средств с негативной семантикой по четырем частям ФСП речевых действий неодобрения и недовольства являются приемлемыми те же самые критерии, по которым было произведено рассредоточение языковых средств с позитивной семантикой по лингвистическому пространству поля: а) негативность; б) предназначенность;

в) однозначность; г) повторяемость и д) серийность. Означенные критерии, одинаково релевантные и действенные для обоих изучаемых языков: английского и кыргызского, – позволяют в определенном их иерархически организованном составе отнести то или иное языковое средство с негативной семантикой к той или иной части поля: к ядру, центру, ближней периферии или к дальней периферии.

Критерий, или семантический признак негативности, является присущим всем специализированным лексемам (типа: плохо, отвратительный, пакость и др.) или же высказываниям, в которых осуществляется отрицательная оценка предмета речи: события, факта или объекта обозначения.

Семантический критерий предназначенности предполагает, что употребленная специализированная лексема (типа: гнусный, подло, предательство) или же высказывание могут быть использованы в данной речевой ситуации только со строго очерченным негативным значением.

Семантический признак однозначности также обусловлен структурой речевой ситуации и предполагает только однозначно негативное толкование языкового средства, другого толкования, позитивного или же нейтрального, содержание речевой ситуации, и, соответственно, речевого контекста, полностью исключает.

Семантический признак повторяемости ориентирован на экспликацию того или иного языкового средства с негативной семантикой в некоторой узуально-нормированной, но не частотной, речевой ситуации.

Семантический признак серийности продвигает предыдущий признак повторяемости в сферу узуально-нормированной частотной речевой ситуации, когда употребление того или иного языкового средства с семантикой негативной оценки является предопределенным лингвистическим фактом.

Различный качественный и количественный состав здесь, в ФСП речевых действий с негативной семантикой, как и ранее в ФСП речевых действий с позитивной семантикой, обуславливает каждую составляющую четырехчастной структуры поля: 1) ядро, 2) центр, 3) ближнюю периферию и 4) дальнюю периферию.

Ядро ФСП речевых действий неодобрения и недовольства в обоих языках, как и ранее в поле речевых действий с положительной семантикой, составляют цельнооформленные специализированные лексемы с негативными значениями, актуализированные в структуре законченного высказывания, оформленного в соответствии с правилами интонационно-фонетического оформления эмфатического негативного смысла. Например, в английском языке:

- (1) “In any case, I was fairly certain that the man would manage to make good his escape, and since nothing was taken, why *bother* with the police?” [Christie, 2009].
- (2) “And diamonds,” continued John eagerly. “The Schnlitzer-Murphys had diamonds as big as walnuts –.” “That’s *nothing*.” Percy had leaned forward and dropped his voice to a low whisper. “That’s *nothing* at all. My father has a diamond bigger than the Ritz-Carlton Hotel” [Fitzgerald, 2011].

Или в кыргызском языке:

- (3) – *Жок-жок*, энеке, ойдо жокту айтпаңызчы. Байкемдер уктай беришсин. Өзүбүз эле... – Чон энесинин колундагы чаканы алып жууна кетти [Медералиев, 1989].
- (4) *Кап*, келсе балким жолугат белек. Кыскасы сенден башка бирөөнү эми жолуктурбайм го [Акматов, 2007].

Специализированный характер лексем в английских высказываниях: (1): *bother*; (2): *nothing*, а также и в кыргызских: (3): *жок-жок*, и (4): *кап*, – указывает на негативность оценки со стороны говорящего, и, соответственно, этому на отрицательное их значение. Актуализация означенных специализированных английских и кыргызских лексем подтверждается эмфатической интонацией в обоих языках: в английском языке это мелодика с интерпозиционным ударением, а в кыргызском – с препозиционным ударением в синтаксической структуре высказывания.

Отнесенность означенных актуализированных лексем в законченных английских и кыргызских высказываниях к ядерной части поля подтверждается наличием всех пяти семантических признаков языковых средств принадлежности

к ядру ФСП речевых действий неодобрения и недовольства: а) негативности; б) предназначенности; в) однозначности; г) повторяемости и д) серийности.

Центр ФСП речевых действий неодобрения и недовольства в сравниваемых языках заполняется цельными словосочетаниями, актуализированными в составе законченного высказывания, построенного по правилам негативно-эмфатического интонирования мелодической структуры соответствующего языка: английского или кыргызского. Приведем примеры:

(5) “That troubling sense of *déjà vu* was very strong, that feeling that things *were wrong* here just as they had been wrong before” [Christie, 2009].

(6) The blanket *fell apart*; there was a high, rustling whisper from the Cretans [McCullough, 2011]

(7) Асанбек олтурган жеринде далдайды.

– *Түбүңө жеткен* мына бул, – деди начальник алаканын жаза... [Жоошбаев, 2002]

(8) – Картайганда бала-чакага шумшук көрүнмөй болдум го! Мындан көрө кетмен чаптырып салганы жакшы эмеспи [Айтматов, 1985].

Все вышеприведенные цельные словосочетания проявляют семантику негативной оценки в составе высказываний: (5): *were wrong*; (6): *fell apart*; (7): *түбүңө жеткен*; (8): *шумшук көрүнмөй болдум го!* – и оформлены по правилам эмфатического интонирования в своих языках. В английском языке – это мелодика с нисходящей интонацией с эмфатическим выделением словосочетания посредством акцентного его ударения [Трахтеров, 1976:222; Гатиатуллина, 1979:35]. В кыргызском же языке – это мелодика с ровным тоном, но с нисхождением тона к концу высказывания, акцентное же ударение при этом ставится на актуализированное словосочетание, независимо от его местоположения в структуре высказывания: в примере (7): *түбүңө жеткен* – стоит в препозиции, а в примере (8): *шумшук көрүнмөй болдум го!* – стоит в постпозиции в структуре высказывания [Сыдыков, 1990:156; Жолдошбек, 1996:73].

Все вышеприведенные высказывания с актуализированными словосочетаниями с семантикой негативной оценки в обоих языках: (5)–(8) – обладают четырьмя семантическими признаками, которые позволяют

идентифицировать их как принадлежность центра поля: а) негативность; б) предназначенность; в) однозначность и г) повторяемость. Здесь отсутствует семантический признак серийности, который показывал бы многократную частотность употребления высказывания в аналогичных речевых ситуациях. Отсутствие семантического критерия у вышеозначенных словосочетаний объясняется, к примеру, в английском языке малой степенью их парадигматизации в лингвистическом пространстве поля [Гухман, 1972:44; Кубрякова, 1972:173].

Ближняя периферия ФСП речевых действий неодобрения и недовольства в сравниваемых языках заполняется лексико-грамматическими структурами законченных высказываний без какой-либо актуализации языковых единиц, но с обязательным негативным смыслом. При этом их интонационно-фонетические структуры оформляются по правилам повествовательных предложений, но с акцентным выделением ударного негативного слова [Кыргыз адабий тилинин грамматикасы, 1980:79; Leontyeva, 1980:193-194]. Например:

(9) “I shall *go mad*; and in my madness destroy not only the man I hate, but the woman I love!” [Reid, 2020].

(10) “*But my dear fellow,*” said Poppleton, “*you’ve got them set in wrongly*. They ought to slope from the sun you know, never to it” [Leacock, 2013].

(11) «*Кабар алган киши жок,*

Кайгылуу чалдын алдынан» [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан, 1997].

(12) – *Мен бу кишиден сурабайм. Мен сени билем. Күчөнө сөгүнгөнүн* – слишком көп алып, дагы акча өндүрүү үчүн болгон аракетин! [Медетов, 1991].

Даже несмотря на акцентное выделение семантики негативности в языковых средствах (а логическое, смысловое ударение подвижно и зависит от точки зрения говорящего) оба англоязычных примера (9) – (10), равно и кыргызскоязычных (11)– (12), показывают при артикулировании мелодики с интонацией: ровный тон – подъем тона – ровный тон – нисхождение тона –, одинаковую в английском и кыргызском [Leontyeva, 1980:193-194; Сыдыков, 1990:141].

К семантическим признакам, определяющих принадлежность вышеприведенных английских и кыргызских высказываний с общей семантикой негативности к лингвистическому пространству ближней периферии поля, относятся: а) негативность; б) предназначенность и в) однозначность.

Дальняя периферия ФСП речевых действий неодобрения и недовольства в обоих языках заполняется высказываниями – обозначениями речевых ситуаций, в которых актуализируется какое-либо интонационно-фонетическое средство с различением смысла негативной оценки. Например:

(13) Then Keawe, because he felt the truth of what she said, grew angrier. “*Heighty-teighty!*” cried he. “You may be filled with melancholy if you please. It is not the mind of a good wife. If you thought at all of me, you would sit shamed” [Stevenson, 2013].

(14) “*Stand off, priest of Baal!*” said he, with a grim frown, and laying no reverent hand upon the surplice. “I know thee, Blackstone! Thou are man who couldst not abide the rule even of thine own corrupted church, and hast come hither to preach iniquity, and to give example of it in thy life [Hawthorne, 1984].

(15) Тилмер күлүп жиберди: _

- *He деп турат мына бу?! «Элчи» дейт ко бу балакайын, - деп котормолоду* [Касым-Бек, 2000].

(16) – Кылымдан адилеттик издегендер, кордук көргөндөр мага ишенет, менин окуумдун үрөнү азапка эзилип, көз жашка сугарылган жерге түшкөндө дүркүрөп өнүп чыгат, - деди Иисус.

- *Жетишет!* – деди үмүт үзгөндөй кол силкип койду прокуратор. – Убакытты бекер коротуп эмне [Айтматов, 1988].

В английских примерах: (13): *Heighty-teighty!* и (14): *Stand off, priest of Baal!* – употреблены языковые средства, в которых актуализирована мелодика «чистого восклицания», когда движение тона строится по интонационной схеме: восхождение – резкое нисхождение тона, ударение ставится сразу после восхождения, на самой высокой частоте тона [Трахтеров, 1976:222-223; Leontyeva, 1980:195-196].

В кыргызских примерах: (15): *He деп турат мына бу?! и (16): Жетишет!* – также актуализирована мелодика чистого восклицания, когда аналогичным же образом движение тона строится по такой же интонационной схеме, но с несколько запоздалым подъемом и с более резким падением; ударение ставится сразу же после завершения восхождения тона [Сыдыков, 1990:156; Орусбаев, Токтоналиев, 1991:208–209].

Таким образом, выявляется, что для негативной оценки предмета речи посредством актуализированных в структуре речевой ситуации интонационно-фонетических средств в анализируемых языках применяется сходная интонационная схема (модель): восхождение частоты основного тона + (ударение) + нисхождение частоты основного тона. Но пока наши такие умозрительные умозаключения носят предварительный характер, мы должны в дальнейшем нашем анализе языковых средств, актуализирующих интонацией и мелодикой негативную оценочность, найти их подтверждения, с использованием более обширного пласта фактического языкового материала.

Актуализированные интонационно-фонетические средства, отображающие реальную структуру речевой ситуации и высказывания, проявляют два семантических признака: а) негативность и б) предназначенность. Признак негативности здесь, в лингвистическом пространстве дальней периферии, как показывают наши предварительные наблюдения, менее, чем в других пространствах поля – в ядерной и центральной части, в ближней периферии – эксплицирует свою основную семантическую сущность – общую семантико-смысловую категорию негативности, присущую всему ФСР речевых действий неодобрения и недовольства. Но все же этот семантический признак негативности имеет место быть в актуализированных интонационно-фонетических средствах в английской и в кыргызской разговорной речи.

Мы выдвигаем в данной главе частную гипотезу рабочего порядка о том, что речевое действие недовольства эксплицируется через ядро и центр поля, в то время как речевое действие неодобрения – через ближнюю и дальнюю

периферию поля в обоих языках. Данная рабочая гипотеза предопределяет задачу точного выявления того, какие именно языковые средства выражают речевые действия неодобрения и недовольства и в каких лингвистических пространствах – составных частях поля они реализуются.

Вышеприведенная частная рабочая гипотеза также предопределяет рабочее, предварительное схематическое представление ФСП речевых действий неодобрения и недовольства, релевантное для сравниваемых языков:

Здесь так же, как и ранее в предыдущей главе нашей работы, возникает еще одна задача частного плана: проследить, как данная общая схема, пока еще рабочего порядка, реализуется в английском и кыргызском языках, эксплицируя речевые действия неодобрения и недовольства.

4.2. Функционально-семантическая экспликация неодобрения и недовольства в английской разговорной речи

Языковые средства в английских (и кыргызских) высказываниях с негативно ориентированной семантикой, аналогичным образом, как и таковые с позитивно ориентированной семантикой, являются системно организованными языковыми единицами, реализующимися через ФСП речевых действий неодобрения и недовольства. При этом данное ФСП, так же, как и ранее поле с позитивно ориентированными речевыми действиями одобрения и похвалы, конституируется своими четырьмя частями: 1) ядром, 2) центром, 3) ближней периферией и 4) дальней периферией.

Ядро ФСП является исходным лингвистическим пространством, вокруг которого разворачивается остальная структура поля: центр, ближняя периферия

и дальняя периферия. Центр ФСП располагается непосредственно вокруг ядра, ядерной части поля. Они оба – ядро и центр поля – включают в свое лингвистическое пространство такие языковые выражения негативных речевых действий неодобрения и недовольства, которые соответствуют определенным функционально-семантическим и грамматико-парадигматическим критериям.

О функционально-семантических критериях, признаках, которые обеспечивают принадлежность языкового выражения с оценочной семантикой (позитивной или негативной) к той или иной части поля, нами было высказано достаточной информации – это семантические признаки: а) оценочности (позитивности или негативности); б) предназначенности; в) однозначности; г) повторяемости и д) серийности, – которые в определенном качественном и количественном составе проявляют в той или иной части лингвистического пространства поля ту или иную функционально-обусловленную работу.

Функционально-семантическая природа ядра и центра ФСП негативных речевых действий неодобрения и недовольства в анализируемых языках обеспечивается фактом их близкого, тесного расположения в структуре лингвистического пространства поля. Ядро и центр поля проявляют тесную связь друг с другом, поскольку именно языковые выражения в их лингвистических пространствах наиболее специализированы для экспликации общей семантической категории негативности [ЛЭС, 1990:567].

Грамматико-парадигматическая сторона означенных языковых выражений с негативной семантикой обуславливает их собственно-грамматическое функционирование в речи. Языковые единицы, выражающие речевые действия неодобрения и недовольства, могут быть отнесены к лингвистическому пространству ядра и центра поля только тогда, когда у них, в их планах содержания и выражения, наблюдается высокая степень совместной концентрации значения семантики и грамматической парадигматизации.

«Совокупность конститuentов поля держится единым обобщенным грамматическим значением, соотнесенным с определенной существующей в данном языке грамматической категорией, что и служит для выделения этого

иерархического целого, называемого «грамматическим полем». С этим связаны и обязательный порог обобщенности, и «известная привязанность» языковых единиц к центральным структурам» [Гухман, 1972:44 – подчеркнуто нами Э.Ж. – Булыгина, 1968:179–180; Haddleston, 2000:68–69].

Ближняя и дальняя периферия в ФСП речевых действий с негативной оценкой предмета речи в английском языке, и в кыргызском, заполняется такими языково-речевыми выражениями, которая показывает низкую степень концентрации негативной семантики и грамматических форм ее выражения [Лазариди, 2000:30-31].

Рассмотрим каждую составную часть ФСП речевых действий неодобрения и недовольства в английском языке с целью его дальнейшей научной синтеза.

1. Ядро ФСП речевых действий неодобрения и недовольства в английском языке конституируется законченными высказываниями с негативной семантикой, оформленными по правилам интонационно-фонетического артикулирования негативного эмфатического смысла, в которых актуализировались бы цельнооформленные лексемы (слова) со специализированной отрицательной оценочностью. Таких негативно-оценочных высказываний с актуализированной лексемой мы в нашем фактическом языковом материале насчитали 102 единицы. Приведем примеры:

(1) “I was born *bad*, and I have lived *bad*, and I shall die *bad* in all probability” [Eliot, 2018].

(2) “A *ghastly* error,” said Braddock Washington angrily. “But of course, there’s a good chance that we may have got him. Perhaps he fell somewhere in the woods or stumbled over a cliff. And then there’s always the probability that if he did get away his story wouldn’t be believed. Nevertheless, I’ve had two dozen men looking for him in different towns around here” [Fitzgerald, 2011].

(3) “Your turf is all *wrong*, old boy,” said Poppleton. “Look! It has nobody to it. See, I can kick holes in it with my heel. Look at that, and that! If I had on stronger boots, I could kick this lawn all to pieces” [Leacock, 2013].

(4) “The first wife’s child. The first wife *died* out in India” [Christie, 2003].

Принадлежность английских высказываний к ядерной части ФСП речевых действий неодобрения и недовольства обуславливается наличием в содержательных структурах всех пяти признаков: а) негативности; б) предназначенности; в) однозначности; г) повторяемости и д) серийности.

Семантический признак негативности, который одновременно является общей семантической категорией, обуславливающей принадлежность языковой единицы к структуре всего поля неодобрения и недовольства, наиболее чеканно представлен в значениях специализированных слов в примерах: (1): *bad*, (2): *ghastly*, (3): *wrong*, (4): *died*. Данные цельнооформленные слова (лексемы) выражают только одно негативно-ориентированное значение. Антонимическое значение позитивности в вышеприведенных высказываниях 1)–4), в лексемах с положительной семантикой, здесь употреблено быть никак не может; этого не допускает структура речевой ситуации, манифестирующая только негативную оценку предмета речи.

Семантический признак предназначенности как бы «обслуживает» общую семантическую категорию негативности ФСП и показывает, что актуализация специализированных слов: *bad*, *ghastly*, *wrong* и *died* – ориентирована только в одном направлении негативной оценки предмета речи.

Семантический признак однозначности также обслуживает общую семантическую категорию негативности, релевантную для всей полевой структуры, и способствует тому, что в данной речевой ситуации, представленной в англоязычных высказываниях (1)–(4), семантическая структура специализированной лексемы манифестирует только одно негативно-ориентированное значение.

Семантический признак повторяемости, имея потенциальный характер, показывает, что и в других речевых ситуациях, аналогичных речевым ситуациям, выраженных в англоязычных примерах (1)–(4), означенные цельнооформленные лексемы могут быть употреблены (а могут и не быть употреблены) в соответствующих речевых контекстах.

Семантический признак серийности уже имеет облигаторность. Он показывает, что данные лексемы, специализированные в негативно-оценочном значении – примеры (1): *bad*, (2): *ghastly*, (3): *wrong*, (4): *died* – не только могут, но и должны быть употреблены в аналогичных речевых ситуациях. Такая облигаторность употребления способствует многократности, частотности, т.е. серийности речевого распространения таких негативных специализированных лексем в соответствующих контекстах.

II. Центр ФСП речевых действий неодобрения и недовольства в английской разговорной речи образуется законченными высказываниями с негативным смыслом, оформленных в соответствии с интонационно-фонетическими правилами; в лексико-грамматических структурах таких законченных высказываний должно быть актуализировано цельное словосочетание, в котором его негативно-оценочная семантика является превалирующим фактором. В англоязычной части фактического материала мы насчитали 134 единицы таких законченных высказываний с актуализированными словосочетаниями с негативной семантикой. Например:

(5) “On top of it is an ashtray embossed with a *pissed-off-looking* eagle and the words ‘IF I DIE IN A COMBAT ZONE’” [King, 1994].

(6) “All those years of cutting through my father’s *bullshit*, she thought” [Браун, 2006]!

(7) “My husband, *I am ill*,” she said. “I am out of heart. Excuse me, I can take no pleasure” [Stevenson, 2013].

(8) “It is *vaire cold*,” she suddenly added with feminine irrelevance, rising to her feet and straightening out the team [London, 2013].

Если английские словосочетания *to be ill* (быть нездоровым) в примере (7) и *vaire cold* (довольно-таки холодно) в примере (8) представляют собой цельные словосочетания нефразеологизированного типа, то словосочетания в примерах: (5) *pissed-off-looking* и (6) *(he) got a degree in bullshit* – являются цельными словосочетаниями фразеологизированного типа [Кунин, 1986:51-53].

В приведенных выше высказываниях с цельными словосочетаниями (5)–(8) данные словосочетания подтверждают свою принадлежность к центру поля речевых действий неодобрения и недовольства в английском языке наличием в их содержании четырех семантических признаков: а) негативности; б) предназначенности; в) однозначности и г) повторяемости.

Если первый семантический признак негативности является одновременно и общей семантической категорией всего ФСП означенных речевых действий, то три последующих семантических признака имеют функционально обусловленную задачу обслуживать: конкретизировать и ограничивать – первую, т.е. общую семантическую категорию негативности.

Семантический признак предназначенности указывает на речевые границы признака негативности, признак однозначности указывает на языковые границы признака негативности, а признак повторяемости указывает на потенциальные свойства признака негативности.

Последнее свойство – повторяемость – цельных словосочетаний в составе английских высказываний имеет незначительные, но релевантные различия от семантического признака серийности речевых выражений из ядерной части поля. Повторяемость предполагает не обязательную, факультативную частотность употребления, в то время как серийность предполагает обязательную частотность употребления [Адмони, 1968:242; Adams, 1973:119].

III. Ближняя периферия ФСП речевых действий неодобрения и недовольства насчитывает в англоязычной части фактического материала 440 единиц законченных высказываний с негативной смыслом, без факта актуализации каких-либо языковых средств со специализированным отрицательно-ориентированным значением, оформленных по правилам интонационно-фонетической артикуляции эмфатических негативных фраз. Примеры:

(9) “It’s Tommy –” And then, still informing himself, “It’s Tommy come home.” His mouth opened again, and a look of fear came into his eyes. “Tommy,” he said softly, “*you ain’t busted out?*” [Steinbeck, 2000].

(10) “Oh, I see. So, all this was because you thought you’d get to stay home from school and go fishing? Tom, Tom, *I love you so, and you seem to try every way you can to break my old heart*” [Twain, 2012].

(11) “*Is this yer a damned picnic?*” said Uncle Billy with inward scorn as he surveyed the sylvan group, the glancing firelight, and the tethered animals in the foreground [Harte, 2013].

(12) “*Tommy, you’re a good little man, but you can’t gamble worth a cent. Don’t try it over again*” [Harte, 2013].

(13) “Maybe you think we were all a *sheet in the wind’s eye*” [Stevenson, 2013].

(14) “*You do well to weep in this house, Kokua,*” he said. “And yet I would give the head off my body that you (at least) might have been happy” [Stevenson, 2013].

(15) “*It’s agin justice,*” said Jim Wheeler. “*to let this yer, a young man from Roaring Camp – an entire stranger – carry away our money*” [Harte, 2013].

Во всех вышеприведенных примерах (9)–(15), иллюстрирующих лексико-грамматическую структуру английского высказывания без никакой актуализации, т.е. без никакого смыслового превалирования каких-либо языковых единиц, семантика негативной оценки предмета речи передается всем содержательным составом всего предложения-высказывания. Во всех английских примерах (9), (10), (12), (13), (14), (15) наблюдается такое семантическое превалирование негативной оценки, что становится возможным вследствие применения интонационно-фонетической конструкции с мелодикой: ровный тон – подъем тона – ровный тон – нисхождение тона [Соколова, Гинтовт, Тихонова и др., 1991:202–203; Leontyeva, 1980:194–195].

Высказывание (11): *Is this yer a damned picnic?* также выражает всем своим содержательным составом негативную семантику неодобрения (недовольства), хотя и артикулировано в интонационной конструкции вопросительного предложения без вопросительного слова. Здесь все дело в том, что такая интонационная конструкция, артикулированная с постоянно возрастающей мелодикой, может передавать негативную экспрессию и,

соответственно, мелодику негативной оценки [Трахтеров, 1976:208; Соколова, Гинтовт, Тихонова и др., 1991:132].

Три семантических критерия: а) негативность; б) предназначенность; в) однозначность – присущи высказываниям, выражающим в английском языке речевые действия неодобрения и недовольства. Во-первых, все англоязычные примеры (9)–(15) содержат в себе общую семантическую категорию позитивности; во-вторых, все означенные высказывания ориентированы на экспликацию негативной оценки, т.е. проявляют признак предназначенности, и, в-третьих, все означенные высказывания выражают семантику негативности однозначно, без никакой связи с положительными представлениями о предмете речи.

IV. Дальняя периферия ФСП речевых действий неодобрения и недовольства представлена в нашем англоязычном материале 211 единицами высказывания с негативной семантикой, в которых велика роль интонационно-фонетических компонентов. Данные высказывания могут быть в смысловом отношении незавершенными, но соответствующая речевая ситуация и языковая дистрибуция в достаточной степени поясняют их эмфатический эмоционально-экспрессивный смысл [Кадырбекова, 2012:159]. Приведем примеры:

(16) *“Say not so!”* I returned. “I have seen you in the society of many beautiful young women;” as in truth I had, and always (I now remember) in the act of making the most of his legs [Dickens, 2013].

(17) “This is your truth” cried he, *“and this your affection!* Your husband is saved from eternal ruin, which he encountered for the love of you – and you take no pleasure! Kokua, you have a disloyal heart” [Stevenson, 2013].

(18) *“Oh, they’re nothing!”* Percy’s mouth was a half-moon of scorn. “Catchpenny capitalists, financial small-fry, petty merchants and money-lenders. My father could buy them out and not know he’d done it” [Fitzgerald, 2011].

(19) “Oh, blow it out your ear, *you cornball*” [Salinger, 1991]!

(20) *“Tis all in vain!* These flowers, these streams, these solitary shades, are nothing to me. I shall not offend the spirit of truth when I say they are odious in my eyes” [Freneau, 1984].

(21) “-God damn it, *kick some ass!* -I'm on it, Lieutenant” [Groom, 1986]!

Самые разнообразные интонационно-фонетические средства могут быть актуализированы, в таких высказываниях, в которых звуковая сторона негативной эмоционально-экспрессивной оценки выдвигается на передний план. Это могут быть: экспрессивная интонация, словесное, логическое или фразовое ударение, резко повышающаяся или резко понижающаяся частота основного тона, даже темп речи и паузирование и др.

Так, во всех вышеприведенных английских примерах содержатся два интонационно-фонетических средства, совместно с речевым контекстом выражающие негативную оценку предмета речи: во-первых, это мелодика с эмоционально-экспрессивной интонацией «чистого восклицания» с резко возрастающей частотой основного тона [Трахтеров, 1976:245]; во-вторых, это эмфатическое ударение, предшествующее возрастанию тона [Leontyeva, 1980:175]: (16): *Say not so!*; (17): *and this your affection*; (18): *Oh, they're nothing*; (19): *you cornball*; (20): *Tis all in vain*; (21): *kick some ass!*

Семантических признаков, которые бы удовлетворяли принадлежность аналогичных английских интонационно-фонетических средств, актуализированных в речевой ситуации с отрицательным содержанием, имеется всего два: общий семантический признак негативности, а также семантический признак предназначенности данных звуковых средств и выражения означенного общего семантического признака.

Лингвистическое исследование явления речевых действий с негативной оценкой на материале одного аналитического английского языка показало, что выдвинутая нами в рабочем порядке частная гипотеза: о соответствии определенных языковых средств определенным лингвистическим пространствам поля – нашла свое подтверждение. Так, выявляется, что высказывания с актуализированными лексемами со специализированным отрицательным значением, высказывания с актуализированными цельными словосочетаниями, с отрицательным значением, всецело принадлежат основной части поля: ядру и центру, в то время как лексико-грамматические структуры законченных высказываний с общей семантикой

отрицательной оценки и без актуализации каких-либо языковых средств, а также актуализированные в составе законченного высказывания интонационно-фонетического средства, принадлежат окраине поля: пространствам ближней и дальней периферии.

Подтверждение нашей частной гипотезы – о соотнесенности речевых действий недовольства (высказывания с актуализированными цельнооформленными лексемами и с цельными словосочетаниями) ядру и центру поля, а также о соотнесенности речевых действий неодобрения (законченного высказывания без актуализации языковых средств с негативной семантикой), а также актуализированных в составе высказывания интонационно-фонетических средств ближней и дальней периферии поля – снимает оговорку о гипотетическом характере схемы ФСП означенных речевых действий с негативной оценкой.

Представим означенную схему ФСП речевых действий неодобрения и недовольства уже как схему, находящую реальное подтверждение в лингвистической

действительности в англоязычной речевой ситуации:

Наши количественные подсчеты англоязычных высказываний, выражающих речевые действия неодобрения и недовольства, выявили такую картину:

1. Высказывания с цельнооформленными лексемами – 102 единицы.
2. Высказывания с цельными словосочетаниями – 134 единиц.
3. Высказывания без актуализации языковых средств с общей отрицательной семантикой – 440 единиц.
4. Высказывания с интонационно-фонетическими средствами – 211 единиц.

Всего: 887 единиц

4.3. Функционально-семантическая экспликация неодобрения и недовольства в кыргызской разговорной речи

Языковые средства, выражающие в кыргызской разговорной речи речевые действия неодобрения и недовольства, организованы системно по функциональному принципу имплицировать семантику негативной оценки. Системная организация таких высказываний с отрицательным смыслом заключается в границах лингвистического пространства ФСП кыргызских речевых действий неодобрения и недовольства состоит из четырех частей, иерархически соотнесенных друг с другом: 1) ядра, 2) центра, 3) ближней периферии и 4) дальней периферии поля. Принадлежность кыргызского высказывания к той или иной части поля, так же, как и английского, определяется качественным и количественным составом семантических категорий (признаков), которых насчитывается в своей максимальной представленности пять: а) негативность; б) предназначенность; в) однозначность; г) повторяемость и д) серийность.

Рассмотрим все названные лингвистические пространства кыргызского ФСП речевых действий неодобрения и недовольства по-отдельности.

I. Ядро ФСП речевых действий неодобрения и недовольства включает в свои лингвистические принципы в кыргызской разговорной речи такие законченные высказывания, которые, будучи в интонационно-фонетическом аспекте, выражены по всем соответствующим правилам организации эмфатического негативного смысла, содержат в себе актуализированные лексемы со специализированными отрицательными значениями. Таких отрицательно ориентированных высказываний в нашем кыргызскоязычном фактическом материале нами было насчитано 158 единиц. Приведем примеры: (1) – Сиз менен бетме-бет, кененирээк сүйлөшүүгө мүмкүн болор бекен? – деди ал Мани Ясого түздөн-түз.

- *Тилекке каршы*, - деп ошондо Лама Бугмен чебелектеп капталдан чыга түштү. – *Тилекке каршы* бизде азыр андай мүмкүнчүлүк болбой турат. Биздин өтө зарыл башка ишибиз бар эле [Акматов, 2007].

(2) – Жок, атаке, болбойт! *Акым жок!* [Кыргыз адаб-нын антологиясы, 2012].

(3) Мына ошондо Гурам Джохадзе мындай деди:

– Досторум, биз *жеңилдик*, биз *утулуп калдык*. Эки тарап согушса бири жеңет, бири жеңилет. Ошон үчүн согушат, биз неченин канын төктүк, биздин кан да кем төгүлгөн жок [Айтматов, 1988].

(4) – Кана, *жетиишет эми*, калжыраштыкпы, бүттү, жолго чыгабыз, - деди Петруха жоошуй түшүп [Айтматов, 1988].

Во всех вышеприведенных высказываниях актуализированные, т.е. выделенные в ситуативно-смысловом отношении, цельнооформленные лексемы обладают специализированной семантикой, которая изначально указывает на ту или иную степень отрицательной оценки предмета речи: (1): *тилекке каршы* –; (2): *Акым жок!* –; (3): *жеңилдик – утулуп калдык* –; и (4): *жетиишет эми*.

Таким образом, всем вышеназванным лексемам свойственно в их содержательном плане общая семантическая категория негативности, которая также является одновременно и частным семантическим признаком, позволяющим отнести речевые действия к ядерной части поля.

Семантический признак предназначенности иерархически подчинен общей семантической категории негативности. Данный семантический признак предполагает, что цельнооформленная лексема с негативной семантикой, равно все высказывание, в котором употребляется данная лексема, ориентирована только на выражение семантики с отрицательной оценкой предмета речи, как например, это можно наблюдать в кыргызскоязычных примерах (1)–(4).

Семантический признак однозначности, также «обслуживающий» общую семантическую категорию негативности, обуславливает только однозначное негативное содержание как цельнооформленной лексемы: (1): *тилекке каршы* –; (2): *Акым жок!* –; (3): *жеңилдик-утулуп* –; и (4): *жетиишет эми*, – так и всего высказывания, в лексико-грамматических структурах, в которой данная лексема употреблена.

Семантические признаки повторяемости и серийности являются соотнесенными и различаются только по критерию необязательной частотности (повторяемость) и обязательной частотности употребления (серийность). Вышеназванные кыргызскоязычные специализированные лексемы в примерах (1)–(4) обладают данными семантическими признаками повторяемостью и серийностью, поскольку их характеристика необязательной частотности употребления плавно перетекает в обязательную частотность употребления – в кыргызской разговорной речи приведенные выше цельнооформленные специализированные на негативной стороне явления (вещи, предметы речи) лексемы: (1): *тилекке каршы* –; (2): *куш эмес* –; / в переносном значении: не молодец; не годится для дела /; (3): *жеңилдик-утулуп калдык* –; и (4): *жетишет эми* – употребляются постоянно и сплошь и рядом.

Таким образом, принадлежность кыргызскоязычных высказываний с негативной семантикой к ядерной части поля констатируется по наличию в их планах содержания пяти семантических признаков: а) негативности; б) предназначенности; в) однозначности; г) повторяемости и д) серийности.

II. Центр ФСП речевых действий неодобрения и недовольства заполняется в кыргызском языке такими высказываниями, которые будучи организованными в интонационно-фонетическом отношении по правилам эмфатического выражения негативных смыслов, актуализируют в своем лексико-грамматическом содержании цельные словосочетания с негативно-оценочной семантикой. Таких высказываний в кыргызскоязычном материале нами было насчитано 131 единица. Все данные высказывания проявляют в своем понятийном содержании четыре семантических признака: а) негативность; б) предназначенность; в) однозначность и г) повторяемость. Приведем примеры:

(5) – Бирикме жөнүндө Анжиан тарапта *бир жаман нерсе болуптур* деп уктум. Айтыштан жүрөгүң түшөт экен [Жоошбаев, 2002].

(6) – Ээ, мен саа күйөө жолдош боломун деп *балаага калган турбаймынбы!* ... [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012]

(7) – Азирет эшен бабабыз,

Кол куушуруп турабыз [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан, 1997]

(8) – Таене, *окубайм*, – деди атайын мелтейип. –

–Окубайсыңбы?! Анда сендей какмардын барынан жогу! Тур! Бас! [Акматов, 2007]

В кыргызских примерах актуализируются, т.е. выделяются в смысловом отношении посредством определенной степени логического ударения, словосочетания: (5): *бир жаман нерсе болуптур*; (6): *балаага калган турбаймынбы*; (7): *кол куушуруп турабыз*; (8): *окубайм* – которые выражают семантику негативной оценки.

В грамматическом отношении кыргызские словосочетания в примерах: (5), (6) и (7) – являются аналитическими образованиями, состоят, по меньшей мере, из двух слов и соответствуют общепринятому толкованию: сочетание слов; сочетание из слов. Однако, в кыргызском примере (8): *окубайм* – употреблена в функции словосочетания только одна единая грамматическая словоформа. Данная единая словоформа и семантически, и грамматически эксплицирует сущность словосочетания.

Все дело в том, что в грамматической структуре кыргызского языка у существительных имеется грамматическая категория сказуемости, которая «... заключается в способности выразить морфологическими средствами субъект и предикат в одной форме. Имена существительные, выступая в роли сказуемого, обладают свойством выражать сказуемость с помощью специальных морфологических показателей, которые и указывают на лицо и число подлежащего и одновременно соотносят содержание предложения с настоящим временем и изъявительным наклонением. Словоформа «*жумушчумун*» (я рабочий), а подлежащее выражено аффиксом –*мын* (1 лицо единственного числа)» [Грамматика киргизского литературного языка, 1987:154]. Грамматическая словоформа «*окубайм*» (я не буду учиться), таким образом, является по своей лингвистической сущности реальным словосочетанием, хотя и выражено одной грамматической словоформой.

Все цельные словосочетания в кыргызскоязычных примерах (5)–(8) свою принадлежность к центру ФСП речевых действий неодобрения и недовольства подтверждают наличием в их содержательных структурах четырех семантических признаков: а) негативность; б) предназначенность; в) однозначность; г) повторяемость. У высказываний с актуализированными негативными словосочетаниями отсутствуют семантический признак серийности. Видимо, это обусловлено, в основном, их сложносоставной грамматической структурой, когда сложность грамматической парадигматизации представляет затруднение для их частотного лексического функционирования [Ярцева, 1968:31].

III. Ближняя периферия ФСП речевых действий неодобрения и недовольства в нашем материале представляет самую многочисленную группу среди высказываний с негативной семантикой и насчитывает 382 единицы. Сюда относятся лексико-грамматические структуры законченных высказываний с негативной семантикой, в которых, однако не наблюдается никакой актуализации каких-либо специализированных языковых средств. Их интонационно-фонетическое оформление подчинено правилам эмфатического интонирования простых распространённых повествовательных предложений. Например:

(9) – *А, индюкка окшоп, майтандап чуркай албайт экен,* - деди кроссовка кийген спортсмен жигит баланы атайын ызалантып [Акматов, 2007].

(10) – *Маңкурт экенсиң! Маңкурттун маңкурту сен экенсиң! – деп, каргап да, аяп да сүйлөндү жаны кашайган Эдигей* [Кыргыз адаб.-нын антологиясы, 2012].

(11) – *Чын,* - деди Шабдан ачык, – *ар жерде өз шорпобузга бороку болуп, шылынын жүрүп жат эле эмес кас болушуп калган экенбиз* [Касым-Бек, 2000]

(12) – *Эми ушунча жер-жаан жылкыны кантип суутабыз, ыя?* Бул бойдон же жайытка кое берүүгө болбосо. Оттоп кетсе баары бузулат [Медетов, 1991]! ...

(13) «*Э, булар сөз аңдышат экен го,* - деген ой келди Шабданга, – көмүскө бара албайбыз го буларсыз ...» [Касым-Бек, 2000].

(14) «*Бу кийикке барбаган,*

Айттырбагын арманым» [Кожожаш, 1996].

(15) *«Мерген, турган жериң аскабы,*

Турсам ыйлап көрбөдүң» [Кожожаш, 1996].

Все вышеприведенные кыргызские примеры содержат высказывания, которые выражают речевые действия неодобрения и недовольства и в лексико-грамматическом отношении представляют собой структуры простых распространённых повествовательных предложений. В вышеприведенных высказываниях: (9), (10), (11), (13), (14) и (15) – структуры данных законченных высказываний интонируется с мелодикой движения тона: ровный тон – подъём тона – ровный тон – нисхождение тона, – свойственной такому типу кыргызских предложений [Сыдыков, 1990:141-142].

Актуализация негативного смысла осуществляется более резким падением частоты основного тона в конце высказывания перед нисхождением тона [Сыдыков, 1990:143-144].

В некоторой мере обособленной является интонация в кыргызском предложении (12): *Эми ушунча жер-жан жылкына кантип суутабыз, ыя?* Здесь налицо мелодика риторического вопроса, который «...характеризуется восходяще-нисходящим движением частоты основного тона» [Орусбаев, Токтоналиев, 1991:193], но который совпадает с такового повествовательного предложения. Актуализация негативного смысла делает их похожими друг на друга – тоновое движение в повествовательном предложении и тоновое движение в риторическом вопросе.

Все приведенные выше кыргызские предложения проявляют три семантических признака, которые относят их к ближней периферии ФСРП речевых действий неодобрения и недовольства: а) негативность; б) предназначенность; в) однозначность. Семантический признак повторяемости у них отсутствует, что вызвано объективными причинами: вероятность их повторного, или же хотя бы сходного, употребления даже в идентичной речевой ситуации чрезвычайно мала, или даже вообще отсутствует.

IV. Дальняя периферия ФСП речевых действий неодобрения и недовольства представлена в кыргызскоязычном материале 231 единицей. В основном, это такие кыргызскоязычные высказывания с негативной семантикой, в которых ярко и эмоционально актуализируются интонационно-фонетические средства. Данные высказывания с большой долей языковой экспрессии в кыргызском языке, как и ранее аналогичные в английском, могут быть адекватно восприняты и отождествлены только на основании привлечения всего речевого контекста, языковой ситуации, в которой они были актуализированы. Например:

(16) – *Былжыраба!* – Ысмайыл аны ийинен кыса кармап силкти. – Мени үйрөткөнүңдү коюп, өзүңдү бил. Заманаң бөрү болсо, бөрү бол [Айтматов, 1985]!

(17) – Мына, уктуң, Бекеш, тиги жалпайып калган Тезегин ушундайга жалаа жаап, сен үчүн *күн доолап отурат го бизден* [Касым-Бек, 2000]?!

(18) Кырк жигитим кайдасың,

Кырылгыр кандай жайдасың!

Кыйуусун менен тактым го,

Азимкандын айласын [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан, 1997]

(19) «*Ишенбе өз бактыңа!* Болбо ынак,

Эшиктен өзү кирген, өзү чыгат» [Баласагын, 1993]!

(20) «Эмне кылуу керек?» – дегендей Мани Ясо окумдарын карады.

– *Жоготуу керек!* Андайларды жоготпосок элдин шору. Улуу сыйкырчы монах Додай андайларга сазайын бир заматта берип койчу. Эң туура кылчу [Акматов, 2007]!

(21) Чарт күйүп кетти ошерде Бекиш:

– *Эй!* – деп кекетип октолку. – Эй, казак бирөөнүн менчиги эмес, сага турган, ала турган! Кыргыз казагына жоо эмес. Казактын баш терисин кийип калсаң эле, сен казак болуп каласыңбы, сен?! Билет сенин тегинди эки жак тең, сен жоосуң кыргызга [Касым-Бек, 2000].

В примерах (16)–(21) представлены интонационно-фонетические средства, в основном, фразовое ударение и эмоциональная мелодика, оформляющие языковые единицы различной степени протяженности при

артикулировании: (16): *Былжыраба!* –; (17): *Күн доолап отурат го бизден?! –*; (18): *Кырылгыр кандай жайдасың!* –; (19): *Ишенбе өз бактыңа!* –; (20): *Жоготуу керек!* –; (21): *Эй!*

Самая короткая протяженность наблюдается в примере (21): *Эй!* –; самая долгая протяженность наблюдается в примерах: (17): *...күн доолап отурат го бизден?! –*; и (18): *Кырылгыр кандай жайдасың!* Но, та или иная степень протяженности артикулирования никак не изменяет сущности в движении частоты основного тона, выраженного мелодической формулой «чистого восклицания»: «(ровный тон) – восхождение тона – резкое нисхождение тона», при этом синтагматическое ударение выпадает на слог (звук) перед нисхождением тона [Сыдыков, 1990:156; Орусбаев, Токтоналиев, 1991:177-178].

Семантические признаки: а) негативности и б) предназначенности обуславливают принадлежность интонационно-фонетических средств, выражающих в составе высказывания: (16)-(21) – к дальней периферии поля, а также они эксплицируют отрицательную семантику, передаваемую означенными интонационно-фонетическими средствами. Последняя экспликация, – конечно же, мотивированная речевой ситуацией и речевым контекстом, – является немаловажной для содержания и структуры всего высказывания – ведь такие же интонационно-фонетические средства могут выражать и семантику положительной оценки. Таким образом, изучение функционально-семантической экспликации неодобрения и недовольства в кыргызской разговорной речи показывает, что наиболее адекватно их языково-речевая природа проявляется при проецировании их лингвистических признаков на структуру ФСП. Такое полевое изучение показывает, что речевое действие недовольства имеет свое местонахождение в лингвистическом пространстве ядра и центра поля, в то время как речевое действие неодобрения – в лингвистическом пространстве ближней и дальней периферии поля. Высказанная ранее частная гипотеза: о конкретной соотнесенности

недовольства с основными пространствами поля, а неодобрения с окраинами пространствами поля – находит, таким образом, свое полное подтверждение.

Данное полное подтверждение означенной частной гипотезы также переводит представленную ранее в рабочем порядке гипотетическую схему ФСП речевых действий неодобрения и недовольства в другой разряд схем, отражающих реальные

сущностные характеристики объекта изучения:

Наши количественные подсчеты кыргызских высказываний, выражающих речевые действия неодобрения и недовольства, выявили такую картину:

1. Высказывания с цельноформленными лексемами – 158 единиц.
2. Высказывания с цельными словосочетаниями – 131 единица.
3. Высказывания без актуализации языковых средств, с общей отрицательной семантикой – 382 единицы.
4. Высказывания с интонационно-фонетическими средствами – 231 единица.

Всего: 902 единицы

4.4. Функционально-семантическое сопоставление экспликаций неодобрения и недовольства в английской и кыргызской разговорной речи

Как уже нами отмечалось в предыдущей главе, сопоставление языков преследует в нашей работе три целеустановки: 1) выявление сходств, совпадений изучаемых явлений в обоих сравниваемых языках, 2) выявление несходств, несовпадений в обоих сравниваемых языках и 3) выявление таких моментов, которые оставались бы незамеченными при изучении системы лишь одного языка, и их реальная лингвистическая сущность проявляется только на фоне сравнения с моментами лингвистической структуры других языков.

Наше поэтапное, «пошаговое» изучение функционально-семантических экспликаций речевых действий неодобрения и недовольства сначала в английской разговорной речи, а затем в таковой кыргызской, показало при сравнении полученных результатов нижеследующую картину соотнесенности речевых действий неодобрения и недовольства в структуре одного поля:

ФСП речевых действий неодобрения и недовольства:	
Английский язык:	Кыргызский язык:
Ядро: Высказывания с цельнооформленными лексемами – 102 ед.	Ядро: Высказывания с цельнооформленными лексемами – 158 ед.
Центр: Высказывания с цельными словосочетаниями – 134 ед.	Центр: Высказывания с цельными словосочетаниями – 131 ед.
Ближняя периферия: Высказывания с общей негативной семантикой – 440 ед.	Ближняя периферия: Высказывания с общей негативной семантикой – 382 ед.
Дальняя периферия: Высказывания с интонационно-фонетическими средствами – 211 ед.	Дальняя периферия: Высказывания с интонационно-фонетическими средствами – 231 ед.
Всего: 887 ед.	Всего: 902 ед.

Конфронтативное соотнесение полевых структур английских и кыргызских речевых действий неодобрения и недовольства показывает, что в изучаемом языковом материале имеют место быть все три фактора, релевантных для сопоставительно-сравнительных изысканий: как сходства, так и несходства, а также особые, окказиональные моменты, выявляемые только при сравнении языков.

И совпадения в полевой экспликации английских и кыргызских речевых действий неодобрения и недовольства в качестве фрагментов разговорной речи, и несовпадения в такой же экспликации обусловлены равновеликими дистантными отношениями в структуре ФСП. В лингвистическом пространстве поля они расположены через одну пространственную часть в соотношении: 1) ядро поля – 2) центра поля – 3) ближняя периферия поля – 4) дальняя периферия. Это означает, что совпадают полевые части: 2) центр поля – 4) дальняя периферия поля, а не совпадают: 1) ядро поля – 3) ближняя периферия поля.

Рассмотрим совпадения и несовпадения английских и кыргызских речевых действий неодобрения и недовольства в структуре поля поочередно.

Совпадения в экспликации ФСП английских и кыргызских речевых действий неодобрения и недовольства наблюдаются в центре поля, где равновеликие в качественном, а также и в количественном отношении цельные словосочетания реализуются в структуре законченных высказываний с негативной семантикой. Например:

(1) “Well – I suppose,” she said slowly and bitterly, “it’s because your father *has no luck*” [Lawrence, 2013].

(2) “She’s *just a dumb bunny*” [Atwood, 2014].

(3) “Marriage *is for the birds*” [McCullough, 2011].

(4) “I had to *clench my teeth* to force myself to stay. But I simply couldn’t bring myself to turn the handle. And then the laughter was cut, cut with a knife you’d have said, and I heard a hiss of pain. I hadn’t heard that before, it was too low to carry to my place, and then a gasp. “Ay!” I heard the man speak in Spanish. “You’re killing me. Take it away. O God, help me!” [Maugham, 2017]

(5) «Айтпай койду бир ооз кеп,

Аталаш эмес экем – деп.

Тууганым жок бул элге,

Турганым менин бекер деп» [Кожожаш, 1996].

(6) Анда Олжобай мындай дейт:

- *Болбогон сөздү баштаба,*

Келбети сонун Кишимжан

Көп кайгырып какшаба [Кедейкан, Олжобай менен Кишимжан, 1997].

(7) – *Коркутпа мени, Арстанаалы, – Шераалы экөөңөр менин жанымды коюп, өз жаныңарды сактап алгыла* [Жоошбаев, 2002].

(8) – *Ырысы жок жетимдер, убалыңар германдын башына жетсин* [Айтматов, 1985].

В англоязычных примерах в структуре законченных высказываний употреблены цельные словосочетания: (1): *has no luck*; (2): *just a dumb bunny*;

(3): *is for the birds*; (4): *clench my teeth*, – целостный характер которых проявляется в том, что внутри грамматических структур данных сочетаний слов никак нельзя вставить какое-либо другое слово без ущерба для общего негативно-ориентированного значения всего словосочетания.

Аналогичное наблюдается и в кыргызских примерах, где также употреблены цельные словосочетания в составе законченных высказываний с негативным смыслом. И при этом именно означенные словосочетания привносят в семантику всего высказывания данный негативный смысл: (5): *турганым бекер деп*, (6): *болбогон сөздү баштаба*, (7): *коркутпа мени*, (8): *ырысы жок жетимдер*.

Однако актуализация английских и кыргызских словосочетаний в структуре законченных высказываний определяется не столько их цельными негативными значениями, а сколько их единым характером номинации, когда данные высказывания одинаковым образом именуют идентичные явления и предметы речи с негативным значением. Именно при выдвижении функции номинации на передний план в манифестации системы языковых функций такие цельные словосочетания становятся актуальными: их значения становятся важными и значимыми, - т.е. они подвергаются актуализации, становятся актуализированными языковыми единицами, однозначно указывая на отрицательную семантику высказывания [Иванова, 1972:136-137].

Добавим также, что в семантической системе кыргызского языка несколько релевантнее представляется детерминация речевого высказывания со стороны внеязыковой речевой ситуации. Так, если в кыргызскоязычных высказываниях со словосочетаниями: (5): *турганым бекер деп*, (6): *болбогон сөздү баштаба*, (7): *коркутпа мени* – их отрицательная семантика выявляется сразу же, при непосредственном соприкосновении с их лексико-грамматическими структурами, то, напротив, словосочетания (8): *ырысы жок жетимдер* – может эксплицировать не только отрицательную семантику, но и семантику положительную. Однако ознакомление с соответствующими

речевым контекстом и речевой ситуацией обуславливает принадлежность последнего словосочетания к речевым действиям с негативной семантикой.

Совпадения в экспликации речевых действий неодобрения и недовольства в английской и кыргызской разговорной речи наблюдаются также в их полевым пространстве дальней периферии. Дальняя периферия ФСП речевых действий неодобрения и недовольства заполняется в обоих языках сходными по своей материально-звуковой природе эмоционально-эмотивными интонационно-фонетическими средствами, которые эксплицируют свою негативную семантику, будучи прямо детерминированными структурой внеязыковой речевой ситуации. Приведем примеры:

(9) “*See!*” said Kismine crossly, when he was out of hearing. You’ve spoiled it all. We can never meet any more. He won’t let me meet you. He’d have you poisoned if he thought we were in love” [Fitzgerald, 2011].

(10) The old man looked upon Kokua kindly, “*Poor child!*” said he, “you fear; your soul misgives you. Well, let me keep it. I am old and can never more be happy in this world, and as for the next-” [Stevenson, 2013].

(11) “*He’s just a big-headed jerk!*” [Snicket, 1999]

(12) “*Too bad you couldn’t make it!*” [Flynn, 2012]

(13) - *И?! – деди Байтик, көзү чакчая көтөрүлө:*

- «Чок кармагандын колу күйөт» дейсиз го?! Көргөнгө өзүң барып бер дегени турасыз го?! БИя?! [Касым-Бек, 2000]

(14) – *Ой сен, баса!.. – деди жылкычы Келдибек да теминип, - а жылкысын жайдак калтырып, боруктуруп жүргөн кимди көрдүң* [Сыдыкбеков, 1985].

(15) – *Эмне кылалы? Эмне кылалы? Эмне кылганы чогулуп отурасыңар? Же мени табалап отурасыңарбы? - деп, уурттарынан көбүк чыгара датка каарын төгүп кое берди* [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

(16) – *Жетишет ушул шылдың! – деп, Сабыржан уйпаланган галстугун жулмалап, титиреп кетти. – Разъездге алпарып өзүм көмөм. Жетишет!* [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012]

Интонационно-фонетические средства в большей степени зависят в своей семантической экспликации от структуры внеязыковой речевой ситуации. Например, английские эмоциональные по чувственному выражению и экспрессивные в речевой представленности интонационно-фонетические восклицания (9): *See!*, (10): *Poor child!* –, а также аналогичные кыргызские восклицания: (13): *И?!*, (14): *Ой сен, баса!*, (15): *Эмне кылалы?* – могут быть интерпретированы вне связи с речевой ситуацией и как отрицательно, – и как положительно ориентированные языковые средства. Однако привлечения языкового контекста и внеязыковой речевой ситуации поясняют положение дел.

Английские восклицания: (11): *He's just a big headed jerk!*, (12): *Too bad you couldn't make it!* – и кыргызское (16): *Жетишпей!* – также мотивированы в своей семантике внеязыковой речевой ситуацией, но эта мотивированность несколько ослаблена из-за наличия в их структурах лексем с определенной негативной оценочностью: (11): *a big headed*; (12): *couldn't*; (16): *Жетишпей!*

И в сильно мотивированных, и в слабо мотивированных интонационно-фонетических средствах в примерах 9)–16) ясно эксплицируется семантика негативной оценки, что обусловлено в обоих языках единым концептно-культурологическим отношением их носителей к извечным человеческим ментальным представлением о разнообразных «...моральных ценностях: благо, любовь, дружба, долг, бескорыстие, честность, любовь к детям, справедливость, порядочность, взаимопомощь, уважение к старшим» [Алимжанова, 2010:15].

Несовпадения в экспликации речевых действий неодобрения и недовольства в структурах, соответствующих английского и кыргызского полей в ядерной части ФСП. Ядро поля, заполняемое законченными английскими и кыргызскими высказываниями с цельнооформленной лексемой негативного характера, показывает различную степень содержания отрицательной оценки в английском и кыргызском языках. Данные качественные несоответствия, разумеется, переходят в несходства количественного плана: 158 кыргызских высказываний с актуализированными специализированными лексемами против

102 таких высказываний в английском языке, что составляет преимущество кыргызского языка против английского в нашем фактическом исследовательском материале более чем на 50%. Приведем, однако, примеры:

(17) “*That apple-polisher* is always trying for some brownie points” [Henry, 2013].

(18) I didn't mean to hurt her," he said, his voice shaking. "But *she was screaming*, and I didn't know what to do" [Flynn, 2012].

(19) “*That poor boob* upstairs has lost more money to you than he's paid for his board” [Wells, 2005].

(20) “I *cursed* him out and gave him a kick in the ass to boot” [Salinger, 1991].

(21) – Койчу, жеңе, *болбогон кепти* – жалгыз деп, артында баласы турбайбы [Медералиев, 1989].

(22) Ой коркунуч, *алдамчы* түш,
Алданбаймын күдөр үз [Токомбаев, 1995].

(23) – *Жок, жок...* дал ушул шартта бөөдө өлүм болуу, барып турган макоолук... - деп Чолпонбай өзүнө өзү күбүрөдү [Жантошев, 1985].

(24) – Башым *ооруп турат*, – деп койду Сейде. Анан шашып кетип кошумчалады: - Уктагандай деле болдум... [Айтматов, 1985].

Несовпадения в экспликации речевых действий неодобрения и недовольства из английского и кыргызского языков при заполнении ими лингвистического пространства ядерной части поля проявляются в том, что в кыргызском языке семантика цельнооформленных специализированных лексем имеют большую лексическую обоснованность, ясно и четко указывая на строго негативный характер оценки: (21): *болбогон кепти* –, (22): *алдамчы* –, (23): *жок, жок...*–, (24): *ооруп турат* –, в то время как в английском языке семантика цельнооформленных специализированных лексем имеет большую стилистическую обоснованность, в большей степени, чем в кыргызских примерах, указывая на стилистически сниженный, разговорно-просторечный характер негативной оценки: (17): *That apple-polisher*; (18): *She was screaming*; (19): *That poor boob*; (20): *cursed*.

Степень негативной оценки предмета речи в английских высказываниях со специализированной цельнооформленной лексемой представляется более резкой, поскольку в них на языковую оценку негативности накладываются компоненты грубовато – просторечного разговорного стиля – примеры: (17)–(20). Степень негативной оценки предмета речи в кыргызских высказываниях со специализированной цельнооформленной лексемой представляется более мягкой, поскольку в них языковая оценка негативности возникает только на логико-понятийной основе – примеры: (21)–(22).

Количественное превалирование, более чем на 50%, в ядерной части кыргызского поля высказываний с цельнооформленными лексемами с негативной семантикой над таковыми английского можно объяснить структурой языкового агглютинативного типа в кыргызском и структурой языковой аналитического типа в английском: аналитический английский язык переводит большинство обозначений предметов речи из сферы простых наименований в сферу наименований сложных составных – ср.: (17): *That apple-polisher*; и (19): *That poor boob* – и далее в сферу цельных словосочетаний (которые уже, однако, являются принадлежностью другой части поля – центра ФСП).

Несовпадения в экспликации речевых действий неодобрения и недовольства в структурах, соответствующих английских и кыргызских полей наблюдается также и в лингвистическом пространстве ближней периферии. Ближняя периферия анализируемого поля в обоих названных языках заполняется лексико-грамматическими структурами законченных высказываний без каких-либо актуализаций языковых средств – негативно-оценочный смысл передается всем содержательным составом высказывания. Несовпадения, однако, всецело проявляются в плане содержания таких английских и кыргызских высказываний:

(25) “Tell her that I haven’t made good. Tell her that I’m not only poor, but that I’m content to be poor. *Tell her I was fired from my job because I was idle and inattentive.* Tell her all you’ve seen tonight and all I’ve told you’ [Maugham, 2017].

(26) *“Suddenly there was a scream or two from the women, and a commotion”* [Henry, 2013].

(27) *“Even with all our careful planning and preparation, our ambitious plans have gone for a burton,” he said, shaking his head in disappointment”* [Carre Le, 2014].

(28) *“The young man swaggered down the street, his shoulders thrown back and his hand on his hip. He was pretending to be a badass gangster, but his nervous eyes gave him away”* [Fitzgerald, 2011].

(29) *“Don’t let’s talk about this anymore,” she said. “D’you mind? It did strike me once or twice that perhaps you cared for me. Tim noticed it. I was sorry because I was afraid it would break up our friendship. I don’t want it to do that, Mark. We do get on so well together, the three of us, and we have such jolly times. I don’t know what we should do without you now”* [Maugham, 2017].

30) *Табигат берсе, сараң алганга март,*

Чиркин ай, муңкандырат ушундай шарт [Токомбаев, 1995].

(31) – *Эмне кереги бар сен кимсиң дегендин. Жаныгул бек жети атчаны менен суу ылдый кетишти. Менин атамын бутуна ок тийип, келе бердим* [Жоошбаев, 2002].

(32) Ошондо Кожожашка Сур эчкинин айтканы:

«Атпа бир десем неге аттың,

Каруундан канга не баттың?

Алтымыш улак, кырк чебич,

Айдап жүрүп кыргандай...

Менде агаңдын акы бар беле [Кожожаш, 1996]?

(33) – *Апеей, ай, береги эмне деп турат ыя? Ээ, ботом, сага эмне болгон деги, сен жебесең үйгө келген кишилер жеп-ичпейби, - аялы не эрин, не аны жактырбай жатканы белгисиз чаккырандай кетти* [Медералиев, 1989].

(34) – *Ит жетим, көк жетим, томаяк! Бөрү баласы, ит болбойт: элдин баары үйгө ташыса, сен үйдөн ташыйсың! Экинчи жолу ошол жакка басып көр шыйрагыңды ташка чагып, талпагыңды сыйрып, туз куям!* [Кыргыз адабиятынын антологиясы, 2012].

Несовпадения в экспликации речевых действий неодобрения и недовольства в лингвистическом пространстве ближней периферии английского и кыргызского полей, как показывает сопоставительное изучение, обусловлено в основном лингвокультурологическими факторами членения внеязыковой реальности. В лингвокультурологии различают два основных фактора мотивации содержания языковых единиц: 1) лингвокогнитивный фактор, который рассматривает содержание, «...концент как алгебраическое выражение значения ... как потенциал значения слова вместе с его коннотативным элементом» [Алимжанова, 2010:109; Илебаев, 1997:17-18]; и 2) лингвокультурологический фактор мотивации, толкующий содержание языкового средства, концепта как «...оперативную содержательную единицу памяти и ментального лексикона» [Алимжанова, 2010:109; Джумалиева, 2011:105-106].

В англоязычных высказываниях с негативной оценкой предмета речи без актуализации какого-либо языкового средства преобладает мотивация их содержания лингвокогнитивными факторами, манифестирующими сниженный разговорно-просторечный функциональный стиль – см. примеры: (25), (26), (27), (28) и (29). В кыргызскоязычных же высказываниях без актуализации какого-либо языкового средства и с общей семантикой негативности последняя мотивируется также, наряду с лингвокогнитивными факторами – см. примеры: (31), (33) –, и факторами лингвокультурологического порядка – см. примеры: (30):...*табигат*...; (32): ...*улак...чебич*...; (34): ... *Бөрү баласы, ит болбойт*..., - в которых обычно негативная семантика увязывается с отрицательным отношением к природе. Кыргызский лингвокультурологический концепт (семантическое отношение между именуемым человеком – именуемым объектом и именующий языковой единицей), в большей степени, нежели чем таковой английский, «завязан» на своей мотивации внеязыковыми природными сущностями, явлениями и процессами. Подтвердим, однако, эту высказанную нами немаловажную мысль конкретными нижеследующими примерами из нашего кыргызскоязычного фактического материала:

(35) «Э-э... элиң бөрү болсо бөрү бол, түлкү болсо түлкү бол дейт.... Болбойм десең да, боло албайм десең да, аргаң жок, болосун, элиң ошо болсо, күлкөн ошо болсо...» [Касым-Бек, 2000]

(36) - Ишенесиңби, ишенбейсиңби, аким, ал өз ишин. Ишенбесең да жөн, анткени экөөбүз эки башка табиятпыз [Айтматов, 1988].

(37) - Деги эмне болду жеңекебай, - деди жоон билегине чейин түрүлгөн жеңин түшүрө, жүйүртө басым отуруп жатып, - жайчылык элеби?... *Келген жайыңдан* кеп кылчы, чай тызылдай калганча [Медералиев, 1989].

(38) «Айткан тилим албасаң,

Алабаш жерди чалбасаң.

Укпадың менин сөзүмдү,

Убайын тартып зарласам» [Кожожаш, 1996].

(39) Айтып жатат мурас кеп:

«Таппады айла аз элиң,

Аскадан жерге түшө албай,

Ушубу жалгыз өлгөнүң» [Кожожаш, 1996]?

(40) – Окуш керек, кыздар. *Күйөө, жигит* дегендер кайда качмак эле [Медералиев, 1989].

Кыргызский культурологический фактор относит к негативной оценке плохое отношение к окружающей природе, что, конечно же, находит свою полную экспликацию в одной из основных частях поля – в центре ФСП. Если примеры: (35): ...*бөрү болсо бөрү бол, түлкү болсо түлкү бол*...–; (36): ...*эки башка табиятпыз*...–; (38): ... *алабаш жерди*...–; (39): ... *аскадан жерге*...– прямо называют природные явления, в отношении которых недопустимы действия с негативными целями, то примеры: (37) ...*келген жайыңдан*...–; (40): ...*күйөө, жигит*..., – хотя и не прямо не называют природные явления, но относят обозначенные предметы речи и компетенции окружающей природы.

Функционально-семантическое сопоставление экспликаций неодобрения и недовольства в английской и кыргызской разговорной речи выявляет, что выдвинутая нами ранее частная рабочая лингвистическая гипотеза – об

отнесенности явлений неодобрения и недовольства к определенным лингвистическим пространствам в структуре поля – находит свое полное подтверждение: речевое действие недовольства как более высокая степень отрицательно-оценочной семантики, всецело реализуется через основные части ФСП – ядро и центр поля; в то время как речевое действие неодобрения, как более низкая степень отрицательно-оценочной семантики, реализуется только через окраинные части ФСП – ближнюю и дальнюю периферию поля.

ВЫВОДЫ ПО ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ

4.1. В сопоставительном лингвистическом изучении языковых средств, выражающих негативно ориентированные речевые действия неодобрения и недовольства в английской и кыргызской разговорной речи, мы используем синтетико-прагматическую методологию исследования, которая позволяет адекватно и точно проникнуть в сущность изучаемого языкового явления. ФСП речевых действий неодобрения и недовольства должна быть представлена как четырехчастная структура, конституируемая лингвистическими пространствами: ядра, центра, ближней периферии и дальней периферии поля.

Отнесенность языковых единиц, выражающих речевые действия неодобрения и недовольства с различными нюансами отрицательного значения, к той или иной части поля зависит не только от их лексико-грамматической формы, но и от содержания их значения, от интенсивности наполнения значения различными семантическими признаками. Таких семантических признаков выявляется пять: а) негативность; б) предназначенность; в) однозначность; г) повторяемость и д) серийность, - которые бы обуславливали принадлежность языкового средства – цельнооформленной лексемы, цельного словосочетания, законченного высказывания или же интонационно-фонетических средств к ядерной части, центральной части, ближней периферии или дальней периферии поля речевых действий неодобрения и недовольства.

При сопоставительном изучении языковых средств с отрицательной семантикой, выражающих речевые действия неодобрения и недовольства,

выдвигается в рабочем порядке частная гипотеза о том, что такие отрицательно ориентированные речевые действия имеют коррелятивную соотнесенность: неодобрение с ближней и дальней периферией поля, а недовольство с ядром и центром поля. При этом для принадлежности к ядерной и центральной частям ФСП речевые действия с отрицательной семантикой должны соответствовать: ядро – всем пяти критериям (негативность, предназначенность, однозначность, повторяемость, серийность), а центр – четырем критериям (негативность, предназначенность, однозначность, повторяемость). Речевые же действия с отрицательной семантикой проявляют три семантических признака (негативность, предназначенность, однозначность) в пространстве ближней периферии и только два признака (негативность, предназначенность) в пространстве дальней периферии.

4.2. Языковые средства в англоязычных высказываниях, выражающих речевые действия неодобрения и недовольства, так же, как и ранее таковые с положительной семантикой, реализуются в разговорной речи через четырехчастную структуру ФСП: ядро, центр, ближняя периферия и дальняя периферия.

Ядро поля речевых действий неодобрения и недовольства в английском языке конституируется законченными высказываниями, оформленными по всем правилам мелодики и интонирования предложений с отрицательной эмфатической семантикой, в которых, однако актуализируются цельнооформленные лексемы со специализированным негативно ориентированным значением. Принадлежность к ядру поля подтверждается наличием в семантике таких лексем, равно высказываний, пяти семантических признаков: а) негативности; б) предназначенности; в) однозначности; г) повторяемости и д) серийности.

Центр поля речевых действий неодобрения и недовольства в английском языке заполняется законченными высказываниями с актуализированными цельными словосочетаниями с отрицательными значениями; данные высказывания оформляются по всем интонационным моделям английской фонетики, с эмфатическим артикулированием негативной семантики.

Означенные высказывания подтверждают свою принадлежность к центру наличием четырех семантических признаков: а) негативность; б) предназначенность; в) однозначность и г) повторяемость.

Ближняя периферия поля англоязычных речевых действий неодобрения и недовольства конституируется лексико-грамматическими структурами законченных высказываний, в которых не наблюдается никакой актуализации специализированных лексем или же словосочетаний с отрицательной семантикой. Интонационно-фонетическое оформление таких высказываний осуществляется по правилам мелодики и интонирования распространенных повествовательных предложений с эмфатическим отрицательным смыслом. В ближней периферии действуют три семантических признака: а) негативность; б) предназначенность и в) однозначность.

Дальняя периферия поля англоязычных речевых действий неодобрения и недовольства заполняется интонационно-фонетическими средствами, которые получают актуализацию в языковом контексте, обусловленную структурой речевой ситуации. В данных высказываниях, обычно незаконченных и обусловленных семантикой реальной речевой ситуации, большая семантическая нагрузка ложится на звуковую структуру языка. Принадлежность языковых единиц к дальней периферии поля подтверждается двумя семантическими признаками: а) негативностью и б) предназначенностью.

Находит свое подтверждение высказанная нами ранее частная рабочая гипотеза о том, что явление недовольства реализуется в английской разговорной речи через лингвистическое пространство ядра и центра поля, в то время как явление неодобрение – через лингвистическое пространство ближней и дальней периферии поля.

4.3. Изучение функционально-семантической экспликации неодобрения и недовольства в кыргызской разговорной речи показывает, что они, обладая негативной семантикой, как и ранее кыргызскоязычные высказывания с позитивной семантикой одобрения и похвалы, реализуются в четырехчастной

структуре ФСР речевых действий неодобрения и недовольства, которая состоит из: 1) ядра, 2) центра, 3) ближней периферии и 4) дальней периферии поля.

Ядро кыргызского поля неодобрения и недовольства заполняется высказываниями, в которых актуализируются, т.е. выделяются в релевантно-смысловом отношении, цельнооформленные лексемы со специализированными негативно окрашенными значениями.

Центр кыргызского поля неодобрения и недовольства заполняется такими высказываниями, в которых актуализируются цельными словосочетаниями, имеющими в данном контексте только негативно ориентированное значение.

Ближняя периферия ФСР кыргызских речевых действий неодобрения и недовольства конституируется лексико-грамматическими структурами законченных высказываний, которые не имеют в своем составе каких-либо актуализированных языковых средств: ни слов (лексем), ни словосочетаний, ни фонетико-интонационных явлений.

Дальняя периферия поля речевых действий неодобрения и недовольства конституируется различными интонационно-фонетическими средствами, которые актуализируют в мелодике и, соответственно, в содержании кыргызского высказывания семантику негативной оценки.

Принадлежность языковых средств, выражающих в кыргызском языке речевые действия неодобрения и недовольства, к той или иной части поля подтверждается качественно-количественными составами семантических признаков. Наличие всех пяти признаков: а) негативность; б) предназначенность; в) однозначность; г) повторяемость и д) серийность - свидетельствуют о принадлежности данных речевых действий к ядру поля; четыре признака: а) негативность; б) предназначенность; в) однозначность, г) повторяемость - свидетельствует о принадлежности речевых действий к центру поля; три признака: а) негативность; б) предназначенность; в) однозначность - свидетельствуют о принадлежности к ближней периферии поля; два признака: а) негативность; б) предназначенность - свидетельствуют о принадлежности к дальней периферии поля речевых действий неодобрения и недовольства.

Анализ показывает, что и здесь, в ФСП речевых действий неодобрения и недовольства в кыргызском языке, подтверждается высказанная нами частная гипотеза – о реализации недовольства в ядре и центре поля, а неодобрения в ближней и дальней периферии поля. Именно такая коррелятивная структуризация имеет место быть в лингвистической реальности, что подтверждается результатами анализа обширного пласта фактического кыргызскоязычного материала.

4.4. Изучение функционально-семантических экспликаций речевых действий неодобрения и недовольства в аналитическом германском английском языке и агглютинативном тюркском кыргызском показало, что такие речевые действия с негативно-ориентированной семантикой должны быть исследованы по всем «законам жанра» направления сопоставительного языкознания – системно и с конфронтативным сравнением анализируемых лингвистических фактов. Системность их сопоставления проявляется в полевом подходе к их анализу, когда в обоих языках устанавливаются ФСП речевых действий неодобрения и недовольства, структурированные как четырехчастные семантические (понятийные) пространства.

Конфронтативное же сравнение английских и кыргызских языковых единиц, могущих быть распределенными в обоих языках: английском и кыргызском – по частям означенных понятийных (функционально-семантических) полей, показывает, что «по всем законам жанра» здесь так же, как и во всех иных сопоставительных исследованиях, срабатывает правило о том, что основными целеустановками в подобного рода конфронтативно-сравнительных изысканий являются три момента: 1) выявление совпадающих лингвистических фрагментов и систем; 2) выявление несовпадающих лингвистических фрагментов и систем и 3) выявление прикладной плоскости изучаемых лингвистических систем. Если два первых момента пополняют запас знаний по филологии и по универсалии языков, то третий момент способствует разрешению проблем машинного (компьютерного) перевода,

теории и практике переводоведения и методики преподавания иностранного языка в условиях родного.

Совпадения сравниваемых ФСП речевых действий неодобрения и недовольства в обоих языках наблюдаются в двух лингвистических полевых пространствах: в центре и в дальней периферии поля. Одинаковым образом эксплицируются английские и кыргызские высказывания с цельными словосочетаниями (центр поля) и таковые высказывания с актуализированными интонационно-фонетическими средствами (дальняя периферия поля).

Несовпадения в анализе означенных ФСП наблюдаются в ядерной части поля, когда употребляются в обоих языках цельнооформленные лексемы со специализированными негативными значениями, и в ближней периферии поля, когда употребляются в обоих языках высказывания с общей семантикой негативной оценки, и не наблюдается никакой актуализации языковых средств.

Данные окказиональные высказывания отличаются в обоих языках не столько поверхностно-грамматически, а сколько глубинно-семантически. Глубинно-семантические различия, однако, обуславливаются всегда лингвокультурологически, в соответствии с ментальностью и этнопсихологическими составляющими носителей языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное сопоставительное функционально-семантическое исследование одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства в английском языке и кыргызском языке показало плодотворность проведения подобных сравнительно-типологических работ, поскольку выявляются результаты, выводы и обобщения ценные как в теоретическом плане, так и в плане практическом.

Для разрешения указанной выше общей цели нашей сопоставительной работы было намечено разрешить ряд частных задач, которые бы способствовали обзорно-теоретическому и практико-лингвистическому освещению разнообразных сторон анализируемого объекта анализа в обоих сравниваемых языках:

1) проведен общий обзорно-теоретический анализ литературы, посвященной лексико-грамматическому выражению функции «одобрение–похвала и неодобрение–недовольство»;

2) определены методологические принципы и методика сопоставительного анализа функционально-семантической экспликации одобрения–похвалы и неодобрения–недовольства в английской и кыргызской разговорной речи;

3) на основе установленной методологии и методики проведен сопоставительный анализ способов функционально-семантической экспликации одобрения и похвалы и неодобрения, и недовольства в английской и кыргызской разговорной речи.

Исходя из того, что все поставленные в работе обзорно-теоретические и научно-лингвистические задачи решены, цель исследования достигнута, все три теоретических положений, вынесенные на публичную защиту, полностью подтвердились:

1) Функциональные категории «одобрение-похвала и неодобрение-недовольство» являются одним из важных элементов организации дискурса в процессах межкультурной коммуникации.

- 2) Они относятся к универсальным категориям человеческого общения, поскольку присутствуют в дискурсе каждого языка.
- 3) Способы выражения и культурная семантика данных категорий в английском и кыргызском языках имеют существенные различия, что обусловлено природной средой, особенностей культурно-исторического развития этноса, мировидения, традиций, культурных и религиозных ценностей и др.

В первой главе рассматриваются психолингвистические явления одобрения-похвалы и неодобрения-недовольства и их связь с лингвистическим аспектом в сопоставительном англо-кыргызском исследовании. Эти речевые действия состоят из компонентов оценочности, модальности и коннотации и являются важными составляющими речевой деятельности. Разговорная речь классифицируется как средний функциональный стиль, при этом английская разговорная речь обычно включает в себя как средний, так и сниженный стили, а кыргызская разговорная речь – только средний стиль.

Во второй главе изложена методология, использованная для изучения функционально-семантического выражения одобрения и похвалы в английской и кыргызской разговорной речи. В основе подхода лежат принципы сопоставительной лингвистики, функциональной грамматики и синтетико-прагматического подхода. Пять критериев или семантических признаков используются для классификации языковых средств и речевых действий в рамках конкретного поля. Результаты показывают, что одобрение выражается через ближнюю и дальнюю периферию поля в обоих языках, в то время как похвала выражается через центр и ядро поля. Методология исследования основана на теории функциональной грамматики и дистрибутивно-полевым подходе к анализу языковых средств.

В третьей главе рассматривается функционально-семантическое выражение одобрения и похвалы в разговорной речи английского и кыргызского языках. Речевое действие похвалы в английском языке формируется лингвистическими средствами из ядра и центра поля, в то время как речевое действие одобрения формируется лексико-грамматическими

структурами полных высказываний и интонационно-фонетическими средствами из ближней и дальней периферии поля, соответственно. Аналогично, в кыргызском языке речевое действие одобрения и похвалы выражается через ФСП речевых действий, при этом речевое действие похвалы имеет большую плотность и интенсивность семантических признаков, чем речевое действие одобрения.

В четвертой главе рассматривается сопоставительное лингвистическое исследование выражений неодобрения и недовольства в разговорной речи английского и кыргызского языке. Анализ выявляет сходства в центре и дальней периферии поля, но различия в ядерной части поля и ближней периферии, которые семантически обусловлены лингвокультурными факторами. Гипотеза о том, что недовольство реализуется в ядре и центре ФСП, а неодобрение – на ближней и дальней периферии, подтвердилась для обоих языков.

Таким образом, ФСП речевых действий с позитивной оценочностью (одобрение– похвала) и негативной оценочностью (неодобрение– недовольство) в

обоих языках: английском и кыргызском представляется идентичным:

Однако части ФСП в обоих языках имеют несколько различное заполнение языковыми средствами, выражающими семантику позитивной или же негативной оценочности. Для наглядности оформим количественные

данные о заполнении такими языковыми средствами в обоих языках составных частей поля с дифференциацией по позитивности или же негативности оценки:

Речевые действия с позитивной оценочностью: одобрение и похвала		
	Английский язык:	Кыргызский язык:
Ядро поля	91 ед.	185 ед.
Центр поля	124 ед.	121 ед.
Ближняя периферия поля	426 ед.	429 ед.
Дальняя периферия поля	187 ед.	101 ед.
Всего	828 ед.	836 ед.
Речевые действия с негативной оценочностью: неодобрение и недовольство		
	Английский язык:	Кыргызский язык:
Ядро поля	102 ед.	152 ед.
Центр поля	134 ед.	131 ед.
Ближняя периферия поля	440 ед.	382 ед.
Дальняя периферия поля	211 ед.	231 ед.
Всего	887 ед.	902 ед.
Итого	1715 ед.	1738 ед.
Общий итог	3453 ед.	

Та или иная степень позитивной или же негативной оценки предмета речи со стороны имеющих и оценивающих людей зависит не только от их эмоционально-экспрессивного настроения, но и от реальных признаков, критериев, которые позволяют соотнести высказанное, с той или иной оценкой к определенному лингвистическому пространству поля. Так, языковые выражения речевых действий – как позитивных, так и негативных – с пятью семантическими признаками (оценочность, предназначенность, однозначность, повторяемость и серийность) всегда относятся к ядру поля; языковые выражения речевых действий с четырьмя семантическими признаками (оценочность, предназначенность, однозначность, повторяемость) относятся к центру поля; языковые выражения речевых действий с тремя семантическими

признаками (оценочность, предназначенность, однозначность) относятся к ближней периферии поля; языковые выражения речевых действий с двумя семантическими признаками (оценочность, предназначенность) относятся к дальней периферии поля в обоих языках: английском и кыргызском.

Кроме трех исследовательских задач и трех научных положений, вынесенных нами на публичную защиту, в работе возникла в ходе исследования также одна частная, которая дважды была сформулирована нами при установлении общей научно-исследовательской методологии и конкретных методик сопоставительного анализа с семантикой позитивной, негативной оценочности: речевые действия позитивной оценки (одобрение и похвала) и речевые действия негативной оценки (неодобрение и недовольство), находясь в равновеликом отдалении друг от друга на абстрагированной шкале оценочности, также находят свою строгую корреляцию в той или иной части поля. Наша частная гипотеза, выдвинутая в рабочем порядке, однако, нашла свое полное подтверждение: речевые действия с большей степенью оценочности: похвала и недовольство – находят свою реализацию только в основных лингвистических пространствах поля: в ядерной и в центральных его частях, в то время как речевые действия с меньшей степенью оценочности: одобрение и неодобрение – находят свою реализацию только в окраинных лингвистических пространствах поля: в его ближней и дальней периферии.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Абдувалиев Н. Кыргыз тилинин морфологиясы: «Кыргыз тили жана адабияты» адистиги боюнча жогоркуу окуу жайлардын студенттери үчүн окуу китеби. – Бишкек: б.у.и., 2008. – 284 б.
2. Абдыкаимова О.С. Функционально-семантическое и структурно-семантическое исследование соматических фразеологизмов (на мат. кырг. и нем. яз.): Автореферат. дис... канд.филол.наук. – Бишкек, 1992. – 20 с.
3. Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: учеб. для студ. вузов. – М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 2001. – 288 с.
4. Авраменко О. В. Речевой акт и речевой жанр как прагматические особенности дискурса //Материалы II Международной научно-практической конференции «Научный прогресс на рубеже тысячелетий. – 2007. – С. 1–15.
5. Адмони В.Г. Типология предложения // Исследования по общей теории грамматики / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1968. – С. 232-291
6. Адмони В.Г. Морфологическая структура слова в немецком языке // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках / Отв. ред. В.М. Жирмунский, Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1970. – С. 182-221
7. Адмони В.Г. Регенерация морфологических форм в германских языках // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1972. – С.158-171
8. Алимжанова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: взаимодействие языка, культуры и человека. – Алматы: Интер Пресс-К, 2010. – 319 с.
9. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие для студентов пед.инст-ов по спец. «Иностр. язык» - 2-е изд. – М.: Просвещение, 1989. – 254 с.

10. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. Учеб. пос. для пед. инст-ов и фак. иностр. яз. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. – 352 с.
11. Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1968. – С. 58-116
12. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
13. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
14. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 609 с.
15. Ахматов Т.К., Омуралиева С. Кыргыз тили (фонетика, лексика). Жогорку окуу жайынын журнал. фак. студент. үчүн окуу китеби – Фрунзе: Мектеп, 1990. – 236 б.
16. Бабаева Е.В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 1997. – 22 с.
17. Батманов И.А. Современный киргизский язык. Вып. I – изд. 4-е. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963. – 166 с.
18. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
19. Бацевич Ф.С. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи. – Львів: Паіс, 2005
20. Бедусенко Г.А. Основы лингвистической коммуникации. Учебник – комплекс. – Тараз: Тараз. гос. пед. ин-т, 2010. – 184 с.
21. Бекбалаев А.А. Вопросы истории и теории синтаксической номинации (на матер. нем и кырг. яз) – Бишкек: Илим, 1991. – 162 с.
22. Беляева М.А. Грамматика английского языка. – изд. 6-е. – Учеб. пос. для студ. – М.: Высшая школа, 1977. – 333 с.
23. Беляевская Е.Г. Семантика слова: Учеб. пос. для ин-тов и фак-в иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1987. – 128 с.

24. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание: Учеб. пос. для студ. пед. инст-ов. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
25. Биялиев К.А. Кыргыз адабий тили жана анын адабий нормасы. Жогорку окуу жайларынын студенттери үчүн окуу китеби. – Бишкек: Кыргыз улуттук университети, 2013. – 191 б.
26. Биялиев К.А. Кыргыз тили: Жогорку окуу жайларындагы башка улуттардын студенттери үчүн окуу китеби. – Бишкек: КРСУ, 2002. – 272 б.
27. Большой энциклопедический словарь. Языкознание // гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: БРЭ, 1998. – 685 с.
28. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – 116 с.
29. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. — 260 с.
30. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос.академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
31. Бонди Е.А. Английский язык: Повторительный курс: Учеб.пос. – М.: Высшая школа, 1988. – 272 с.
32. Борчиева Б.Т. Функционально-семантическое поле пространства в русском и кыргызском языках: Автореф.дис... канд.филол.наук. – Бишкек, 2005. – 26 с.
33. Булыгина Т.В. Грамматические оппозиции // Исследования по общей теории грамматики / Отв.ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1968. – С. 175-231
34. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков: Учеб. пос. для пед. инст-тов. – М.: Высшая школа, 1983. – 286 с.
35. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – № 3 – С. 105–113.
36. Васильева Э.П., Покровская Е.В. Функционально-семантическое поле предположения в новоанглийском языке // Коммуникативно-прагматические функции языковых единиц. Межвуз. сборник. – Куйбышев: Куйбышевск. гос. ун-т, 1990. – С. 77-88

37. Венцкович Р.М., Шайкевич А.Я. История языкознания. Пос. для студ.-заочн. – вып. I. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1974. – 126 с.
38. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 230 с.
39. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки // Лингвистическое наследие XX века. М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
40. Вышкин Е.Г. К проблеме разграничения семантики и прагматики // Коммуникативно-прагматические функции языковых единиц: Межвуз. сборник. - Куйбышев: Куйбыш. гос. ун-т, 1990. – С. 3-7
41. Гаврилова Е. Д. Оценочные категории «good» и «bad» в современном английском языке: дис. ... канд.филол. наук: 10.02.04. Тамбов, 2005. 172 с.
42. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Учеб.пос.для студ.фак.и инст-ов иностр.яз. – Л.: Просвещение, 1976. – 300 с.
43. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике (вступ. статья) // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. – Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5-17
44. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. М., 1997. No 3. С. 87– 93.
45. Гатиатуллина З.З. Сравнительная типология родного (татарского) и английского языков: Курс лекций. – Казань: Казанск.гос.пед. инст-т, 1979. – 108 с.
46. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. – М., 1993. – С. 158-218.
47. Городникова М.Д., Добровольский Д.О. Немецко-русский словарь речевого общения. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 2002. – 310 с.
48. Грамматика киргизского литературного языка. Ч.1, Фонетика и морфология / Отв.ред. О.В. Захарова. – Фрунзе: Илим, 1987. – 402 с.
49. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. – 5-е изд. – М.: Флинт – Наука, 2008. – 168 с.

50. Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики / Отв.ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1968. – С. 117-174
51. Гухман М.М. Процессы парадигматизации и историческая типология словоизменительных систем германских языков // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков / Отв.ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1972. – С. 39-69
52. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. – М.: Международные отношения, 1979. – 254 с.
53. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы / В.З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – С.223-235.
54. Дербишева З.К. Кыргызский этнос в зеркале языка. – Бишкек: Б.у.и., 2012. – 404 с.
55. Джаркинбаева Н.Б. Функционально-семантическое поле локативности в английском и кыргызском языках: Автореф.дис... канд.фил.наук. – Бишкек, 2008. – 22 с.
56. Джумалиева Г.К. Функционально-семантическое поле интеррогативности в английском и кыргызском языках (контрастный и переводческий аспекты). – Бишкек: БГУ, 2011. – 183 с.
57. Джусаев Дж. К вопросу об основном аспекте категории модальности // Тр. КирГУ им. 50-летия СССР. Сер.: Романо-германская филология и метод. преп.иностр.яз. – вып. 7, ч.2. – Фрунзе, 1975. – С. 90-99
58. Джусаев Дж. Категория модальности и средства ее выражения в современном кыргызском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Бишкек, 2000. – 38 с.
59. Дубровин М.И. Англо-русский словарь. Около 100 000 слов, словосочетаний, выражений и значений. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 576 с.
60. Ешмамбетова З.Б., Вербицкая М.В. Стилистика английского языка в фонетическом освещении: Учеб.пос. – Фрунзе: Кирг.гос.ун-т, 1990. – 159 с.

61. Жакыпов Ы. Азыркы кыргыз тили. Педагог. жог. окуу жайлары үчүн окуу куралы. – Фрунзе: Мектеп, 1975. – 178 б.
62. Жакыпов Ы. Тилдердин проблемалуу маселелеринен иргелген колдонмолуу жыйнак: Окуу куралы. – Бишкек: «Кесип», 1993. – 92 б.
63. Жапар А. Синтаксический строй киргизского языка. Учебн. для вузов, ч. I. – Бишкек: Мектеп, 1992. – 430 с.
64. Жапар А. Синтаксический строй киргизского языка. Учебн. для вузов, ч. II. – Бишкек: Мектеп, 1992. – 352 с.
65. Жоламанова Е.И. Номинативно-функциональное поле психических отношений «любовь» – «ненависть» в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Бишкек, 2010. – 24 с.
66. Жолдошбек уулу А. Немис жана кыргыз тилдеринин салыштырма типологиясы. – Бишкек: Чүй университети, 1996. – 280 б.
67. Жумабекова Б.К. Функционально-семантическое поле и категориальные ситуации повелительности (на матер. каз. и нем. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2009. – 24 с.
68. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
69. Ибрагимов С. О формах определительных словосочетаний из двух существительных в кыргызском языке (турецкий изафет) // Кыргыз тилин жана адабиятын окутуунун айрым маселелери. – Бишкек: КРСУ, 2012. – 15–20 б.
70. Иванова И.П. Структурная функция словоизменительного форманта и «нулевая» морфема // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков / Отв. ред. В.Н. Ярцева – М.: Наука, 1972. – С. 136-143
71. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. – М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.
72. Ивин А.А. Логика. Учебник для гуманитарных факультетов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – С. 128.

73. Илебаев Э.У. Сопоставительно-типологическое исследование категории модальности и средств ее выражения в английском и кыргызском языках: Автореф. дис. ... канд.филол.наук. – Алматы, 1997. – 20 с.
74. Иманов А. Кыргыз тилинин синтаксиси: Окуу куралы. Жог.окуу жайларынын филол.фак.студ. үчүн – II бас. – Бишкек: К. Тыныстанов атындагы Ысык-Көл мам. ун-ти, 2009. – 420 б.
75. Исаев М.К. Очерки по контрастивной и английской лингвистике. – Алматы: Интер Пресс-К., 2009. – 238 с.
76. Йылмаз Э.Р. Языковые средства выражения одобрения/неодобрения в средствах массовой информации (на примере татарского и турецкого языков). – Казань: «К(П)ФУ», 2018. – 172 с.
77. Кабанкова Т.В. Функционирование синкретичных речевых актов одобрения / неодобрения в современном немецком диалогическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2011. – 203 с.
78. Кадырбекова, П.К. Лингвокультурологические и лингвокогнитивные аспекты межкультурной коммуникации [Текст] / П.К. Кадырбекова. – Бишкек, 2012. – 419 с.
79. Камбаралиева У. Дж. Системно-семантические связи в лексике (в сопоставлении кыргызского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол.наук. – Бишкек, 1999 – 23 с.
80. Карлинский А. Е. Методология и парадигмы современной лингвистики //Алматы: Изд-во КазУМОиМЯ им. Абылай хана. – 2009.
81. Квашина В.В. Проблемы аксиологии в современном языкознании // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2013. – №. 2. – С. 181-189.
82. Клычков Г.С. Теория верификации в сравнительно-историческом языкознании // Теория и методология языкознания: методы исследования языка / Отв. ред. В.Н. Ярцева – М.: Наука, 1989. – С. 93-189
83. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений. Учеб.пос.для студ. пед.ин-тов по спец. №2101 «Русск.яз и лит-ра» – М.: Просвещение, 1979. – 223 с.

84. Косенок, С.М. Современные образовательные технологии: учеб.- метод. пособие / С.М. Косенок, Ф.Д. Рассказов. – Сургут: ИЦ СурГУ, 2012. – 78 с.
85. Космеда Т. А. Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки. Львів: ЛНУ ім І. Франка, 2000. 350 с.
86. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк (пер. с англ.). – М.: Прогресс, 1977. – 261 с.
87. Кравченко А.И. Введение в социологию. – М.: Просвещение, 1996. – 189 с.
88. Кубрякова Е.С. Морфологическая структура слова в современных германских языках // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках / Отв.ред. В.М. Жирмунский, Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1970. – С. 104-181
89. Кубрякова Е.С. О соотношении парадигматических и словообразовательных рядов в германских языках // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков – М.: Наука, 1972. – с. 172-188
90. Кудайбергенов С. Кыргыз тилинде этиштин жасалышы. – Фрунзе: Мектеп, 1979. – 124 б.
91. Кулешов В.В. Введение в типизацию английской речи (учеб.пос.для студ.филол.фак.). – М.: Изд-во Моск. унив-та, 1981. – 123 с.
92. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учебн. для инст-в и фак-тов иностр.яз. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
93. Кыргыз адабий тилинин грамматикасы. – I бөлүм. – Фонетика жана морфология – Фрунзе: «ИЛИМ» басмасы, 1980. -539 б.
94. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. – I бөлүм. – Б.: «АВРАСИЯ ПРЕСС», 2015, – 800 б.
95. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. – II бөлүм. – Б.: «АВРАСИЯ ПРЕСС», 2015, – 800 б.
96. Кыргыз тилинин синонимдер сөздүгү. – Б., 2015. – 349 б.
97. Лазариди М.И. Функционально-семантические поля психических состояний в современном русском языке. – Бишкек: БГУ, 2000. – 179 с.

98. Лазариди М.И. Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект. – Бишкек, 2005. – 309 с.
99. Лазариди М.И. Психические состояния в полевом описании. – Бишкек, 2011. – 352 с.
100. Лекомцев Ю.К. Дискретные лексические поля и строение семантических единиц (Опыт формальной теории) // Известие АН СССР. Серия литературы и языка. – 1979. – № 3. – С. 207–218.
101. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
102. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
103. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
104. Лызлов А. И. Оценка и языковые способы её выражения в паремиях (на материале компаративных и негативных конструкций английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2009. 22 с.
105. Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. М.: Наука 1989. С. 24–33.
106. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1996. – 47 с.
107. Маслов Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – М.: Высшая школа, 1987. – 273 с.
108. Маслова-Лашанская С.С. Опрошение и другие морфологические процессы в германских языках // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков / Отв.ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1972. – С. 144-157
109. Матвеева Г.Г. Основы прагмалингвистики / Г.Г. Матвеева, А.В. Ленец, Е.И. Петрова. – М.: Наука, 2013. – 232 с.
110. Матюшкина-Герке Т.И., Балашова С.П., Броссе Н.Н. и др. Английский язык. Учебн. для 1 курса филол. фак. ун-тов. – 4-е изд., перераб. 1990. – 527 с.

111. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: учеб.пос.для студ.филол. и лингв.спец. – 7-е изд. – М.: Флинта – Наука, 2009. – 312 с.
112. Минаев Л.В. Слово в языке и речи: Учеб.пос.для студ.филол. ун-тов и фак. иностр.яз. – М.: Высшая школа, 1986. – 147 с.
113. Могучий фактор национально-языкового развития. – Фрунзе: Кыргызстан, 1981. – 312 с.
114. Молдокулова Н.Б., Трунин-Донской В.Н. Лингво-акустические проблемы создания системы распознавания слитной речи на ЭВМ. – Фрунзе: Илим, 1989. – 136 с.
115. Мусаев С.Ж. Семантика синтаксических конструкций – это семантика их непосредственно составляющих компонентов //Исследования по киргизскому языкознанию / Отв.ред. – Ш. Жапаров. – Фрунзе: Илим, 1987. – С. 48-53
116. Найманова Ч.К. Валентность и сочетаемость частей речи в разносистемных языках (на матер.англ., кырг и русск.яз.) – Бишкек: Кыр.нац ун-т им. Ж.Баласагына, 2004. – 182 с.
117. Нишанов В.К. Феномен понимания: когнитивный анализ. – Фрунзе: Илим, 1990. – 228 с.
118. Ожегов С.Н., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. - 4-е изд. доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2009. – 944 с.
119. Омуралиев Б. Кыргыз тилинин синтаксинин окутуунун методикасы. – Фрунзе: Мектеп, 1990. – 286 б.
120. Орузбаева Б.О. Кыргызский язык: краткий грамматический очерк. – Бишкек: Илим, 1994. – 72 с.
121. Орузбаева Б.О. Киргизский язык // Языки мира: Тюркские языки / Отв.ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Ин-т языкознания, 1996 – С. 286-298
122. Орусбаев А.О., Токтоналиев К.Т. Кыргыз тилинин фонетикасы боюнча изилдөөлөр. – I-бөлүм: Сегменттик бирдиктер. – часть 2: Суперсегментные единицы. – Бишкек: Илим, 1991. – 226 б.

123. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-131.
124. Пиз А., Пиз Б. Язык телодвижений: Как читать мысли окружающих по их жестам. – Расширенная версия. – М.: ЭКСМО, 2007. – 464 с.
125. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. Учебное пособие – изд.2-е, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
126. Путилина Л.В., Тусина М.А. Лексико-грамматические средства выражения оценки в английском оценочном высказывании // Филологические чтения. – 2022. – С. 227-230.
127. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка. Учебное пособие для студ. ин-тов для фак-тов ин.яз. Изд-во: Высшая школа, 1989. – 182 с.
128. Реформатский А.А. О реальности модели. // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка // Отв.ред. В.С. Храковский – Л.: Наука, 1977. – С. 5-10.
129. Ризель Э.Т. Стилистическое значение и коннотация // Лингвистические проблемы текста: Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза, вып. 158. М., 1980. – с.134-142
130. Русская разговорная речь / отв.ред. Е.А. Земская. – М.: Наука, 1973. – 485 с.
131. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. // Отв.ред. Е.А. Земская. – М.: Наука, 1983. – 238 с.
132. Сапарбаев А. Синтаксистик окуунун негиздери: жогорку окуу жайларынын филология факультеттери студенттери үчүн окуу китеби. – Бишкек: «Кыргызстан – СОРОС» фонду, 1997. – 248 б.
133. Серль Дж. Что такое речевой акт / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986а. – С. 151-169.
134. Скаличка В. Типология и сопоставительная лингвистика (пер. с чешск.) // Новое в зарубежной лингвистике. – вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – с. 27-31
135. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика (пер. с англ.) / под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1976. – 350 с.

136. Соколова М.А., Гинтовт К.П., Тихонова И.С. и др. Теоретическая фонетика английского языка (на англ.яз.). – М.: Высшая школа, 1991. – 240 с.
137. Сыдыков Ж.К. Кыргыз жана англис тилдеринин салыштырма фонетикасы. Фрунзе: Илим, 1984. – 188 б.
138. Сыдыков Ж.К. Фонетическая структура современного кыргызского литературного языка и диалектов. Фрунзе: Илим, 1990. – 176 с.
139. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
140. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Языки славянской культуры, 1991. – С. 36-66.
141. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
142. Темиргазина З.К. Речевые акты похвалы и одобрения в педагогическом дискурсе / З.К. Темиргазина, М.С. Бачурка // Вестник РУДН. – 2017. – No.1. – С.97-105.
143. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. / отв.ред. А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
144. Теория функциональной грамматики: Темпоральность, Модальность / отв.ред. А.В.Бондарко – Л.: Наука, 1990. – 263 с.
145. Торсуев Г.П. Обучение английскому произношению. Пос. для преп. англ. яз. – М.: Госучпедгиз. Мин.прос. РСФСР, 1953. – 224 б.
146. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. – М.: Наука, 1979. – 102 с.
147. Трахтеров А.Л. Практический курс фонетики англ.яз. Учеб. для ин-тов и фак. ин.яз. – М.: Высшая школа, 1976. – 312 с.
148. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: монография //СПб.: Изд-во ВВМ. – 2008. – Т. 376. – С. 272.

149. Уева М.Х. Функциональное семантическое поле пространственной ориентации в немецких и кыргызских языках (в аспекте номинаций): автореф. дис... канд.филол.наук – Бишкек, 1999. – 24 с.
150. Улазаева Г.В. Функционирование слов категории состояния в разноструктурных языках // Вестник БГУ. 2016. Вып. 2. С. 28-35. DOI: 10.18101/1994-0866-2016-2-28-35
151. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи. – М.: Высшая школа, 1979. – 168 с.
152. Чолпонбаева Н.А. Функциональные подсистемы английского языка в драматических произведениях Шекспира и проблема их перевода на русский и кыргызский языки: автор дис.... канд.филол.наук. – Бишкек, 2008. – 22 с.
153. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. Около 40 000 слов. Кн. 1. А-К – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 503 с.
154. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. Около 40 000 слов. Кн. 2. Л- Я - М.: Советская энциклопедия, 1985. – 474 с.
155. Ярцева В.Н. Взаимоотношения грамматики и лексики в системе языка // Исследования в общей теории грамматики / Отв.ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1968. – С. 5-57
156. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – 112 с.
157. Яхина А. М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках (на материале глагольных фразеологических единиц, обозначающих поведение человека): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2008. 226 с.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1. Adams V. An Introduction to modern English word-formation. – New York: Longman Group LTD., 1973. – 230 p.
2. Atwood M. Moral Disorder: A Story. Соединенные Штаты Америки. – Knopf Doubleday Publishing Group, 2014.

3. Boni K. Das Zusammewirken von extralinguistischen Faktoren und funktionalem sprachwert bei untersprachlichen Kontakten // Das Word. Germanistisches Jahrbuch DDR- UDSSR.- Zwickau: VEB Oberlungwitz, 1986. – s. 81-85
4. Carstairs-McCarthy A. An Introduction to English Morphology: Words and Their Structure.– Edinburg: Edinburgh Univ. Press, 2002. – 151 p.
5. Chafe W.L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and points of view// Subject and topic. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1976. – p. 34
6. Davitz J.R The Communication of Emotional Meaning. – New York: McGraw-Hill, 1964. – 128 p.
7. Fant G. Perspectives in speech research. // Speech transmission lab. quart. – Stockholm, -1980, № 2/3. – p. 1–16
8. Firbas J. On defining the theme in functional sentence analysis. – Travaux Linguistiques de Prague, V. 1. – Prague: additions de 'I' Acad. Tshecoslov. D. sciences, 1964. – P. 3–45
9. Friederich W. Langenscheidts Lern- und Übungsgrammatik Englisch. – Berlin-Munchen – Wein- Zurich: Longescheidt, 1993. – s. 240
10. Fries Ch.C. The Structure of English. – Longmans, Green and Co., 1963. – 304 p.
11. Geckeler H. Structurelle Semantik und Wortfeldtheorie. – Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1971. – s. 255
12. Haddleston R. Introduction to the Grammar of English. – London: CUP, 2000.- 184 p.
13. Hill A.A. Introduction to linguistic structures. – New York: Harcourt, Brace and comp., 1958. – 496 p.
14. Horn K.M. Language typology 19th and 20th century views. – Washington: Secker and Wartburg, Ltd., 1966. – 228 p.
15. Hurston Z.N. Their Eyes Were Watching God. Harper Perennial Modern Classics, 2006
16. Leontyeva S. F. A Theoretical Course of English Phonetics. – Moscow: Vysšaja škola, 1980. – 272 p.

17. Malletzke G. Interculturelle Kommunikation: zur Interpretation zwischen Menschen verschiedener Kulturen – Opladen: Westalt. Verlag, 1996.– s. 226
18. Povey J. Phrasal Verb and How to Use Them (Английские фразовые глаголы и их употребление). – М.: Высшая школа, 2000. – 168 p.
19. Rayevskaya N. English Lexicology. – Kiev: Ukr. State Univ. Publ. House, 1957. – 171 p.
20. Searle J.R., Kiefer F., Bierwisch M. ed. Speech act theory and pragmatics, 1980.
21. Searle J.R. Was ist ein Sprechakt? // Sprechwissenschaft. Ein Reader/ Hrsg. von L. Hoffmann. – Berlin–New York–Walter de Greyter, 1996. – P. 143–162.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ АНАЛИЗА НА КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Айтматов Ч. Бетме-бет // Повесттер жана аңгемелер (өспүрүмдөр үчүн) Ч.Айтматов, Т.Сыдыкбеков, К.Жантошев, ж.б. / түзгөн М.Адамкулов. – Фрунзе: Мектеп, 1985. 3–44 б.
2. Айтматов Ч. Кыямат. Роман. – Фрунзе: Адабият, 1988. – 349 б.
3. Акматов К. Архат: Роман. – Бишкек: Мамлекеттик тил жана энциклопедия борбору, 2007. – 352 б.
4. Баласагын Ж. Куттуу билим: Дастан / котор. Т. Козубеков. – М.: НИК, 1993. – 496 б.
5. Диккенс Ч. Жизнь Дэвида Копперфилда. – 2021. – 554 с.
6. Жантошев К. Чолпонбай (аңгеме) // Повесттер жана аңгемелер. (Өспүрүмдөр үчүн) / Ч.Айтматов, Т.Садыкбеков, К. Жантошев, ж.б. / Түзгөн М. Адамкулов. – Фрунзе: Мектеп, 1985. – 409-429 б.
7. Жоошбаев М. Кара курттун уюгу. Роман. – Бишкек: б.у.и., 2002. – 330
8. Касым-Бек Т. Баскын: Тарыхый роман. – Бишкек: Шам, 2000. – 400 б.
9. Кедейкан. Олжобай менен Кишимжан: Эпостор / А. Акматалиевдин жалпы редакциясы менен. Түз. Т. Казиев. 2-тому – Бишкек: Шам, 1997. – 424 б.
10. Кожожаш: Эпос /А.Акматалиевдин жалпы редакциясы менен – Түз. К. Кырбашев. – 1-тому – Бишкек: Шам, 1996. – 248 б.

11. Кыргыз адабиятынын антологиясы: 5-том. Драмалар / Түз. С. Байгазиев, Э. Хамитова. – Б.: “Кыргыз энциклопедиясы” башкы редакциясы. 2012. – 464 б.
12. Кыргыз адабиятынын антологиясы: 6-том. Аңгемеле, повесттер / Түз. Н.Ишекеев. – Б.: “Кыргыз энциклопедиясы” башкы редакциясы. 2012. – 464 б.
13. Кыргыз адабиятынын антологиясы: 7-том. Романдар / Түз. А. Муратов, Б. Асранкулова. – Б.: “Кыргыз энциклопедиясы” башкы редакциясы. 2012. – 552 б.
14. Медералиев Ж. Боор толгоо. Аңгемелер. – Фрунзе. Адабият, 1989. – 120 б.
15. Медетов Ж. Кежир Али: Айып-дастан, повесттер, аңгемелер / жаштар үчүн. – Бишкек: Адабият, 1991. – 480 б.
16. Сыдыкбеков Т. Пайдага чечилген чатак (аңгеме) // Повесттер жана аңгемелер. (Өспүрүмдөр үчүн) / Ч.Айтматов, Т. Сыдыкбеков, К. Жантошев / түз. М. Адамкулов – Фрунзе. Мектеп, 1985. – 385–409 б.
17. Токомбаев А. (Балка) Токтобойт толкун түбөлүк. Тандалмалар. – Бишкек: К.Э. башкы ред., 1995. – 224 б.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ АНАЛИЗА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Bulgakov M. The Master and Margarita. – Picador, 2010. – 367 p.
2. Carre Le: The Spy Who Came in from the Cold. – Penguin, 2014. – 282 p.
3. Christie A. Murder on the Orient Express. – HarperCollins Publishers, 2017.
4. Christie A. Sleeping Murder – Publishing house: AST, 2003. – 320 p.
5. Christie A. The Secret of Chimneys – Publishing house: Eksmo, 2009. – 480 p.
6. Cristie A. The Mysterious Affair at Styles. – 2003. – 187 p.
7. Dickens Ch. The ghost of art // Best British Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев В. Ильенко. – М.: Эксмо, 2013. – С. 4-25
8. Dreiser T. An American Tragedy. Edited by Richard Lingeman. – Library of America, 2010. – 896 p.
9. Eliot G. Middlemarch, Publishing house: Eksmo, 2018. – 768 p.
10. Fitzgerald F.S. The Diamond as Big as the Ritz // Фицджеральд Ф.С. Алмазная гора (на англ. и русс.яз.). – М.: Эксмо, 2011. – 222 с.

11. Fleming, I. Casino Royale. – Thomas & Mercer, 2012. – 178 p.
12. Flynn G. Gone Girl. – Crown Publishers. 2012. – 399 p.
13. Freneau Ph. The splenetic Indian (1788) // Американская романтическая проза. Сборник / Сост. А.Н. Николукин (на англ. и русс яз.). – М.: Радуга, 1984. – С. 34–45
14. Groom W. Forrest Gump. – Vintage, 2012. – 256 p.
15. Hardy T. The Grave by the Handpost // Best British Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев В. Ильенко. – М.: Эксмо, 2013. – Р.74-102
16. Harte B. The Outcast of Poker Flat // Best American Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев Е. Доганина. – М.: Эксмо, 2013. – Р. 42- 69
17. Hawthorne N. The Maypole of Marry Mount (1836) //Американская романтическая проза. Сборник / Сост. А. Н. Николукина (на англ. и русс. яз.). - М.: Радуга, 1984. – р.198–225
18. Hawthorne N., Dr. Heidegger`s Experiment // Best American Short Stories / сост. словаря, упражнений и комментариев Е. Доганина. - М.: Эксмо, 2013. – Р. 16–41
19. Henry O. The Furnished Room and the Last Leaf. – Rockville, Maryland, USA: Wildside Press, 2017. – 24 p.
20. Henry O. Next to Reading Matter // Best American Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев Е.Доганина. – М.: Эксмо, 2013. – Р. 124-163
21. Huxley A. The Gioconda Smile – Publishing house: AST, 2010 – 256 p.
22. Kerouac J. On the Road – Publishing house: AST, 2021. – 416 p.
23. Kesey K. One Flew over the Cuckoo's Nest / Ken Kesey: text preparation, commentary, assignments and dictionary by N. V. Demidova. – St. Petersburg: KORONA print: Karo, 2008. – 430 p.
24. King S. 11/22/63. – Publishing house: Astrel, Harvest, 2013. – 800 p.
25. King S. Blind Willie. 1994. – 528 p.
26. Lawrence D.H The rocking-horse winner // Best British Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев В. Ильенко. –М., Эксмо, 2013. – Р.26-73

27. Leacock St. The Sorrows of a Summer Guest // Best American Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев Е. Доганина. – М.: Эксмо, 2013. – Р. 96-123
28. London J. A Daughter of the Aurora // Best American Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев Е. Доганина – М.: Эксмо, 2013. – Р. 70-95
29. Maugham W.S. Best Short Stories. – Macmillan Collector's Library, 2017. – 416 p.
30. McCullough C. The Thorn Birds. – HarperCollins Publishers, 2011. – 692 p.
31. Murdoch I. Under the Net. - Publishing House: AST, 2016. – 320 p.
32. Reid M. The Headless Horseman. – Publishing house: AST, 2020. – 608 p.
33. Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. – London: Bloomsbury. 2015. – 325 p.
34. Salinger J. D. The Catcher in the Rye. – Little, Brown and Company, 1991. – 240 p.
35. Snicket L. A Series of Unfortunate Events: The Bad Beginning. – HarperCollins Publishers, – 1999. – 262 p.
36. Steinbeck J. The Grapes of Wrath. – Penguin Modern Classics, 2000. – 59 p.
37. Stevenson R.L. The Bottle Imp // Best British Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев В. Ильенко. – М., Эксмо, 2013. – Р. 104-184
38. Twain M. A Complaint about Correspondents, Dated in San-Francisco // Best American Short Stories / Сост. словаря, упражнений и комментариев Е. Доганина. – М.: Эксмо, 2013. – Р. 4-15
39. Twain M. The Adventures of Tom Sawyer. – М; Изд-во «Эксмо», 2012. – 288 с.
40. Wells H. G. "The Haunted House." The Door in the Wall and Other Stories, ed. by B.Bergonzi. – Penguin Books, 2005. – Р. 144-152.